

АЛЕКСАНДРЪ

литературно-историческия журнал № 1, октябрь, 2016

УВАЖАЕМЫЙ ДРУГ-ЧИТАТЕЛЬ!

На Ваш «превысший и пречистый», – говоря словами поэта, – суд мы представляем первый номер нового литературно-художественного и историко-краеведческого журнала «АЛЕКСАНДРЪ». Такое название дано ему в честь светоча русской, европейской и мировой культуры Александра Сергеевича Пушкина.

Первый номер журнала готовили прозаики, поэты, публицисты, краеведы, библиофилы, научные работники Центральной полосы России и Южного Урала, Тамбовской и Свердловской областей. Особенностью издания-новинки является то, что журнал выходит не в Москве или Санкт-Петербурге, а в провинции, тем самым стремясь отвечать понятным интересам как можно более широкого круга читателей. Будем рады любым вашим предложениям, замечаниям, советам, рекомендациям, касающимся содержания и технического оформления этого и последующих номеров. Готовы к творческому сотрудничеству с именитыми и начинающими литераторами. В добрый путь!

*С искренним уважением,
директор и главный редактор,
Анатолий Сергеевич ТРУБА*

ДОРОГИЕ БРАТЯ И СЕСТРЫ!

Сегодня русский язык является не только государственным языком в Российской Федерации, но и средством межнационального общения народов СНГ, одним из шести рабочих языков ООН и других значимых международных организаций.

Русский литературный язык является прямым преемником староцерковнославянского языка, созданного святыми равноапостольными славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием. И как справедливо заметил А.С. Пушкин, стоявший у истоков современного русского языка, и чье имя носит данный журнал: «Как материал словесности язык славянорусский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими».

Наш язык богат и велик, емок и точен одновременно. В человеке все должно быть прекрасно, как давно сказали классики. Великолепное владение родной речью делает привлекательным внутренний мир каждого россиянина.

Уверен, что настоящий журнал, первый номер которого вы держите в руках, послужит делу сохранения, украшения и популяризации русского языка!

*Епископ Мичуринский и Моршанский
ГЕРМОГЕН*

Главный редактор – Анатолий ТРУБА

Редколлегия:

В.С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск)
Е.В. БАРАБАНЩИКОВ (Первомайский)
Л.Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва)
В.И. ГРЯЗНЕВА (Мичуринск)
С.И. КАТЬКАЛО (Москва)
Л.В. КОЛПАКОВ (Москва)
Р.С. ЛЕОНОВ (Мичуринск)
Т.О. МАЛИКОВА (Тамбов)
А.И. НОВИКОВ (Екатеринбург)
Ю.М. ПОЛЯКОВ (Москва)
Г.Н. ПОПОВА (Мичуринск)
А.Н. СЁМИН (Екатеринбург)
В.Е. СОЛОВЬЕВ (Тамбов)
В.И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов)
Я.Б. ХУТОРЯНСКИЙ (Екатеринбург)

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 1, октябрь, 2016 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Дата выхода – 22.09.2016 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2

Телефон: +7-915-879-14-14 – директор, главный редактор

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом
ООО «Просто Печать», г. Липецк

Информация предназначена для лиц старше 18 лет.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина)

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Усл. печ. л.

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

- 6** Татьяна Маликова. Душа – как хлеб
46 Мария Знобищева. По праву родства
59 Евгений Харланов
96 Александр Боев
9 Елена Часовских

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

- 8** Орлиное перо Ларисы Васильевой
34 Марина Владимировна Кудимова.
 Фрагмент из романа «Бустрофедон»

ДУХОВНОЕ ПОЛЕ

- 18** Святитель Иоанн Тобольский

РОССИЯ • РОДИНА • ЛЮБОВЬ

- 24** Дорогой подвига

ПРОЗА

- 49** Геворг Гиланц. Все дороги ведут...
56 А.Н. Семин. Лекция

ЭКОНОМИКА

- 56** Экспортная страничка
 зауральского бекона

ПО ЗАВЕТАМ ПРЕДКОВ

- 72** Казак – учитель, наставник, воин

ИСКУССТВО. КУЛЬТУРА. БЫТ

- 79** Творческий союз

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗЮМИНКИ

- 84** Анна Керн из ... Екатеринбурга

УМНЫЙ ДОСУГ

- 87** Сокол расправляет крылья

СПОРТ

- 90** Наши в Рио

ТАТЬЯНА МАЛИКОВА

Татьяна Олеговна Маликова Родилась в 1980 году. Поэт, член Союза писателей России. Закончила Высшие литературные курсы Литературного института имени А.М. Горького (семинар поэзии Ю.П. Кузнецова – В.В. Сорокина). Печаталась в журналах «Подъём», «Российский колокол», «Юность», «Юность плюс», «Вестник Международного сообщества писательских союзов», «В литературном кругу», в «Тамбовском альманахе», в сборниках «Золотая строка Московши», «Антология одного стихотворения», в «Литературной газете», в тамбовской периодике. С 2013 по 2015 годы возглавляла Тамбовское региональное отделение Союза писателей России.

Автор трёх поэтических сборников, либретто и песенных текстов к мюзиклам и музыкальным спектаклям: «Рукопись Мастера» по черновикам романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Хрустальное сердце» по мотивам сказки Г.Х. Андерсена «Снежная королева», «Мэри Поппинс с Вишнёвой улицы», «Антигона. Next edition» по пьесе Ж. Ануя, «Цирк Судьбы», «Царь Соломон».

В настоящее время работает в историко-культурном музейном комплексе «Усадьба Асеевых».

Душа – как хлеб...

ДУША – КАК ХЛЕБ

Душа – как хлеб: рождается в печи,
И с каждым часом – черствеет и стынет.
Искрошится, истрётся в ком земли –
Пшеном погостным перекрестят имя...

Душа – как хлеб: из печи да на стол –
Родильный, белый, кипенный, крахмальный...
А после – чёрный, скорбный, поминальный –
Под плач старух и карканье ворон.

Приходит смерть в пурпурных башмачках,
И пляшет, пляшет, хлеб ломая, крошит!
Я шорох платья ощущаю кожей,
Стук клювов, чётков, имя на губах.

Душа – как хлеб: Ломай её и рви!
Пусть будут сыты – птицы, псы, бродяги!
Животвори причастием любви –
В миру, в дому, над хлебом, на бумаге.

ЖАТВА

Осыпается август переспевшими зёрнами звёзд –
Разотри их в ладони. Не чуда хочу я – а хлеба.
Сколько сжато колосьев! – к утру будет полная горсть...
Я тебе испеку эту сдобную полночь в полнеба.

Я хочу, чтоб ты знал, что меня заставляет молчать –
Мой несбывшийся дом и звенящую алую жажду.
Ни губам, ни ручьям не дано эту пытку унять –
Только в полночь одну, только хлебом, и только не с каждым.

Посмотри на меня – мои руки чернее земли.
И сама я – земля, разве что не покрыта цветами.
Я их всех узнаю – все живущие – дети мои.
Голоса их зовут – и ни ночью, ни днём не смолкают.

– Прогони мою смерть!
– Успокой мою боль!
– Полюби!
– Спеленай меня!
– Выкорми!
– Плачь обо мне на погосте!..

И не сердце в груди, отбивая минуты, кровит –
Это чётки, стучат имена о моленные кости.

Я хочу, чтоб ты знал мой отчаянный страх – не успеть –
Не услышать того, кто надеждой на эхо отравлен.
Так ломай же ломоть – как ломают замок или клеть.
Ты – тот самый не каждый – мне к жатве полуночной явлен.

РОЖЕНИЦА-ЛУНА

Роженица-луна простыню голубую измяла –
Потаённые стоны и алые пятна зари...
Я лежала в крови и кричала, от страха кричала,
И искала губами набухшие груди земли.

Я росла не по дням, наливаясь и мёдом и ядом.
Всеми песнями трав отзывался мой сбивчивый слог.
Я училась читать по изломам черёмух и яблонь –
Как слепая, касаясь ладонью морщинистых строк.

Окрестили меня в тихой церкви, где свечи и шёпот,
Где святые смотрели – кто грозно, кто с лаской со стен.
Окунаясь в купель, я смывала гордыню и ропот,
А навстречу мне солнце вставало с распухших колен.

Сладкий Благовест, матери, – я чувствую звонкую силу!
Мне бы время замедлить – ладонью воды зачерпнуть.
Корни судеб людских прорастают в плакучие ивы...
Корни трав напою, чтобы к солнцу продолжить свой путь.

ОРЛИНОЕ ПЕРО

Ларисы Васильевой

«ПАПА, МАМА, Я...»

Во вторник, 28 апреля 1953 года, в газете «Пионерская правда» – органе Центрального и Московского комитетов комсомола той поры – появилось (на первой странице!) стихотворение никому не известной девочки Лары Кучеренко «День наш заполнен делами». Не стих, конечно, а обычный вирш, присланный десятиклассницей 609-й столичной школы с набором дежурных фраз. Тут и зеленеющая весенняя листва, и дружные ребята-одноклассники, и похвала интересным урокам наряду с ожиданием первого экзамена...

– Но, Бог ты мой, – с улыбкой вспоминает Лариса Николаевна, – какой же луч славы обжёг меня тогда! Мало того, что в школе я тут же стала знаменитостью и для учеников, и для учителей, так ещё и в редакцию «Пионерки» хлынул поток писем со всего Советского Союза. Сверстники звали в гости к себе – на Украину и в Молдавию, ребята из Грузии, Армении расспрашивали о Москве, узбеки, белорусы предлагали знакомство и дружбу... Моя записная книжка наполнилась всё новыми и новыми именами, адресами, телефонами... Вот когда я впервые осознала и поняла силу, магию, притягательность печатного слова!

Пройдут годы и десятилетия. Уже не хватит листа бумаги, чтобы просто перечислить все титулы, звания, награды, регалии Ларисы Николаевны Васильевой – поэтессы, прозаика, драматурга, автора знаменитых на весь мир книг-бестселлеров «Кремлёвские жёны» и «Дети Кремля», «Василиса», «Альбион и тайна времени», «Евдокия Московская»... А в её памяти и по сей день самыми светлыми, добрыми, лучезарными воспоминаниями остаются именно детские годы с их музыкой и песнями, нарядами и красками, играми и запахами. А это любимые мамины духи «Красная Москва» в сочетании с горьковатым папиросным дымом сигарок «Казбек», манящие ароматы бабушкиной кухни, где булькают и шипят на сковороде сочные котлеты, сладость ирисок и разноцветных конфет-подушечек, напроць забытых сегодня.

Домашний фотоальбом хранит облик Лары пятилетней девочкой, где она запечатлена в красивом костюмчике «в облипочку», голова увенчана белой вязаной шапочкой с двумя смешными помпончиками, в глазах – радость, удивление, приветствие открывающемуся миру.

Ещё бы! Всё было первым, впервые... Море живых и бумажных цветов, флаги и

знамёна, оркестровые марши, где самый популярный мотив – «холодок бежит за ворот», взрывающиеся ввысь гирлянды воздушных шаров, транспаранты во всю ширь колонн и портреты вождей; это дошкольница Лара с восторгом наблюдает первомайскую демонстрацию в центре Харькова, сидя высоко-высоко, на плечах синеглазого гиганта-отца (рост метр девяносто сантиметров), сама размахивая маленьким флажком. А неподалёку, в любимом парке имени Тараса Шевченко, сказочно переливаются водяные дуги фонтанов, в том числе «Зеркальная струя». И необозримо раскинулась громадная площадь Тевелева, о которой сами харьковчане говорят, что она по размаху вторая в мире, не уточняя, правда, где же находится первая? Наверное, это площадь Тяньаньмынь в сердце Китая – известном городе Пекине.

Почему Харьков? Там проходило её довоенное детство: на секретном номерном заводе бывшей столицы Украины ведущим конструктором работал отец – Николай Алексеевич Кучеренко – один из создателей боевого танка Т-34. Родной, любимый человек, которому дочь со временем посвятит не только стихи, документальную и художественную прозу, а и с помощью друзей откроет вблизи

своего подмосковного дома, в Мытищенском районе, уникальный танковый музей его памяти, с легендарной «тэтридцатьчетвёркой» во главе экспозиции. И в центре Тамбова, и в Петровском районе нашей области, где в войну родился всесоюзный геройский почин – собрать средства на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник», да, пожалуй, во всех регионах страны не зря стоят танки на пьедесталах. Боевые машины – такие же спасители Отечества и победители, как доблестные солдаты, как прославленные маршалы и генералы!

Недаром даже крайне скупой на похвалу Верховный Главнокомандующий, отец всех народов И.В. Сталин в лютый январь 1942 года на большом совещании высоких военных чинов заявил во всеуслышание, что танк Т-34 на деле показал свои хорошие качества: имеет большие мощности, везде проходит, особенно хорошо идёт по снегу, а потому необходимо «раздуть выпуск танков Т-34» (дневниковые записи В.А. Малышева – в годы войны наркома среднего машиностроения СССР). Создателям мощной боевой машины, в том числе инженеру-полковнику Н.А. Кучеренко в том же году, только в апреле была присуждена награда-наград – Сталинская премия 1 степени, в размере 100 000 рублей.

Таков был у красавицы-мамы, Екатерины Васильевны, муж, и её, Ларисы, отец. В годы войны назначенный начальником конструкторского бюро Нижне-Тагильского Уралвагонзавода, с задачей и сверхзадачей, как можно быстрее и больше выпускать позарез нужные фронту танки Т-34, с честью прошедшие огневое крещение в Подмоскowie, выстоявшие на рубежах длиной с pistolетный выстрел на Волге при обороне Сталинграда, показавшие врагу где раки зимуют в боях под Прохоровкой, и умело взявшие последнюю гитлеровскую цитадель – Берлин, на улицах которого в прорезь прицела открывалась самая желанная, самая долгожданная панорама – Победное знамя над поверженным рейхстагом.

Находясь в уральской эвакуации, Лариса училась в женской школе № 7 (обучение у девочек и мальчиков было раздельное), читала на утренниках с неподдельным выражением стихи Лермонтова, в том числе – взрослое, длинное, сложное «Умиравший гладиатор», которое, по её признанию, помнит наизусть до сих пор. И вырезала из местной газеты патриотические стихи любимой Людмилы Татьянической, не думая и не предполагая, что наступит такой час и она – живую – встретится и подружится с поэтической знаменитостью на много-много лет, уже в Москве.

СОТКАНА БЫЛА ЛУНА ИЗ ЗЕЛЁНЫХ ВЕТОК ХМЕЛЯ

Не в первый раз судьба нас сводит с Ларисой Николаевной во время её приездов на тамбовскую землю, благодаря другу Васильевой – краеведу, публицисту Анатолию Сергеевичу Трубе. Радость и одно удовольствие слушать замечательную московскую гостью в шумных, подолгу не отпускающих её студенческих аудиториях технического и гуманитарного университетов областного центра или во вместительном актовом зале Мичуринского аграрного вуза. На раз расходятся книги и аудиодиски писательницы в кулуарах Домов культуры, библиотек, читальных залов перед и после её выступлений перед разночинной публикой, длящихся по два часа и более. Порой благодарные читатели просят оставить автограф на книгах, издание которых и для

самого автора – откровение. Но приятное откровение и по прошествии лет!

Вначале Лариса Николаевна читает свои стихи, с особым вкусом преподнося самое первое из первого же её печатного сборника лирики «Лынная Луна» (книга тут же была удостоена весомой премии Московского комсомола):

*Соткана моя Луна
Из зелёных веток хмеля,
Из упругих ниток льна
Да из русских прядей Леля.
Долго я Луну ткала,
Огорчалась, волновалась,
Нить за ниткою текла,
Нить за нитью обрывалась...*

Потом рассказывает о себе... И поклонники творчества Ларисы Васильевой внимают, как замороженные, её воспоминаниями о том, как, например, уже в Москве, школьницей, она первый и последний раз в жизни увидела Вождя. Наряжая с лестницы-стремянки новогоднюю ёлку в квартире Ворошиловых, удостоилась слов самого... Сталина, навестившего в тот вечер жилище Климента Ефремовича. Зоркая – она успела разглядеть с лестничной высоты и первую, едва заметную плешь на голове генералиссимуса, и неестественное положение его левой руки – прямо говоря, ту самую сухорукость Всемогущего...

Вскинув глаза на девчонку, «Высоко забралась, больно падать будет», – без улыбки заметил в её адрес Иосиф Виссарионович. Для вождя – тут же забытое замечание вскользь, для адресата – память-рубец на всю жизнь...

Её начальные стихи, занесённые в тетрадку и тайком показанные тётке Ларисы самой Анне Ахматовой, поэтесса снабдила своими пометками на полях – лестными и нелестными... Это были святые письма великой Анны Андреевны, с которой Лариса так и не решилась познакомиться лично из-за благоговения, преклонения перед гением. Хотя небожитель, как девочке казалось, Анна Андреевна, там же, на полях листиков в линейчку чётким каллиграфическим почерком сделала приписку: «Меня не бойся, меня тебе не надобно бояться». Находясь под известным партийным Постановлением, слова

«не надобно» Ахматова сочла нужным подчеркнуть.

Мы беседуем с Ларисой Николаевной, оставшись один на один в расположенном на втором этаже кинотеатра «Октябрь» кафе, из высоких и просторных окон которого отлично просматривается вся центральная площадь Мичуринска и виден стоящий на мраморном пьедестале бронзовый памятник знаменитому преобразователю природы. Неспешно беседуем за чашкой чая всё то время, пока сын её – Георгий Олегович – занят неподалёку в старинном Ильинском храме (архитектурной доминанте старого Козлова) осмотром икон, клироса, амвона, беседой со священнослужителями. По профессии музейщик, Георгий Васильев никогда не упускает возможности почерпнуть нечто новое, собрать интересующие его сведения от коллег, будучи историком, летописцем современности и, в то же время, коллекционером «свидетельств древности глубокой».

– Лариса Николаевна, расскажите, пожалуйста, об английском периоде вашей жизни, ведь почти шесть лет были отданы туманному Альбиону. Ваш муж, как зарубежный собственный корреспондент «Известий», менял в Лондоне Мэлора Стуруа?

– Нет, Олег Сергеевич Васильев прибыл менять Виталия Кобыша, такого же журналиста-международника, который уезжал в Америку. Жили мы, слава Богу, свободно, именно в городе, а не в посольском замкнутом пространстве, а потому могли без проблем встречаться с известными, симпатичными нам людьми, устраивать приёмы, на которые откликалась местная пресса. С первым послом отношения были по-настоящему дружеские, человеческие. А со вторым – напряжённые, он почему-то считал, что лично я ни больше ни меньше, поссорю его с Компартией Англии, хотя я и понятия не имела, где та компартия у них находится. Да и сама, скажу по правде, никогда за свои 80 с хвостиком ни в какую партию не вступала, ни к каким литературным и прочим группировкам не примыкала, посещение университетов марксизма-ленинизма тоже счастливо избегала, считая, что достаточное образование получила на филологическом факультете МГУ.

Англия поначалу давалась мне очень тяжело. Я её выдерживала не более двух с половиной–трёх месяцев, а потом всеми силами рвалась домой, в Москву, ночей не спала, так тянуло в Россию. Уезжала, потом возвращалась и на какое-то время успокаивалась. Олег Васильев был по маковку загружен редакционными заданиями, а я потихоньку стала собирать материал для повествования о Британии, коль уж мы там находились. Родилась книга «Альбион и тайны времени», получившая большой и неожиданный для меня успех – прежде всего, у самих англичан. Знаете, хотелось развеять сложившийся и устоявшийся миф о том, что жители Великобритании вообще, а лондонцы, в частности, сплошь холодные, чопорные люди, с вечно поджатой нижней губой. Это не так. Никакого я не ощущала в общении с ними ни гонора, ни снобизма. Милые, вежливые, приветливые люди, всегда готовые откликнуться на первое же твоё к ним обращение, воспитанные, не упускающие возможности и с мало знакомым человеком в подъезде, допустим, перекинуться хоть парой фраз о текущей погоде, улыбнуться при встрече, тепло пообщаться, касается ли разговор состояния соседнего скверика или вчерашнего концерта поп-звезды. Странное дело! Но после возвращения в Москву я очень долго ностальгировала по Англии, чего живя там и представить себе не могла. Но вот, случилось. Люблю Англию по сей день. Что уж было говорить о покойном муже, блестящем знатоке английского языка, литературы, эрудита, настоящего денди и джентльмена, вписавшегося в лондонский колорит со всей мощью своего литературного таланта и чисто человеческим дарованием...

Конечно, за те шесть лет, с 1973 по 1978 годы, различные складывались и житейские, и политические ситуации, не были в диковинку и провокационные моменты с «противоположной стороны», скажу так, не вдаваясь в подробности. Но для нашей семьи, лично для меня ангелом-хранителем, оберегом и, как я его в шутку и всерьёз называла «послом доброй воли», оставался прекрасный человек – офицер госбезопасности Яков Константинович Лукашевич, незримо раскрывавший над нами свои крылья и незаметно ограждавший

от всех напастей. Поминаю его только добрым, прочувствованным словом.

БЕСЕДУЕМ О ЛИТЕРАТУРЕ

– Лариса Николаевна, читатели меня никогда не простят, если я не спрошу Вас о встречах и общении с великими ...

– Да? И правильно сделают! Шучу, конечно. Но вот только, как же я смогу рассказать обо всех памятных встречах? Несть им числа, хотя очень многое смогли вместить в себя сборники художественной прозы, поэзии, публицистики, но сколько ещё нереализованных заготовок покоится на письменном столе... Впрочем, как и у всех писателей, с тяжёлым вздохом окидывающих своё литературное богатство. Я же объездила практически весь бывший Советский Союз, от Сахалина и Курил до Центрального Черноземья. Побывала во множестве стран в составе писательских делегаций, по общественным делам, а в настоящее время – с государственными поручениями, как член Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации. Я уж не говорю о разъездах по своей личной инициативе при работе над книгами.

Конечно, навсегда врезалась в память писательская поездка летом 1967 года в заветную станицу Вёшенскую к Михаилу Александровичу Шолохову. Как мы все робели тогда, как сжимались от одной мысли, что будем общаться с живым классиком! Однако, как все по-настоящему великие и умные люди, создатель «Тихого Дона» был с нами на удивление прост и доступен, шутил, пересмеивался, вступал в разные разговоры. И в то же время – оставался большим человеком с поучительным чувством собственного достоинства во всём – в словах, суждениях, жестах, даже улыбке. Жизнь подарила и радость встреч с героями – космонавтами, прежде всего – с Юрием Алексеевичем Гагариным. Правда, после появления первых же моих материалов о нём, молва сходу приписала мне роман с Космонавтом № 1, чему мы немало посмеялись с Валентиной Терешковой. Ох, эти злые языки. Сколько же они преследовали меня и потом, то сводя, то разводя с геро-

ями разных документальных произведений. Вот уж, поистине, издержки литературного производства!

Не сосчитать, сколько прекрасных жизненных уроков получила я от актрисы на все времена – Веры Петровны Марецкой. Это она отговорила меня от идеи поступать в театральный вуз, сказав веско, убедительно: «Ты что, хочешь всю жизнь говорить чужими словами, словами из выученных ролей? Лучше говори свои, ты же пишешь стихи!» Я была дружна с прекрасными поэтами – трижды горевшим в танке фронтовиком Сергеем Орловым, которого всегда считала своим родным братом, великим умницей, мудрым учителем и наставником в поэзии Сергеем Наровчатым; немного отвлекаясь, скажу, что Сергей Есенин и названные два Сергея – для меня бессмертный пароль настоящей поэзии, моё любимое мужское имя. Неподражаемым оставался всегда весельчак и великий оригинал Виктор Боков. А сколько света, знаний несли в себе интеллектуалы высокой пробы Борис Слуцкий, Александр Яшин, Михаил Дудин, посвящавший, кстати, мне свои стихи. Что вы! С их уходом такая образовалась брешь, такая пробоина в нашем литературном корабле, которую пока – нет, не могут восполнить ни версификаторы поэзии, ни модные подражатели, на слагатели побасенок... Хотя очень хочется верить, что будут у нас и новые Рубцовы, и новые Соколовы, и новые Кузнецовы, и новые Жигулины. Я до сих пор оплакиваю нелепую смерть Коли Рубцова. Какой он был славный парень, как умел дружить... Скромный оставался в общении до застенчивости. Сирота. Со всеми вытекающими последствиями. Я его, помню, корила, когда прочла знаменитое Рубцовское:

*В горнице моей светло –
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...*

Говорю, Коля, почему матушка-то у тебя идёт за водой, а не ты, здоровый мальчик? – Знаешь, – говорит, – я об этом и не подумал... Вот оно, сиротство, жизнь без матери. Николай Рубцов это вообще отдельная планета.

Нет, скорее даже комета, ярко вспыхнувшая и без времени погасшая...

Знаете, я могла бы бесконечно долго рассказывать и о других, как вы говорите, великих. Тем более, что мой отец дружил с братом Ворошилова, Петром Ефремовичем, для меня просто дядей Петей. В нашем родительском доме бывали замечательные люди – театральный режиссёр Юрий Александрович Завадский, великолепный человек, актёр божьей милостью Ростислав Янович Плятт, Анна Андреевна Ахматова... Ставьте к каждому из этих имён самые высокие эпитеты – прекрасный, великий, гениальный – не ошибётесь, всё будет в точку. Анна Андреевна... До сих пор неизведанный остров, женщина – королева, о которой и моя повесть «Королева без королевства». Сколько ей довелось пережить, какие испытать страшные потери, удары судьбы... Трагическая гибель мужа. Несколько раз сидел в советской тюрьме сын, который был потом и сослан. Сама получила ждановское клеймо «полумонахини, полублудницы». А знаете, к слову, что она сказала после этого, прочитав ждановский вердикт? «Он прав. По-своему. Ему придётся за это ответить. В будущем. Я не смогу его защитить перед вечностью».

Вот такая нравственная сила наполняла царственную Анну Андреевну, делала её прозорливой и гением литературы.

Мы с вами говорим о классиках прозы и поэзии. Но какие были у меня великолепные педагоги на филфаке МГУ! Всё ведь начинается с учителей, Винокуров тут глубоко прав, сказав, как вырубив на скрижалях, «Художник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться...» У нас на факультете пел профессор Радциг, актёрствовала Кучборская, бубнил Гудзий. Но главным действующим лицом был Николай Иванович Либан, умевший на лекциях «гипнотизировать» студентов своими познаниями, умением открывать миры, хотя «всего-то» старший преподаватель, без степени, но превосходивший по эрудиции и кругозору многих доцентов, профессоров, академиков. Это он учил нас разгадывать тайны старинных летописей, включая «Слово о полку Игореве», по которому и я сделала два перевода с древнеславянского. Он учил нас писать

любые диссертации по гуманитарным наукам. Другой корифей – Михаил Трофимович Панченко. Тоже старший преподаватель, только факультета журналистики МГУ. Как и «мой» Либан – человек абсолютно чуждый банальности, умевший и сам проникать, и нас, студентов, вести за собой в тайны мироздания.

Я очень грущу о распаде Советского Союза, о былом братстве литератур. Какие были яркие, солнечные поездки в Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Киргизию... Выступления перед прекрасными людьми труда прямо на полях, в цехах, в сельских Домах культуры... И всегда переполненные залы, жадно слушающие писателей, поэтов молодые и пожилые. Мы увидели Азию, восхитились Сибирью, любовались красотами Молдавии, Армении, Днепровскими кручами... Но главным было профессиональное братство, духовное единение тружеников литературного цеха, понимающих друг друга с первого взгляда, с полуслова, независимо от пола, возраста, вероисповедания и политических пристрастий... Каждый был личность, каждый умница, каждый талант. Так и стоят в памяти Берды Кербабаяев, Лоик Шерали, Мирзо Турсун-заде, Геворг Эмин. Мы с ними встречались и воочию, и на страницах прекрасного альманаха-ежегодника «День поэзии», несколько выпусков которых мне было поручено редактировать, и я с удовольствием помещала там стихи воронежских поэтов, сотрудников очень содержательного, интересного журнала «Подъём», тамбовских, липецких, орловских, курских поэтов. Я с удовольствием переводила на русский язык стихи мудреца Лоика, радовалась белорусской поэзии Евдокии Лось и Анатолия Вертинского, творчеству украинских друзей Ивана Драча и Бориса Олейника.

УЛОЧКИ-ШКАТУЛОЧКИ, НАЛИЧНИКИ, СОБОР...

У меня ведь тоже национальность получилась интересная: по маме я западная украинка с польскими вкраплениями, по отцу – восточная украинка с курскими вкраплениями. И кто я, скажите? Однажды спросила отца: «Ты кем себя ощущаешь, русским или украинцем?» Он говорит, когда пою «Есть

на Волге утёс», – русским, а когда «Ридна маты моя», – украинцем. Как разделить две братские страны, два славянских народа?

– Вам задавали эти вопросы на творческой встрече в читальном зале городской библиотеки...

– Да. Вы же слышали, я говорила о том, что после распада СССР у нас наступило очень непростое, очень непонятное и тревожное время. Что нужно было считать путчем? Был ли это действительно путч? Кого считать врагом, а кого героем? Как произошла Беловежская вечеря, на которой четверо пожилых мужчин решили судьбы многомиллионных народов, хотя люди из всех сил старались удержать страну...

Понимаете, мы – славяне. То есть, люди слова, совести, чести. Англичане – люди дела, немцы – тела, ну и так далее, и так далее. Я никому своё мнение не навязываю и не считаю его окончательным. Но! Как верующий человек, как человек пусть и молодой душой, но немало поживший на этом свете, я считаю, что искусственно насаждаемая некоторыми политиками вражда, политический мусор всё же отшелушатся, а чистота, совесть, честные отношения братских народов останутся. Даст Бог, сольются вновь воедино страны, связанные общим, по сути, языком, одной историей и пролившие столько крови во имя одной цели – избавления от фашизма...

– Лариса Николаевна, какие у Вас впечатления о Тамбовщине, о первом и единственном в России городе-наукограде аграрно-продовольственного профиля – Мичуринске?

– Ой, ну везде мне встречаются добрые, распахнутые души. Я очарована пленительным сочетанием новизны и старины Тамбова, города со своим лицом, бурно строящегося, хорошеющего на глазах. Не скрою, очень приятно, что две замечательные девушки, аспирантки ТГУ, пишут кандидатские диссертации по моим книгам и творчеству вообще... С нетерпением жду выхода в свет их трудов. Свежий, не замутнённый пристрастиями взгляд со стороны на твою работу – это такой стимул для писателя!

Мичуринск? Городок поразил меня своими улочками-шкатулочками, удивительной – этаким кружевной вязью наличников,

которые не везде ещё сегодня и в провинции увидишь, сохранившейся кирпичной кладкой многовековых каменных стен, подворотен, прежних барских домов. Внушительные храмы, Боголюбский собор... Прелесть! Только бы ничего не порушили, наоборот, сохранять всё прошлое великолепиие нужно, как музейные реликвии...

Но больше всего меня потрясло посещение с вами вместе Дома-музея Мичурина и общение с заведующей Людмилой Васильевой... Сколько она сказала? Почти сорок лет бессменно работающей в стенах мемориала учёного. Удивительная женщина! Сколько она всего и вся знает о Мичурине, его трудах, его семье, его характере... И что ростом он был невелик – метр пятьдесят девять сантиметров, и что глаза у него были очень живые, карие, и что больше всего из еды любил он гречневую кашу, а из фруктов – яблоко золотая китайка...

– Но и Людмилу Васильевну Волокитину смутил ваш вопрос, какая у Мичурина была группа крови... Обещала обязательно узнать...

– Да. Но, понимаете, вначале я прочитала в одной распространённой книжечке из популярной, народной, можно сказать, серии, а затем сама на бесчисленных примерах своих и знакомых убедилась: группа крови способна рассказать о человеке всё-всё-всё, что только можно и нужно о нём знать. Попробуете – убедитесь сами. В группе крови заключён и генетический код и кода – характеристика всех человеческих качеств индивидуума.

МЫ НАЧАЛИ ГОВОРИТЬ О МИЧУРИНЕ...

– Вот, скажите, каким надо было быть нравственным человеком, сыном своей страны, чтобы на самые обворожительные, сладкие посулы американцев, немцев, испанцев о переезде в их благодатные края вместе с питомником (фрахтовался под эти цели паром), где ему будут созданы все условия для спокойной научной работы, все бытовые блага, включая фантастическую оплату труда, после некоторых размышлений всё же ответить отказом. «Нет, яблонька на чужой земле не приживается»... И в тот же вечер сказать жене: «А приготовь-ка на ужин, Шуронька, тюрю, да капни туда ложечку маслица под-

солнечного...» Тюрю... А мог бы в лучших ресторанах Европы, Америки вкушать ананасы в шампанском, устриц и сыр-рокфор... А он предпочёл хлебный квас, зато у себя на Родине... Мне очень жаль, что вот уже отметили 160-ю годовщину со дня рождения Ивана Владимировича Мичурина, чья жизнь – подвиг, а до сих пор нет о нём полновесной книги из «Жизни замечательных людей»... Правда, не знаю, нужны ли сегодняшним издателям и издательствам такие фигуры, как Мичурин, трудами которого интересовался для обсуждения на Совнаркомме Ленин, которого высоко ценил Вавилов, к которому дважды приезжал к вам сюда, тогда ещё в Козлов, Калинин, и на смерть которого скорбной телеграммой соболезнования откликнулся Сталин? Мичурин... Человек, ещё при жизни которого город получил его имя, а вся страна – массовое движение по озеленению городов и сёл, то есть, юных мичуринцев, а весь мир – основы научного садоводства...

– Лариса Николаевна, по некоей ассоциации хотел бы спросить, а кремлёвские жёны были привередливы к столу, нарядам, вообще к светской жизни? Вы же первооткрыватель на планете «бархатного занавеса» над литературным жанром такого рода...

– Прежде я хотела бы сказать, что женщины XX века вообще начали делать то, что их предшественницы в XIX веке никогда не делали. А именно: преподавать в школах и вузах, успешно лечить, конструировать, моделировать, строить, даже участвовать в политической борьбе, увы, революциях и терактах. Открывая для себя, а, значит, и для читателя жён Ленина, Сталина, Молотова, Будённого, Кагановича, Брежнева и других видных государственных, политических деятелей я каждый раз словно входила в новую реку, где уже на стремнине надо было решать, в какую плыть сторону, левую или правую, как подавать на страницах книги их неповторимые характеры, нравы, особенности... Сразу скажу, что самым сильным открытием стала для меня личность Надежды Константиновны Крупской, о подлинном масштабе жизни и деятельности которой у нас если и знают, то крайне мало. А он если и сопоставим, то разве что с жизнью и деятельностью всемирно известной женщины

учёного, физика, химика, педагога, общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии за открытие важнейших радиоактивных элементов Марии Склодовской-Кюри.

Я прочитала все 11 томов педагогических трудов Крупской и смело могу утверждать, что и сегодня они могут быть востребованы, не утратили своей актуальности. Такой она обладала ясностью ума, дальновидностью, кругозором. В молодости Надежда Крупская была удивительной красавицей: полные губы, брови вразлёт, тонкий стан, длинная девичья коса, румянец всюю на щеках...К сожалению, разыгравшаяся с годами «базедка» не дала ей возможности иметь детей...

В Надю, Наденьку был страстно влюблён революционер Виктор Курнатовский, пожелавший перед ранней своей, неожиданной смертью увидеть только её и она примчалась проводить его в невозвратный путь...

Надежда Константиновна всегда была рядом с Лениным, во всём помогала ему, сама очень много работала, вплоть до последних дней. И умоляла вождя похоронить мужа по христианскому обряду и обычаю, на что тот ответил ей непререкаемым тоном, на грани грубости. И тот злополучный торт, присланный Сталиным лично от себя на её день рождения... Много ещё тайн осталось не распечатанными, они ждут новых исследователей.

А в целом, несчастными были кремлёвские жёны, пожалуй, все, без исключения. От дорогих нарядов и обуви шкафы ломаются, а выход в них – три-четыре раза в год на большие революционные празднества. Кремлёвский продовольственный паёк получают такой, какой и не снился фабричным труженицам, но широкое семейное застолье с приглашением сельских, скажем, родичей из «глубинки» не устроишь: каждую кандидатуру нужно заранее согласовать где следует. А кто его знает, что там с годами стало, с той или иной «кандидатурой», может быть, он (она) куда-то не туда переметнулись... И кто тогда ответит перед партией и народом, перед Батькой лично за их несправедные деяния? В общем, птицы в золотой клетке, да ещё с обетом молчания на устах. Благо, некоторые жёны дожили до той поры, когда стало можно уста разомкнуть...

Но, всё равно, мучительно трудно давались мне беседы с Ашхен Микоян. После пережитых известных событий в Венгрии, где послом СССР в те трагические месяцы был её муж, Юрий Владимирович, надолго замкнулась в себе Татьяна Петровна Андропова...

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ И ЕВДОКИЯ МОСКОВСКАЯ

Но вы вот спросили меня о женщинах Кремля XX века. А если заглянуть ещё глубже, в толщ веков? Ведь первой хозяйкой Кремлёвских палат была жена Дмитрия Донского светлейшая княгиня Евдокия Московская, мать двенадцати детей, с чьим именем связано появление в Белокаменной иконы Владимирской Богородицы. Это она сажала на престол всех условных Рюриковичей, Романовых. У нас вот стали с недавних пор отмечать как День семьи, любви и верности праздник в честь бездетных монахов Петра и Февронии, а что же не в честь великого полководца Руси Дмитрия Донского и его верной супруги? Она достойно и уверенно, подавая пример иным жёнам, провожала мужа в сентябре 1380 года на Куликовскую битву с войском беклярбека Золотой орды Мамаю на реку Непрядву, на Мамаево побоище. И без жалоб и ропота оставалась сама растить, воспитывать детей, вести огромное кремлёвское хозяйство, заниматься благотворительностью, помогать страждущим, уделять должное внимание церкви... Может, кое-кто из наших геральдистов недостаточно полно знает историю Государства российского?

БЛИЦ-ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГЕРОИНИ

Лариса Кучеренко никогда не была в школе отличницей.

Лариса Васильева возмущается тем, что в Москве нет памятника третьему великому поэту России Николаю Некрасову, однако «без очереди встали в ряд памятники Иосифу Бродскому и Булату Окуджаве».

Она считает самыми серьёзными поэтическими именами, проверенными временем, Ярослава Смелякова, Бориса Слуцкого,

Сергея Наровчатова, Сергея Орлова, Владимира Соколова.

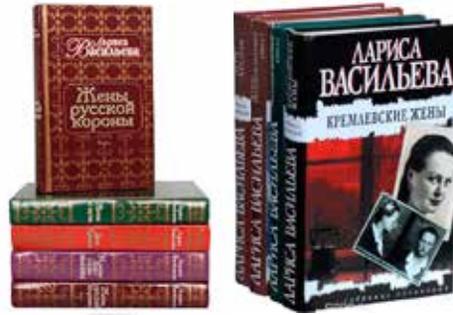
Она по-своему влюблялась в мужчин, прежде всего оценивая их профиль. И первым таким кумиром стал для неё, 13-летней, герой войны 1812 года Пётр Багратион, которому хранила верность с шестого класса до выпускного, десятого, пока не появился некто реальный, снявший пелену грёз с девичьих очей.

Её «Кремлёвские жёны» были изданы на разных языках в 80 странах мира. Но лишь из Японии и Турции Лариса Николаевна получила от издателей небольшие гонорары. Всё остальное увидело свет пиратским образом, без заключения положенных договоров с автором книги.

Её любовь к отцу выразилась, в отличие от поэтической лирики, написанной нежным лебединым пером, в орлином, стальном, историческом оперении при описании танковых сражений. Надёжным соавтором трёх соответствующих книг оказался военный специалист полковник Игорь Желтов, знающий о танковых эпопеях с участием Т-34, наверное, больше кого бы то ни было.

Овдовев 23 года назад, Лариса Николаевна больше замуж не выходила, сосредоточив всю свою любовь на сыне – таком же блестящем знатоке английского, каким был отец, его семье, и деятельности танкового музея, расположенного там, в том направлении, откуда после знаменитого военного парада в октябре 1941-го, грозным боевым машинам предстоял тяжёлый путь на оборону Москвы.

Она встаёт очень рано. Ежедневно по утрам, не изменяя давно установившейся традиции, производит холодное обливание, норма – три ведра. Мало ест, старается, когда не пишет, больше двигаться и очень много работает. Лариса Николаевна уже видит названия своих новых книг, сборников, томов: «Древние напевы», «Музыка и музы» (сколько же всего – не поверхностного, не дилетантского – надо знать на этот счёт!), «Легенды о Ленине», выплывающие из «кремлёвских» книг. Уже начат ею основательно подзабытый в нашей литературе жанр путешествий. Свидетельство тому книжная новинка «Путешествие друзей с врагами». Ещё ей хочется

обязательно написать сценарий 8-серийного телевизионного фильма «Вера» – о Вере Марецкой – и уже работает над ним со всей творческой самоотдачей, на которую только способна.

И это не всё. Поджимают личные творческие планы создания повести о выдающейся женщине Марии Бланк-Гропшоф, воспитанной на книгах Герцена и Чернышевского – матери Александра и Владимира Ульяновых.

А как не создать литературный портрет Анны Ахматовой, чьи стихи она готова приводить и цитировать до бесконечности...

Ларисе Николаевне Васильевой, родившейся 23 ноября 1935 года, скоро исполнится 81 год и она обещает осенью вновь приехать на тамбовскую землю, посетить Мичуринск, так затронувший её Дом-музей Мичурина и – тоже обязательно – Музей-усадьбу нашего земляка, первого Президента Академии художеств СССР Александра Михайловича Герасимова, творчество которого ей хорошо знакомо и дорого.

В честь Ларисы Васильевой одной из звёзд в созвездии Стрельца несколько лет на-

зад было присвоено её имя, что подтверждает авторитетный Сертификат за подписью лётчика-космонавта Германа Титова.

Она пишет обычно лёжа в кровати, утешая себя тем, что такая же вредная привычка была и у Пушкина.

У неё «тяжёлая рука» и дачные растения ею посаженные, как правило, долго не живут, погибают.

Она в своё время довольно интенсивно курила, потом бросила, как отрезала. Без возврата к пагубной привычке.

Она легко может сказать о себе: «Объясните мне, пожалуйста, в силу моего невежества то-то и то-то...» Это автор почти 50 книг – захватывающих романов, повестей, рассказов, эссе, стихов, публицистики – «невежда». Кто же тогда, интересно, «вежда»? Лариса Николаевна преподавала в Литературном институте и в Ноттингемском университете (Англия). Она составляла, редактировала сборники молодых поэтов и по-прежнему не равнодушна к творчеству начинающих, отыскивая среди них наиболее даровитых... Имя ярчайшей звезды на небесах – Лариса Васильева, поэта и прозаика на святой и грешной нашей Земле – Лариса Васильева. А сама о себе она говорит предельно ясно и понятно:

*Я главного слова ещё не сказала,
Грядущего с прошлым узлом не связала,
А, значит, меня не догнали года,
И я – молода!*

Побудьте рядом с Ларисой Николаевной хотя бы полчаса-час и вы убедитесь, что её молодость – факт бесспорный. Обсуждению, отрицанию, обжалованию не подлежит. **А**

Валерий АРШАНСКИЙ

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ТОБОЛЬСКИЙ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ

В 2016 ГОДУ СОСТОЯЛАСЬ ЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА – 100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА, МИТРОПОЛИТА ТОБОЛЬСКОГО. ИМЕННО СЕЙЧАС НАСТАЛО ВРЕМЯ НЕ ТОЛЬКО ВСПОМНИТЬ, НО И БЛАГОГОВЕЙНО ПОЧТИТЬ ПАМЯТЬ ЭТОГО СИБИРСКОГО АРХИПАСТЫРЯ, СВЕТОЧА ДУХА, ПРОСВЕЩЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ, КОТОРЫЙ НЕКОГДА ПОДДЕРЖИВАЛ И НАСТАВЛЯЛ СИБИРСКУЮ ПАСТВУ.

**Епископ Мичуринский и Моршанский
ГЕРМОГЕН**

Святитель Иоанн (Максимович) родился в 1651 году на Украине и происходил из небогатого дворянского рода. Богословское образование получил в Киевской духовной академии, по окончании которой будущий святитель был оставлен при ней учителем латинского языка. В Киево-Печерской лавре

он принял монашеский постриг с именем Иоанн, в честь святителя Иоанна Златоуста. Дальнейшее рукоположение молодого, хорошо образованного постриженника в иеродиакона, а затем иеромонаха произошло очень быстро. Он участвовал в важных политических событиях по обороне Украины от Османской империи. Царь Феодор Иоаннович назначил Иоанна архимандритом Свенского Успенского монастыря в городе Брянске [1]. В 1695 году будущего святителя перевели в Елецкий Успенский монастырь. В 1697 году архимандрит Иоанн был возведён в сан архиепископа Черниговского. Пребывая на этой кафедре, владыка активно занимался просветительской деятельностью: основал духовную семинарию, открыл типографию, в которой было издано немало его собственных духовно-нравственных сочинений [2].

Ещё будучи в Чернигове, святитель Иоанн обратил на себя внимание как истинный подвижник, стяжавший благодать Святого Духа. Именно он предрёк победу Петру Великому над Карлом XII. Весной 1709 года, встретив Петра в 54 верстах от Чернигова, он пророчески изрёк царю слова Священного Писания: «Поразит пред тобою Господь врагов твоих, восстающих на тебя; одним путём они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя» (Втор. 28, 7) [3].

Святитель Иоанн Тобольский

В 1711 году Преосвященный Иоанн был назначен на кафедру Сибирской епархии с титулом «митрополита Тобольского и всея Сибири». Его обширная епархия нуждалась в миссионерской деятельности, которую он активно вёл, проповедуя и направляя своих миссионеров

Святитель Иоанн отличался смирением и кротостью, оказывал тайную помощь вдовам и сиротам, помогал содержать богадельни, навещал каторжников в тюрьмах, молился за них и вразумлял [6]. 10 июня 1715 года, предчувствуя свою кончину, митрополит Иоанн отслужил Божественную литургию, а затем устроил трапезу для духовенства и нищих, за которой сам прислуживал гостям. После трапезы владыка ушёл в свои покои, где почил в молитвенном положении, на коленях перед Ильинской Черниговской иконой Божией Матери [7]. Святитель Иоанн был погребён в Софийско-Успенском соборе, в приделе преподобных Антония и Феодосия Печерских.

В 1826 году архиепископ Тобольский Евгений (Казанцев) писал: «Митрополиту Иоанну (Максимовичу) здесь так велика вера, что многие носят чудеса, и что даже самый сей придел построен в честь его будто бы исцелившимися от него» [8].

Благоговейным почитателем святителя Иоанна был епископ Тобольский и Сибирский Варнава (Накропин), который неоднократно ходатайствовал перед Святейшим Правительствующим Синодом о причислении к лику святых угодников Божиих митрополита Тобольского Иоанна. Синод вынес определение,

ОН ПРЕДРЁК ПОБЕДУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ НАД КАРЛОМ XII. ВЕСНОЙ 1709 ГОДА, ВСТРЕТИВ ПЕТРА В 54 ВЕРСТАХ ОТ ЧЕРНИГОВА, ОН ПРОРОЧЕСТВЕННО ИЗРЁК ЦАРЮ СЛОВА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ: «ПОРАЗИТ ПРЕД ТОБОЮ ГОСПОДЬ ВРАГОВ ТВОИХ, ВОССТАЮЩИХ НА ТЕБЯ; ОДИМ ПУТЁМ ОНИ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ ТЕБЯ, А СЕМЬЮ ПУТЯМИ ПОБЕГУТ ОТ ТЕБЯ» (ВТОР. 28, 7) [3].

остякам, вогулам и другим сибирским народам. В 1714 году святитель Иоанн отправил в Пекин духовную миссию под руководством архимандрита Илариона (Лежайского) [4]. Владыка особенно заботился о славяно-латинской школе, основанной в Тобольске его предшественником, митрополитом Филофеем (Лещинским).

О четырёхлетней жизни святителя Иоанна в Тобольске в рукописной Сибирской летописи говорится: «Митрополит Иоанн был тих, смирен, благорассудлив, о бедных сострадатель и милостив» [5]. Владыка часто совершал Божественную литургию и поучал паству своими проповедями.

согласно которому епископу Варнаве поручалось образовать особую комиссию для исследования случаев чудотворений, совершаемых по молитвенному пред Богом предстательству святителя Иоанна. 16 октября 1914 года Преосвященный Варнава осуществил освидетельствование честных останков митрополита Иоанна. При пении «Святы Боже» мощи были переложены в серебряную раку, ещё в 1900 году сооружённую заботами епископа Тобольского и Сибирского Антония (Коржавина).

Святейший Синод всячески оттягивал прославление митрополита Иоанна Тобольского: назначал новые обследования места

погребения и честных мощей святителя, направляя в Тобольск одну ревизию за другой, требовал допросить лиц, получивших исцеление. Многие члены Синода были настроены негативно по отношению к епископу Варнаве из-за его общения с Григорием Распутиным. Кроме того, их недовольство было связано с благоволением к владыке царской семьи. Настроение в архиерейской среде тех лет описывает митрополит Антоний (Храповицкий), приводя высказывание одного из иерархов на заседании Синода: «Нельзя же до бесконечности продолжать прославление святых» [9]. Необходимо отметить, что начало XX века было ознаменовано прославлением таких святых, как преподобный Серафим Саровский (1903 год), святитель Иоасаф Белгородский (1911 год), святитель Питирим Тамбовский (1914 год).

Вот в такой накалённой политической атмосфере, в стране, которая на огромном фронте вела напряжённую борьбу с внешним врагом, в Тобольске было пропето величание святителю Иоанну. Событие это произошло до его официального прославления, 10 июня 1915 года, когда исполнилось 200 лет со дня блаженной кончины святителя. Свершилось это благодаря личной настойчивости императора Николая II и императрицы Александры Феодоровны, чтивших Сибирского чудотворца. Митрополит Иоанн (Максимович) был последним царским святым, прославленным Церковью.

В декабре 1915 года по Высочайшему повелению в Тобольск прибыл архиепископ Литовский святитель Тихон (Беллавин), будущий Патриарх Московский. Он произвёл осмотр гроба, а также зафиксировал сообщения о случаях исцелений.

20 января 1916 года императору Николаю II был представлен синодальный доклад, на котором была начертана следующая резолюция: «Приемлю предположение Святейшего Синода с умилением и тем большим чувством радости, что верю в предстательство Святителя Иоанна Максимовича, в эту годину испытаний, за Русь Православную» [10].

10 июня 1916 года состоялось торжественное прославление святителя Иоанна Тобольского, совершённое выпускником Тобольской духовной семинарии митрополитом Московским и Коломенским святителем

Макарием (Невским) и собором из двенадцати архиереев, среди которых были будущий митрополит Петроградский, священномученик Вениамин, епископ Гдовский, священномученик Сильвестр, епископ Омский, выпускник Тобольской семинарии епископ Забайкальский Мелетий (Заборовский). Среди почётных гостей были обер-прокурор Синода Александр Николаевич Волжин, Тобольский губернатор Николай Александрович Ордовский-Танаевский. Митрополит Макарий лично вскрыл гроб с останками святителя, омыл мощи, надел на них новое облачение и переложил их в серебряный ковчег, изготовленный на пожертвования москвичей и специально привезённый в Тобольск на канонизацию. Проповедником на торжествах был назначен священномученик протоиерей Иоанн Восторгов.

В день канонизации гроб с мощами святителя Иоанна был открыт и после крестного хода установлен на соборной площади Тобольского кремля для поклонения прибывшим на торжества более чем пятидесяти тысячам паломников [11]. Церковь установила совершать празднование памяти святителя Иоанна 10 июня – в день его преставления ко Господу. В 1984 году, в связи с подготовкой к празднованию 1000-летия Крещения Руси, по благословению Патриарха Пимена в день памяти митрополита Иоанна Тобольского было установлено празднование в честь Собора Сибирских святых.

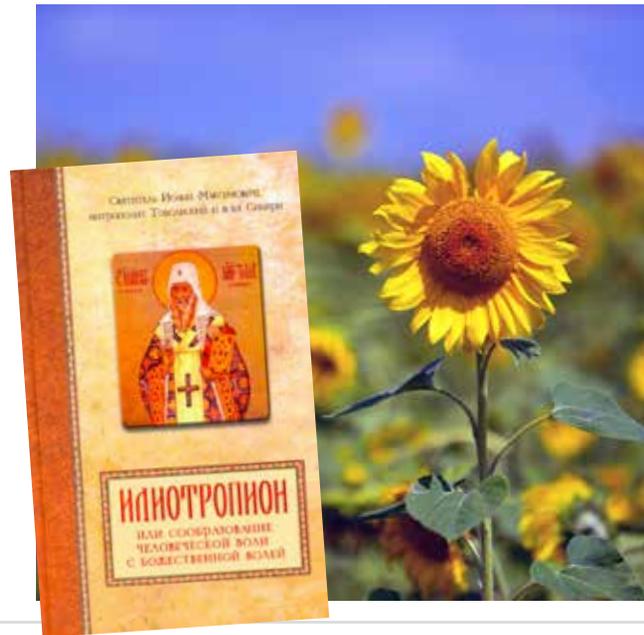
После Октябрьских событий 1917 года последовали лютые гонения на Церковь. В марте 1922 года в Тюменской губернии началась кампания по изъятию церковных ценностей и вскрытию мощей. Было произведено вскрытие мощей святителя Иоанна. Гробницу со вскрытыми мощами вынесли из собора на площадь. Вскоре после этого богоборцы передали святые мощи в местный музей. Однако сразу, как только представилась возможность, священноначалие обратилось к мирским властям с просьбой возвратить святыню Церкви.

Архиепископ Новосибирский Варфоломей (Городцов) возбудил ходатайство об изъятии из музея мощей святителя Иоанна и перенесении их в собор. Это ходатайство поддержал Патриарх Алексей I. Перенесение мощей про-

изошло 14 июня 1947 года. 16 июня того же года в Тобольском Покровском соборе состоялось торжественное прославление святых мощей святителя Иоанна. Службу святителю составил архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей. День памяти святителя Иоанна считается особым праздником, когда многочисленные паломники съезжаются в Тобольск, чтобы поклониться святым мощам святителя Иоанна. Имя его одно из самых почитаемых в земле Сибирской.

Обширно литературное наследие святителя Иоанна Тобольского, который писал свои труды в первом десятилетии XVIII века. Творчество святителя расцвело в годы его служения на Черниговской кафедре. Собственно русская,

СРЕДИ БОГАТОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ОСОБОЕ МЕСТО ЗАНИМАЕТ СОЧИНЕНИЕ «ИЛИОТРОПИОН, ИЛИ СООБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛИ С БОЖЕСТВЕННОЙ».

«ИЛИОТРОПИОН – НАЗВАНИЕ ИНОСКАЗАТЕЛЬНОЕ (ОБРАЗНОЕ), ОНО ОБОЗНАЧАЕТ СОБСТВЕННО РАСТЕНИЕ ПОДСОЛНЕЧНИК <...> СОЛНЦЕ – СИМВОЛ ВОЛИ БОЖИЕЙ, ПОДСОЛНЕЧНИК – СИМВОЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛИ» [12]. ПОДСОЛНУХ СЛОВНО ЗНАЕТ, ЧТО ОТ СОЛНЦА ИСХОДИТ ЖИВИТЕЛЬНЫЙ СВЕТ И СЛЕДУЕТ ЗА СВЕТИЛОМ ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА В НЕНАСТНЫЕ ДНИ ТУЧИ ЗАКРЫВАЮТ ЕГО НЕПРОНИЦАЕМОЙ СТЕНОЙ. ЧЕЛОВЕК ТОЖЕ ЗНАЕТ, ЧТО СВЕТ ЕГО ЖИЗНИ – ХРИСТОС БОГ, НО ПОЧЕМУ-ТО НЕ МОЖЕТ ТАКЖЕ ПРЕДАННО И САМОЗАБВЕННО СЛЕДОВАТЬ ЗА НИМ. ДУШОЙ ОН ЛЮБИТ БОГА, А НА ДЕЛЕ ЧАСТО НЕ НАХОДИТ В СЕБЕ СИЛ ПОСТУПАТЬ ПО ЕГО ЗАПОВЕДАМ.

оригинальная духовно-назидательная литература тогда только зарождалась, богословие преподавалось на латинском языке. Будучи преподавателем богословия, святитель Иоанн занимался переложением на славянский язык латинских текстов, имевших важное значение для русского читателя. Перевод лучших достижений западной духовной литературы и адаптация их к православному вероучению были необходимы для развития русской литературы. Святитель Иоанн перевёл с латинского языка следующие произведения: «Нравоучительное зеркало» (1703 год. Автор Амвросий Марлианус); «Алфавит святых» (1705 год), «Богомыслие» (1710–1711 гг.), «Илиотропион» (1714 год. Автор – немецкий богослов Иеремия Дрексель). Все переводы были выполнены с исправлениями, в соответствии с требованиями Православной Церкви.

Помимо переводов, перу святителя Иоанна принадлежат следующие сочинения: «Богородице Дево» (1707 год), «Толкование на 50-й псалом» (1708 год), «Размышления о молитве «Отче наш» (1709 год), «Восемь евангельских блаженств» (1709 год), «Синаксар 1700 года», «Царский путь Креста Господня» (1709 год).

Святитель Иоанн был не просто духовным автором, он был духовным поэтом. Некоторые его сочинения написаны силлабическими стихами, например, «Богородице Дево», где на каждое слово молитвы приводится стихотворное толкование.

Среди богатого литературного наследия святителя Иоанна особое место занимает сочинение «Илиотропион, или соображение человеческой воли с Божественной» (1714 год, переложение с латинского на славянский). «Илиотропион» представляет собой

богословский трактат о Божественном мироуправлении, наставляющий читателя, как согласовывать свою волю с волей Божией, как утвердиться в последовании воле Божией во всех делах своих. «Илиотропион» в значительной степени отразил богословие святителя, основанное на творениях святых отцов древней Церкви.

солнечник – символ человеческой воли» [12]. Подсолнух словно знает, что от солнца исходит живительный свет и следует за светилом даже тогда, когда в ненастные дни тучи закрывают его непроницаемой стеной. Человек тоже знает, что свет его жизни – Христос Бог, но почему-то не может так же преданно и самозабвенно следовать за Ним. Душой он любит Бога, а на деле часто не находит в себе сил поступать по Его заповедям.

Благочестивый автор «Илиотропиона» знает психологические механизмы действия и развития воли, раскрытые богомудрыми святыми отцами, и он делится ими с читателем и отчасти даже использует их для нашего научения. «Как в золотой цепочке кольцо соединяется с кольцом, так из познания Божественного Провидения происходит упование на Бога, а из него – согласие воли человеческой с волей Божественной», – пишет святитель [13].

Как малым и капризным детям кажется очень обидным неисполнение их воли, так бывает и с нами – необходимость покорить свою волю воле Божественной кажется нам чуть ли не катастрофой и утратой нашей индивидуальности, нарушением свободы личности. В книге объясняется, что это вовсе не так и что, напротив, только тогда можно стать свободным, когда познаешь истину и покоришься ей, и только таким путём можно обрести душевный мир. Самоотречение, совершенное предание себя воле Божией – это

КАК МАЛЫМ И КАПРИЗНЫМ ДЕТЯМ КАЖЕТСЯ ОЧЕНЬ ОБИДНЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕ ИХ ВОЛИ, ТАК БЫВАЕТ И С НАМИ – НЕОБХОДИМОСТЬ ПОКОРИТЬ СВОЮ ВОЛЮ ВОЛЕ БОЖЕСТВЕННОЙ КАЖЕТСЯ НАМ ЧУТЬ ЛИ НЕ КАТАСТРОФЕЙ И УТРАТОЙ НАШЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ, НАРУШЕНИЕМ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ.

Святитель Иоанн не просто перевёл этот труд с латинского языка, но переложил его для читателей, с тем чтобы они могли использовать его в своей духовной жизни. Автор комментирует название своей книги следующим образом: «Илиотропион – название индоевропейского (образное), оно обозначает собственно растение подсолнечник и составлено из ἥλιος (греч. солнце) и ἀνθρώπος (греч. человек). Солнце – символ воли Божией, под-

первая, начальная ступень, минуя которую, невозможно подняться по лестнице духовного совершенства [14].

В своём трактате святитель Иоанн затрагивает проблемы семьи, в частности в воспитании детей, когда необходимо наглядно, на простых, понятных читателям примерах, убедительно показать действие Промысла Божия. Рассуждая о проявлении воли Божией, автор проводит аналогию с от-

ношениями родителей и детей в семье. Святитель обращает внимание на то, что в некоторых семьях упрямство и своеволие детей не были укрощены с малолетства. Поэтому такие дети в своём непослушании заходят так далеко, что побуждают родителей к их наказанию. Подобным образом и Бог с нами поступает, как родители с непослушными и строптивыми детьми.

По мысли святителя, иные дети тайком от родителей стараются увильнуть от занятий и ученья, упражняются в бесполезных разговорах или шалостях. Когда же родители строго вразумляют детей, они обижаются и отвечают на родительскую строгость плачем и жалобами.

Подобно им, считает святитель, бываем и мы, взрослые: как неразумные дети, мы проводим время в бесполезных забавах и увеселениях; часто противимся воле Божией, когда Господь расстраивает наши мирские удовольствия или возлагает на нас какие-либо затруднения. Подобно благоразумным родителям, полагает святитель Иоанн, Бог любимых чад Своих не балует, но испытывает их, смиряет трудами, нередко печалью и огорчениями, дабы приготовить из них достойных Себе служителей на общую пользу [15].

Большая часть наших недовольств и роптаний, по мысли святителя Иоанна, происходит от ограниченности нашего взгляда на Промысл Божий и непостижимые пути, которыми Бог ведёт как всё человечество, так и каждого из нас, к достижению наилучших для нас целей. Человек, наставляет святитель, должен принять, что всё происходящее есть веление Промысла Божия. Нам надо отбросить жалобы и сетования и следовать во всех наших помыслах, намерениях и делах воле Божией. «Положим себе непременно правилом поступать во всём не как приятно нам, но как Богу угодно» [16].

Все литературные труды приснопамятного святителя Иоанна Тобольского проникнуты глубоким благочестием и преисполнены назидательными мыслями. Святитель Иоанн, митрополит Тобольский, по праву считается выдающимся иерархом и просветителем Русской Православной Церкви. ■

ЧЕЛОВЕК, НАСТАВЛЯЕТ СВЯТИТЕЛЬ, ДОЛЖЕН ПРИНЯТЬ, ЧТО ВСЁ ПРОИСХОДЯЩЕЕ ЕСТЬ ВЕЛЕНИЕ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ. НАМ НАДО ОТБРОСИТЬ ЖАЛОБЫ И СЕТОВАНИЯ И СЛЕДОВАТЬ ВО ВСЕХ НАШИХ ПОМЫСЛАХ, НАМЕРЕНИЯХ И ДЕЛАХ ВОЛЕ БОЖИЕЙ. «ПОЛОЖИМ СЕБЕ НЕПРЕМЕННОМ ПРАВИЛОМ ПОСТУПАТЬ ВО ВСЁМ НЕ КАК ПРИЯТНО НАМ, НО КАК БОГУ УГОДНО»

Литература:

- [1] Дмитрук Анатолий, протоиерей. Патерик Сибирских святых и подвижников благочестия. – Единец, 2006. С. 278–279.
- [2] Фомин С.В. Последний царский святой. Святитель Иоанн (Максимович) митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Житие. Чудеса. Прославление. Служба. Акафист. – СПб., 2003. С. 20–24.
- [3] Нестор (Анисимов), иеромонах. Православие в Сибири. – СПб., 1910. С.24.
- [4] Софронов Вячеслав. Светочи Земли Сибирской. Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620-1918 гг.). Под ред. архим. Макария (Веретенникова). – Екатеринбург, 1998. С. 87-88.
- [5] Сулоцкий Александр, протоиерей. Тобольские и Томские архипастыри. – Омск, 1881, С. 6.
- [6] Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники 18-го века. С портретами и рисунками. – СПб., 1905. С. 167.
- [7] Фомин С.В. Указ. сочин. С. 51.
- [8] Поселянин Е. Указ. сочин. С. 171.
- [9] Фомин С.В. Указ. сочин. С. 117.
- [10] Там же. С. 303.
- [11] Там же. С. 434–435.
- [12] Иоанн Тобольский, святитель. Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с Божественной волей. – М., 2013. С. 554.
- [13] Там же. С. 540.
- [14] Там же. С. 377–378.
- [15] Там же. С. 325.
- [16] Там же. С. 469.

ДОРОГОЙ ПОДВИГА

*К 70-летию выхода в свет
романа Александра Фадеева
«Молодая гвардия»*

19–24 ФЕВРАЛЯ, В ДНИ ПАМЯТИ ГИБЕЛИ ГЕРОЕВ-МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ ПРОХОДИЛА IV ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «ДОН-БАСС – ЗЕМЛЯ ГЕРОЕВ!» ПО МАРШРУТУ ИЗВАРИНО–КРАСНОДОН–СВЕРДЛОВКИ–РОВЕНЬКИ–СТАХАНОВ–ЛУГАНСК–ДОНЕЦК–ДЕБАЛЬЦЕВО. СЛАВЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ И РОССИИ, ОРГАНИЗОВАННАЯ СОЮЗОМ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ И ВСЕМИРНЫМ РУССКИМ НАРОДНЫМ СОБОРОМ, ПОСВЯЩЕННАЯ 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОБИРАЛА РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ ЕДИНОКРОВНОГО НАРОДА. ОНА МАЛО ЧЕМ ОТЛИЧАЛАСЬ ПО ЗАДАЧАМ ОТ ПРЕЖНИХ – ЭТО ВСТРЕЧИ ПИСАТЕЛЕЙ С ЖИТЕЛЯМИ ДОНБАССА, ОКАЗАНИЕ ПУСТЬ И ВЕСЬМА СКРОМНОЙ ПО НАШИМ ВОЗМОЖНОСТЯМ ГУМАНИТАРНОЙ ПОДДЕРЖКИ. НО ГЛАВНОЕ, КОНЕЧНО, ЭТО НАУЧИТЬСЯ САМИМ ТОМУ ЖЕРТВЕННОМУ СЛУЖЕНИЮ, ЧЕМ ТЕПЛИТСЯ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА.

В Краснодон мы въезжали поздно вечером. В отличие от зимы 2015 года было тихо, улицы освещались. Медленно падал снег. Землю слегка запорошило, но в атмосфере уже чувствовался запах весны. По дороге у поворота к шурфу шахты № 5 – месту казни молодогвардейцев, меня начинает знобить, как и в прошлом году. Невольно оглядываюсь на дом, из которого старуха семидесяти с лишним лет, уроженка Краснодона, подрабатывала наводчицей летом 2014 года у ка-

ПО ВЕРСИИ НАШИХ УЧЕНЫХ И ПРОЧИХ КРИТИКОВ, ВОПРЕКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ И ЗДРАВООМУ СМЫСЛУ, РОМАН А.А. ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ДАЛ ЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ПРАВДЕ».

рателей, что стреляли из «градов» и танков по мирным жителям этой священной земли... Так же невольно вспоминаю, как сытые, холеные историки России и Украины продолжают писать ложь во спасение «правды» подвига молодогвардейцев, раскидывая пасьянс из «архивных документов», якобы восстанавливая «справедливость», уточняя, что-де власть не правильно их наградила, не верно назначила кого-то в герои...

Это такая хитрая, иезуитская игра, когда пересыпав в нужном направлении архивную колоду, вам покажут, что «мальчик был», а затем, перетасовав в другом направлении, окажется, что «мальчика не было»...

Никто из этих «докторов-историков» никогда не страдал, никогда не голодал. Они не рисковали, не жертвовали собою ради даже ближних своих. Они всегда видят бревно в чужом глазу... Они умело приспособливаются, во

время вступают в партию и своевременно из нее выходят... Они не отдадут нищему в переходе последний грошик, но эти персонажи всегда знают наверняка, как себя вел тот либо иной герой или подвижник, кто пожертвовал своей жизнью во имя ближнего, во имя Родины...

Так и с героями-молодогвардейцами, чей подвиг наукообразные жуиры превратили в расхожий товар, выгодно продавая в соответствии с требованиями заказчика, жестоко и грубо обманывая обывателя-ротозея, что сидит за компьютером или за даровой книгой и глубокомысленно соглашается с мнением «автора» в том, что и подвига не было, да и герои – обычная дворовая шпана...

По версии наших ученых и прочих критиков, вопреки исторической правде и здравому смыслу, роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия» дал ложное представление о «правде». А надо было бы молодогвардейцам, по логике ученых историков институтов РАН, чтобы Олег Кошевой сотоварищи сложа руки, как овца на заклятие, отправились к фашистам в добровольное рабство рейха... Но уж коли не пошли молодогвардейцы, а от жиру, конечно, бесились, красные флаги по ночам над городом поднимали, поджигали биржу труда, ломали хорошую немецкую технику и т.д., – то должны были все равно действовать по инструкции, которую им напишут спустя 30-70 лет историки, правильно назовутся кто комиссаром, кто комсомольцами, верно изложат, как они будут помирать... И только тогда обыватель сытых городов и весей может принимать их подвиг без сомнения...

Фадеев, прошедший свои военные пути-дороги, где таким же юным, как и молодогвардейцы, мог не раз погибнуть, конечно же, не знал цену жизни, не мог правильно почувствовать горе войны в отличие от диванных историков-стратегов...

Александр Александрович Фадеев тоже от жиру мотался по фронтам, отражая в статьях и очерках героизм советских солдат, бросив натопленную квартирку в мирной Москве... Это он бессердечный примчался в только что освобожденный Краснодар и лишь 15 сентября 1943 года в «Правде» опубликовал очерк «Бессмертие», где по сути конспективно изложил будущий роман «Молодая гвардия», но над которым работал до 1946 года и много лет после, что тоже историки-критики поставят ему в вину....

Александр Бондарёву, сестру Василия Бондарёва, полицейские арестовали 11 января. пытки начались в первый же день. Брат и сестра содержались в разных камерах. 15 января Василия Бондарёва повели на казнь. Проститься с сестрой ему не разрешили. Его живого сбросили в ствол шахты № 5. Вечером 16 января на казнь повели и Александру (со слов матери Прасковьи Титовны – 17 января). Один из полицейских ударил Александру винтовкой по голове. Девушка как подкошенная упала на снег. Голова повисла.

БОРИСА ГЛАВАНА ИЗВЛЕКЛИ ИЗ ШАХТЫ СВЯЗАННЫМ С ЕВГЕНИЕМ ШЕПЕЛЕВЫМ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ. ИХ СВЯЗАЛИ ЛИЦОМ К ЛИЦУ, ПРИЧЕМ ЛИЦО У МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА БЫЛО ИЗУРОДОВАНО, КИСТИ РУК ОТРУБЛЕНЫ, ЖИВОТ ВСПОРОТ. У ЕВГЕНИЯ ШЕПЕЛЕВА ГОЛОВА БЫЛА РАЗБИТА, ОТРУБЛЕНЫ КИСТИ. МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВ ПЫТАЛСЯ БЕЖАТЬ. БЫЛ РАНЕН И ЖИВЫМ СБРОШЕН В СТВОЛ ШАХТЫ. КАЗНЬ СОСТОЯЛАСЬ 31 ЯНВАРЯ

Такие мысли могут вполне посещать после прочтения исторических начетов докторов-историков и их мозаичных архивных пасьянсов, но совсем по-иному себя ощущает человек, оказавшийся в Изварино, Краснодоне, Свердловке, Ровеньках, Стаханове, Луганске, Донецке, Дебальцево в 2014, 2015, 2016 годах, когда Донбасс, истерзанный ракетными и танковыми ударами, авиационными налетами, лишенный света, воды и тепла своими же вчерашними соотечественниками, едва-едва теплился от голода, когда раненые мирные жители без лекарств умирали от ран...

И особенно по-другому чувствуешь себя на этом повороте к шурфу шахты № 5, когда сердце от боли полыхает, а все тело бьет озноб. Ты как бы видишь всех молодогвардейцев, кого достают из шурфа:

«Лидию Андросову пособники арестовали 12 января. Лидия еще в школе подружилась с Николаем Сумским. Дружба переросла в любовь. Пять дней пробыла девушка в полиции. Когда тело Андросовой извлекли из шурфа... Без глаза, уха, руки, с веревкой на шее.

Николая Сумского взяли 4 января на шахте, через десять дней отправили в Краснодар, казнили 16 января (по другим источникам – 18 января), через четыре дня после Лидии Андросовой.

Семнадцатилетнюю Нину Герасимову (казнь 11 января) опознали с трудом: «переломлена левая рука; тело все, и особенно грудь, черны от побоев, правая сторона изуродована» (РГАСПИ Фонд М-1, опись 53, ед. хр. 329.) Бориса Главана извлекли из шахты связанным с Евгением Шепелевым колючей проволокой. Их связали лицом к лицу, причем лицо у молодого человека было изуродовано, кисти рук отрублены, живот вспорот. У Евгения Шепелева голова была разбита, отрублены кисти. Михаил Григорьев пытался бежать. Был ранен и живым сброшен в ствол шахты. Казнь состоялась 31 января.

Василия Гукова, казненного 15 января, мама опознала по шраму на груди. Семнадцатилетнего Леонида Дадышева истязали десять дней. Его нещадно секли плетьюми, отрубили кисть на правой руке. Расстрелян и сброшен в шурф 15 января. Майя Пегливанова была обезображена – отрезаны груди, переломаны ноги. Подруга Майи Пегливановой молодая учительница Александра Дубровина отказалась покидать город: «Там, где Майя, там буду и я». 16 января, перед тем как сбросить в шурф, Александре Дубровиной отрезали грудь, несколько раз ударили ножом, еще живую потащили к стволу, возле ствола прикладами разбили голову.

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ ГОРОДА КРАСНОДОНА

Земухов И.А.   Ткачын С.С.   Кошаров О.В.   Туркенич И.В.   Борц В.Д.   Осмушкин Л.А.

Сажин С.С.   Пиражик В.М.

Лукашин С.М.   Соловьев В.Д.   Куликов Т.   Мельникова О.К.

Машенко А.М.   Мошков С.А.   Друтинский С.М.

Савваткин Б.Ф.   Остапенко С.М.   Огурцов Д.У.   Андриковский Н.С.   Левашов В.И.   Юренин Р.Л.   Донсков А.В.   Гухов В.С.   Шеняев Е.И.   Тригорцев М.И.

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ ПОСЕЛКА ПЕРВОМАЙКА

Бондарев В.И.   Рогозин В.П.   Фомин Д.Я.   Герасимова Н.Н.

Громова У.М.   Попов А.В.   Шевцова Л.Г.

Иванкина А.А.   Николаев А.Г.

Дубровина А.Г.   Пеглянова М.К.   Самошина А.Т.   Иванкина С.А.   Главан Б.С.

Бондарева А.И.   Лукашов Г.А.   Петров В.О.   Жуков И.Д.   Миняева Н.О.

Подруг – Антонину Дьяченко и Евгению Кийкову – похоронили в одном гробу. Антонину арестовали 12 января, Евгению – 13 января. В одной из записок матери Евгения писала: «Дорогая мамочка, обо мне не беспокойся – у меня все хорошо. Поцелуй за меня дедушку, жалей себя. Твоя дочь – Женя». По словам учительницы Антонины Дьяченко, участвовавшей в похоронах молодогвардейцев, узнать подруг было невозможно. Антонину Елисеенко арестовали 13 января в два часа ночи. Полицейские ворвались в комнату, где спала Антонина, и приказали одеваться. Девушка отказалась одеваться при мужчинах. Полицейские вынуждены были выйти. Казнили 18 января. Тело Антонины было обезображено.

Владимира Жданова арестовали одним из первых, 3 января. 14 января он сумел передать родным записку: «Здравствуйте, дорогие... Я пока жив. Судьба моя неизвестна. За остальных я ничего не знаю. Я сижу ото всех отдельно в одиночной камере. Прощайте... Крепко целую». 16 января Владимира вместе с другими молодогвардейцами вывезли к шурфу. Площадь была оцеплена полицией. К месту казни подводили по несколько человек и расстреливали. В последний момент Жданов оказал сопротивление, попытавшись столкнуть в шахтный колодец начальника полиции Соликовского, но был застрелен. «Воло-

дя Жданов, 17 лет, извлечен с рваной раной в левой височной области, пальцы переломлены и искривлены, под ногтями кровоподтеки, на спине вырезаны две полосы шириной три сантиметра длиной двадцать пять сантиметров, выколоты глаза и отрезаны уши» (Музей «Молодая гвардия», ф. 1, д. 36). Одним из первых был арестован и Николай Жуков. Из полиции он передал матери записку, в которой просил не беспокоиться. 16 января 1943 года был расстрелян и сброшен в шурф шахты № 5: «Николай Жуков, 20 лет, извлечен без ушей, языка, зубов, отрублена рука и ступня ноги» (Музей «Молодая гвардия», ф. 1, д. 73). Владимир Загоруйко арестован 28 января. В аресте участвовал начальник полиции Соликовский. Начальник полиции сидел в телеге, Владимир Загоруйко шел по сугробам связанный, босой, в одном белье. Полицейские подталкивали его прикладами автоматов. Владимиру вывернули руки, вырвали волосы. Живого сбросили в шурф.

Антонина Иванихина арестована 11 января. До последнего часа девушка ухаживала за ослабевшими после пыток товарищами. Расстрел – 16 января. «Тоня Иванихина, 19 лет, извлечена без глаз, голова перевязана платком и проволокой, груди вырезаны» (Музей «Молодая гвардия», ф. 1, д. 75). Сестру Антонины Лилию арестовали 10 января, казнили также 16-го. Сестра Антонины и Ли-

лии Любовь вспоминала: «Однажды пришла к нам наша родственница и говорит: «Моего мужа поставили сторожем возле шахты № 5. Не знаю, там ваши или не там, но муж вот находил гребешки, расчески. Посмотрите на вещи, может найдете свои. Скорее всего, не ищите (дочерей. – *Ред.*), наверное, и ваши там (в шурфе. – *Ред.*). Когда расстреливали, деда заставили уходить, подняться на террикон, и он видел, что некоторые девушки прыгали сами, некоторые обнявшись, ребята оказывали сопротивление». (...) У одной из сестер была кисть (отрублена, – *ред.*), глаза завязаны проволокой. Потом привезли гробы, наших Иванихиных положили в один гроб».

Руки у Евгения были связаны. Стояли сильные морозы. Полицейские опускали Мошкова в колодезь водоразборной колонки. Потом Калитвенцев привел всех к себе домой. Мошкова посадили у печки. Дали закурить. Потом опять повели.

Владимира Осьмухина (арест – 5 января, казнь – 15 января) опознали по одежде. Сестра Владимира Людмила: «Когда я увидела Вовочку, изуродованного, совсем почти без головы, без левой руки по локоть, думала, что сойду с ума. Я не верила, что это он. Был он в одном носочке, а другая нога совсем разута. Вместо пояса вдет шарф теплый. Верхней одежды нет. Голова разбита. Затылок совсем

... СТРАШНОЙ ПЫТКОЙ КАЗНИЛИ И МОЕ ЛЮБИМОЕ ДИТЯ. КОГДА БЫЛ ИЗВЛЕЧЕН ИЗ ШУРФА ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ МОЛОДОГВАРДЕЙЦАМИ ТРУП АНТОНИНЫ, ТО ТРУДНО БЫЛО В НЕМ ОПОЗНАТЬ МОЮ ДЕВОЧКУ. В ЕЕ КОСАХ БЫЛА ЗАПЛЕТЕНА КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА, НЕ БЫЛО ПОЛОВИНЫ ЕЕ ПЫШНЫХ ВОЛОС. МОЮ ДОЧЬ ЗВЕРИ ПОДВЕШИВАЛИ И ПЫТАЛИ.

Клавдия Ковалева казнена 16 января. «Клава Ковалева, 17 лет, извлечена опухшей, отрезана правая грудь, ступни ног были сожжены, отрезана левая рука, голова завязана платком, на теле видны следы побоев. Найдена в десяти метрах от ствола, между вагонетками, вероятно, была сброшена живой» (Музей «Молодая гвардия», ф. 1, д. 10.)

Антонину Машенко казнили 16 января. Мама Антонины Мария Александровна: «Как уже позднее я узнала, страшной пыткой казнили и мое любимое дитя. Когда был извлечен из шурфа вместе с другими молодогвардейцами труп Антонины, то трудно было в нем опознать мою девочку. В ее косах была заплетена колючая проволока, не было половины ее пышных волос. Мою дочь звери подвешивали и пытали».

Нина Минаева казнена 16 января. Брат подпольщицы Владимир Петрович вспоминал: «...Мою сестру распознали по шерстяным гамашам – единственной одежде, которая осталась на ней. Руки у Нины были поломаны, один глаз выбит, на груди бесформенные раны, все тело в черных полосах...»

Евгения Мошкова полицейские Краснов и Калитвенцев всю ночь водили по городу.

вывалился, осталось только лицо, на котором остались только Володины зубы. Все остальное изуродовано. Губы перекошены, носа почти совсем нет...»

Виктор Петров арестован 6 января. В ночь с 15 на 16 января живым сброшен в шурф. Сестра Виктора Наталья Петрова: «Когда Витю достали из шурфа, ему можно было дать 80 лет. Не было левого уха, носа, обоих глаз, выбиты зубы, волосы остались только на затылке. Вокруг шеи шли черные полосы (как видно, следы подвешивания), все пальцы на руках были мелко изломаны, кожа на ногах на подошве поднялась пузырем, на груди большая глубокая рана, нанесенная холодным оружием. Очевидно, она была нанесена еще в тюрьме, потому что китель и рубаха не были порваны».

Анатолий Попов родился 16 января. В свой день рождения, 16 января, живым сброшен в шурф. Последнее заседание штаба «Молодой гвардии» состоялось на квартире Анатолия Попова. «На левой руке отрублены пальцы и ступня на правой ноге» (РГАСПИ Ф-1 Оп.53 Д.332.)

Ангелина Самошина (казнена 16 января): «На теле Ангелины были обнаружены следы пыток: выкручены руки, отрезаны уши, на

щеке вырезана звезда» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 331.) Мама Ангелины Анастасия Емельяновна: «Из тюрьмы прислала записку, где писала, чтоб много продуктов не передавали, что ей тут хорошо, «как на курорте». На 18 января передачу от нас не приняли, сказали, что их отправили в концлагерь. Я с мамой Нины Минаевой ходила в лагерь в Должанку, где их не было. Потом нас полицай предупредил, чтоб не ходили и не искали. Но слухи пошли, что их бросили в шурф шахты № 5, где их и нашли. Так погибла моя дочь...»

кручены руки, все тело изрезано, прострелен в голову...»

Ульяна Громова последнюю запись в своей книжке сделала 9 ноября 1942 года: «Гораздо легче видеть, как умирают герои, чем слушать вопли о пощаде какого-нибудь труса. Джек Лондон». Казнена 16 января. «Ульяна Громова, 19 лет, на спине у нее была вырезана пятиконечная звезда, правая рука переломана, поломаны ребра» (Архив КГБ при Совмине СССР, д.100-275, т. 8.)»

НИНУ СТАРЦЕВУ ИЗВЛЕКЛИ ИЗ ШУРФА НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ. МАМА УЗНАЛА ЕЕ ПО ВОЛОСАМ И ВЫШИВКЕ НА РУКАВЕ СОРОЧКИ. ДЕВУШКЕ ЗАГОНЯЛИ ПОД ПАЛЬЦЫ ИГОЛКИ, РЕЗАЛИ ПОЛОСКИ КОЖИ НА ГРУДИ, ЛЕВЫЙ БОК БЫЛ СОЖЖЕН РАСКАЛЕННЫМ ЖЕЛЕЗОМ И ОГНЕМ. ПЕРЕД ТЕМ КАК СБРОСИТЬ В ШУРФ, ДЕВУШКЕ ВЫСТРЕЛИЛИ В ЗАТЫЛОК.

Родители Анны Соповой – Дмитрий Петрович и Прасковья Ионовна: «Стали ее спрашивать, кого она знает, с кем имела связь, что она делала? Молчала. Приказали ей раздеться наголо. Поблуднела она – и ни с места. А она красивая была, косы большущие, пышные, до талии. Сорвали с нее одежду, платье на голову завернули, уложили на пол и начали хлестать проволоочной плеткой. Кричала она страшно. А потом, как начали бить по рукам, голове, не выдержала, бедняжка, запросила пощады. Потом снова замолчала. Тогда Плохих – один их главных палачей полиции – чем-то ударил ее в голову...»

Нину Старцеву извлекли из шурфа на третий день. Мама узнала ее по волосам и вышивке на рукаве сорочки. Девушке загоняли под пальцы иголки, резали полоски кожи на груди, левый бок был сожжен раскаленным железом и огнем. Перед тем как сбросить в шурф, девушке выстрелили в затылок.

Демьян Фомин (Дема) подвергся особо жестоким пыткам. У него срезали всю кожу со спины узкими полосками. Тело обезглавлено. На вопрос, каким он был, мама Демьяна Мария Францевна отвечала: «Добрый, нежным, отзывчивым сыном. Мечтал водить поезда».

Александр Шищенко арестован 8 января, казнен 16-го: «Отрезаны нос, уши, губы, вы-

...Я стою у шурфа и невольно слышу крик и стенания не только жертв, но и их матерей, слышу плач степного ветра...

Сама память вела нас дорогами подвига молодогвардейцев. Мы приближались к Гремучему лесу, где навстречу нам торжественно сияли купола Храма Георгия Победоносца, воздвигнутого в память расстрелянных на этом месте фашистами людей, криница святого источника, купальня для жаждущих исцеления немощных...

И последняя земная дорога, что прошли в феврале 1943 года и были расстреляны члены штаба краснодонской подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Олег Кошевой, Любовь Шевцова и их боевые товарищи-молодогвардейцы Виктор Субботин, Дмитрий Огурцов, Семен Остапенко.

Их «Последнюю дорогу» показал в диораме С.Ф. Пирогов, изобразив место казни патриотов в Гремучем лесу. Неподвижны белые деревья, ни души на поляне. Снегом замело тела расстрелянных. Только черные пятна крови да синее девичье пальтецо на снегу говорят о злодеянии, которое здесь совершилось.

...В Гремучем лесу шли массовые расправы над советскими людьми. Целыми партия-

ми пригоняли сюда заключенных из города Ровеньки и его окрестностей, ставили у заранее вырытых ям. Только зимний лес слышал прощальные слова казненных.

Неподалеку от старой криницы, на поляне возвышается обелиск из черного лабрадорита. На нем высечены слова чешского писателя-коммуниста Ю. Фучика: «И мертвые мы будем жить в частице вашего великого счастья, ведь мы вложили в него нашу жизнь».

В нескольких сотнях метров на юго-восток от места расстрела Гремучий лес переходит в балку. По ту сторону ее за деревьями виднеется серое двухэтажное здание городской больницы. В период фашистской оккупации здесь размещалась окружная жандармерия, а в подвалах – тюрьма гестапо. Теперь в бывших тюремных камерах разместился мемориальный музей. Он рассказывает о трагедии Гремучего леса, о подвигах ровеньковских патриотов, о беспримерном мужестве юных героев «Молодой гвардии».

После войны подвалы больницы долгое время оставались заброшенными. Но однажды связисты, ремонтируя телефонный кабель,

обнаружили в подвале немецкий полевой телефон. Отнесли его председателю совета Ровеньковского историко-краеведческого музея Павлу Федоровичу Донцову. находка связистов натолкнула на мысль осмотреть подвалы. И оказалось, что мрачные своды фашистской темницы могут поведать о многом: в надписях, сохранившихся на стенах, оживали мысли и чувства тех, кто томился здесь перед расстрелом. По инициативе горкома партии решено было восстановить тюремные камеры, открыв в них экспозицию, посвященную погибшим в Ровеньках молодогвардейцам и коммунистам-подпольщикам, а в 1967 году в городе открылся мемориальный музей «Памяти погибших»...

Бывшие партизанки М. Попова, С. Заболотская и А. Пикалова, встретившиеся с Л. Шевцовой в ровеньковской полиции, вспоминали:

«Трудно забыть ее лицо, светлые локони... Она говорила, что ей не избежать смерти: «Вчера меня опять допрашивали... Допрашивали упорно, а Орлов жестоко избивал (Орлов – начальник полиции, – авт.). Я дума-

ла, что уже пришел конец, однако отпустили. Наверное, еще будут мучить. Они требуют от меня показаний».

Из полиции Л. Шевцову вскоре перевели в гестапо. «Потом мы видели, как Любу вели на расстрел. Она шла впереди. Руки были заложены сзади, а вид совсем спокойный, как будто не на смерть шла».

«...После пыток расстрелян в Гремучем лесу», – этой строкой завершается биография 18-летнего Виктора Субботина. Красивый тем-

армию, окончил школу военно-морских ради-стов, участвовал в боях. Попав в окружение под Новороссийском, бежал из плена. Добравшись до Краснодона, Дмитрий отыскал школьных товарищей и включился в подпольную борьбу.

А этот мальчик-подросток в надвинутой на лоб тубетейке – молодогвардеец Семен Остапенко. Весной 1942 года Сене исполнилось пятнадцать. Но, несмотря на юный возраст, Семен Остапенко участвовал во многих

НА СТЕНАХ ВЫЦАРАПАНЫ ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ, ОБРАЩЕННЫЕ К ЖИВЫМ: «УМИРАЮ ЗА РОДИНУ, НО КАК ЧЕРТОВСКИ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ», «ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ СТОЯ, ЧЕМ ЖИТЬ НА КОЛЕНЯХ», «ЖИВЫЕ, ОТОМСТИТЕ ЗА НАС», «КРОВЬ ЗА КРОВЬ, СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ», «МАМА, Я СЕЙЧАС ТЕБЯ ВСПОМНИЛА. ЛЮБА. ПРОШУ ПРОСТИТЬ МЕНЯ. ВЗЯЛИ НАВЕКИ. ШЕВЦОВА».

новолосый кареглазый юноша, он отличался веселым, жизнерадостным характером. Пел, играл на баяне и гитаре, хорошо танцевал, увлекался рисованием я любил стихи. Учился Виктор в Краснодонской школе № 1 имени Горького, а перед войной поступил в Ростовский электромеханический техникум. Он упорно занимался спортом, мечтал стать летчиком и сам мастерил небольшие модели самолетов. «Но все мечты были прерваны начавшейся войной, – пишет в своих воспоминаниях мать В. Субботина. – Виктор рвался на фронт, но по возрасту не прошел... У нас в доме я видела И. Туркенича, О. Кошевого, Д. Огурцова... Я чувствовала, что сын занят каким-то важным делом. Придет поздно вечером такой радостный, глаза сияют. О том, где он бывает и что делает, Виктор мне не говорил. Я знала, что в городе существует подпольная организация, и догадывалась, что Витя является ее членом. Арестовали его в конце января 1943 года прямо на улице...»

О Дмитрие Огурцове почти не осталось живых свидетельств: все, хорошо знавшие его, погибли. С фотографии смотрит открытое, мужественное лицо юноши, одетого в матросскую форму. Дмитрий вступил в «Молодую гвардию» уже закаленным борцом. Он был старше многих молодогвардейцев: когда началась война, ему шел девятнадцатый год. Осенью 1941 года Д. Огурцов был призван в

боевых операциях «Молодой гвардии», выполнял ответственные поручения штаба. В воспоминаниях краснодонцев-подпольщиков часто встречается его имя.

***

...В глубине двора Ровеньковской больницы пешеходная дорожка обсажена с обеих сторон молодыми елочками. Под каждой из них табличка с надписью: «Дерево Любы Шевцовой», «Дерево Олега Кошевого...»

В подвале тяжелая, обитая железом дверь в одиночную камеру. Над нею доска с надписью на немецком языке: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Тот, кто попадал в этот каменный мешок, назад не возвращался. Отсюда была только одна дорога – на казнь.

Темная, сырая, холодная камера. Под потолком замазанные сажей окна... На стенах выцарапаны последние строки, обращенные к живым: «Умираю за Родину, но как чертовски хочется жить», «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях», «Живые, отомстите за нас», «Кровь за кровь, смерть за смерть», «Мама, я сейчас тебя вспомнила. Твоя Люба. Прошу простить меня. Взяти навеки. Шевцова».

В своих воспоминаниях старый коммунист Иван Тимофеевич Чувило, нахо-

дившийся в одной камере с 16-летним уже седым Олегом Кошевым, рассказывал: «Во время пыток Олега сильно избивали. Однажды, когда пытки были особенно сильные, я услышал, как он закричал: «Гады, убийцы!» Ужасным пыткам подвергали и Любу Шевцову. Я слышал ее мужественные слова, брошенные в лицо палачам: «Убийцы! Вам не уйти от ответа!»

В камере можно увидеть личные вещи молодогвардейцев – брюки и рубашу Олега Кошевого, рубашу Виктора Субботина, старенький, дырявый платок, которым прикрывала окровавленное тело Люба Шевцова...

На рассвете 9 февраля 1943 года фашисты привели пятерых молодогвардейцев в Гремучий лес. Поддерживая друг друга, они гордо стояли перед лицом смерти...

Такими запечатлел их в своей скульптуре «Бессмертие» ровеньковский скульптор С.Ф. Пирогов. Сколько стойкости, силы и вме-

20 МАРТА 1943 ГОДА РОВЕНЬЧАНЕ ПРОВОЖАЛИ В ПОСЛЕДНЮЮ ЗЕМНУЮ ДОРОГУ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ, ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ... В ЦЕНТРЕ ГОРОДА, У ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ ГОРЬКОГО СТОЯЛО В РЯД 92 ГРОБА И ПЯТЬ ГРОБОВ С ТЕЛАМИ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ...

сте с тем ненависти к врагам в глазах героев! Всего шесть дней не дожили ребята до освобождения города – 17 февраля в Ровеньки вступили советские войска.

20 марта 1943 года ровеньчане провожали в последнюю земную дорогу молодогвардейцев, партизан и подпольщиков... В центре города, у Дворца культуры имени Горького стояло в ряд 92 гроба и пять гробов с телами молодогвардейцев...

Прощайте Мама
Прощайте Папа
Прощайте все моя родня
Прощай мой брат любимый
Больше не увидишь ты меня
Твой мотор - во сна мне
Твой стан - твой стан
Тогда стоит
мне

***

Понятно, что все выше сказанное для докторов-историков не важно. Им нужны особые доказательства, но жителям сегодняшнего Донбасса доказательства подвига молодогвардейцев не требуются, хотя бы уже потому, что в войне 2014 года они дали не меньше образцов жертвенности и все их жертвы не напрасны. Ребята, вставшие на защиту своего дома, умирая, не думали о званиях, должностях и посмертных гешефтах, а спасали ближнего ценою своей жизни.

Поезжайте, дорогие сограждане, посмотрите на Дебальцево, где нет практически ни одного не прострелянного дома; где в храме Александра Невского расстреляны из пулеметов иконы, купола (окно уже застеклили, – авт.)...; где в домах жителей вместо стекол пленка, где нет газа и нечем согреться зимой, но они не оставили свой город, а кто с детьми и уехал от обстрелов, то вернулся и посильно участвует в восстановлении города... Они, жители Дебальцево, говорят, что готовы все перетерпеть лишь бы не вернулась война. Женщина в храме, когда мы передавали журналы и книги для школы, показывала рукой на иконы: «Мы-то ладно, а Александра Невского за что?» – и плакала.

Не тревожьте, дорогие доктора-историки, покой героев-молодогвардейцев, не пытайтесь их сталкивать бытовой мелочностью в посмертной славе, ибо они потому и выстояли, что не искали её, а потому что самоотверженно жертвовали собою для жизни других. ■■

Сергей Котьяло

Сопредседатель «Союза писателей
России»

**МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА
КУДИМОВА**

Поэт, прозаик, эссеист, историк литературы, культуролог. Родилась в Тамбове. Начала печататься в 1969 году. В 1973 году окончила Тамбовский педагогический институт. Автор книг стихов: «Перечень причин» (1982), «Чуть что» (1987), «Область» (1989), «Арысь-поле» (1990), «Черёд» (2011), «Целый Божий день» (2011), «Голубятня» (2013), «Душа-левша» (2014). Лауреат премий им. Маяковского (1982), журнала «Новый мир» (2000), Антона Дельвига (2010), «Венец» (2011), Бунинской (2012), Бориса Корнилова (2013), «Писатель XXI века» (2015), Лермонтовской (2015)

Какая хорошая книга была!

ХЛЕБ

Захлебнулось на вдохе село,
Провалилось в предсмертную дремлю.
Это сильные мира сего
Раздербанили хлебную землю.

Понагнулся скелет осевой,
Кровь сварилась в печёнках отбитых.
Это слабые мира сего
Просят хлеба у каменно сытых.

Снег пойдёт – осветлит естество, –
Вновь небесная меленка мелет:
Это Он – не от мира сего –
Пять хлебов безрасчётливо делит.

***

Изморось, похожая на снег,
Но ещё не снег.
Времена, похожие на век,
Но ещё не век.

Междуснежье это, междувечье –
Как недомоганье человечье:
Полусон, неразмыканье век,
Недоговоренье, междуручье...

КНИГА

Какая хорошая книга была!
 Да всё дочитать не давали дела.
 Ты помнишь, ты помнишь? На первой главе
 Лежали с тобой голова к голове.

На третьей главе поцелуй настигал,
 На пятой главе нас будил нахтигаль.

Я в лодку садилась, ты прыгал в седло.
 Что дальше? А дальше-то чтение не шло.

И, только устав кочевать и летать,
 Мы вновь принимались ту книгу читать.

Но время неслось на часах с ремешком,
 И книгу бросали мы вверх корешком

На той же странице, на слове «почти»,
 Где угол был загнут, чтоб сразу найти.

В отпетом отеле, в пропащей земле
 Мы книгу забыли на пыльном столе.

Нас мучили сны и глодали года,
 И мы вспоминали о ней иногда.

Сгорела любовь, спрессовалась зола...
 Какая хорошая книга была!

Вошли кое-как в хитрованскую роль,
 И вдруг письмоносец принёс бандероль:

Наложённым книга пришла платежом
 В обложке другой, в пересказе чужом.

Открыли страницу... Нет слова «почти»!
 Ни дать и ни взять, никого не спасти.

Глава золотая грибком заросла...
 Какая хорошая книга была!

И мы, мертвечину лова на живца,
 Забыв середину, не знаем конца.

Заполнен стеллаж недочитанных книг...
 А юг всё мятежен, а север всё дик.

НАБУККО

*Набукко — интерпретация имени
 царя Навуходоносора II,
 разрушившего Иерусалим*

Вокзальный кафель привзвизгнул, то есть
 Талант упал на рифленный гурт.
 Афганский Раскольников входит в поезд,
 Из Вюрцбурга следующий в Оксенфурт.

Топор в подмышку вдавился больно,
 Данила Багров опилил обрез...
 Тунисский Раскольников в белом Вольво
 Въезжает на Променад ДЖанглез.

Глядит, как в зеркало перископа,
 В дверной глазок уж который год
 Алена Ивановна... Плачь, Европа:
 Лежит на поверхности твой исход.

От ар-Рахмана до аль-Латифа,
 От ат-Тавваба до аль-Мани...
 Сдвигаются русские архетипы,
 И Эльм бычкует свои огни.

А на руинах эсэсэсэра,
 На всех пепелищах, что впереди,
 Смерд призывает красного кхмера,
 Народоволец зовёт эсера,
 Дроздовец – каппелевца: «Гряди!»

И, опрокинув Ковчег Завета,
 Солдаты Набукко свистят плетьюми...
 Европа, бедная Лизавета,
 Не возвращайся домой к семи!

ТРИ РОЗЫ

Купила три розы, протёрла от пыли графин...
 Ты – сумрачный розан, я – особь светлей
 и крупнее,
 А розочка третья – ребёнок, румяный дофин –
 От нас отвернулась, и нимб каруселит над нею.

Я первой увяла, как водится по старшинству,
 Дитя отдалилось, не склонное множить потери,
 А сумрачный розан остался один на плаву,
 Смирясь с долговечностью в память
 убогих материй.

Сменился пейзаж, соглядатаи стали скучать,
 Вода застоилась, упавший графин сокрушился.
 А сумрачный розан ботаник унёс изучать,
 Но свежих цветов сочетать с ним никто
 не решился.

СИНИЦА

*Здравствуй, маленькая птица,
Вестница осенних дней!
Иван Тургенев*

Когда мама моя умирала,
Разгорались октябрьские дни,
Монотонные пелись хоралы:
«Хейлиг, хейлиг...», «Спаси-сохрани».

И безвыходная бахиана
Моей музыкой стала с тех пор,
И неясной виной Ханаана
Сердце дышит уму вперекор.

Осень, воздух, раскрытая фортка,
Дрожь бессонниц, потеря границ,
Опадающих листьев развёртка,
В чёрных галстуках стайка синиц.

Лом таблетный, сплошная седмица...
В дом беды, как на аэродром,
Заполотно влетала синица,
Хлопоча над болезным одром.

И, гоня её телепрограммой,
Я тогда догадалась, что смерть –
Это жёлтая птичка над мамой,
В потолочную бьющая твердь,

Словно солнце сквозь толщу лесную...
Так, толпой городской хвалим,
Предваряет неделю Страстную
Бог, входящий в Иерусалим.

Так октябрьский день несчастливый
Я запомню навеки – аминь! –
Жёлтой птичкой с оттенком оливы,
Говорящей своё «синь-синь-синь».

***

Памяти Валентина Распутина

Всё отдав и всё оставя
На заступленной черте,
Неподатливые к славе
Умирают в немоте.

Так молчат снега с разбором,
Впору вьюгами отвыв,
Так молчит народ, в котором
Был и ты доселе жив.

А теперь над зыбью кровной
Всходишь, вопреки тщете,
В невозможной, полнословной,
Вещей немоте.

ЯБЛОНЯ

Яблоня старая тужится цветом,
Словно бы кто её просит об этом,
Руки воздев, не покрыв головы, –
Красно украситься прежде листвы.

Трудно и хлопотно яблоне старой
(Я про себя назвала её Саррой).
Много покойнее зимней порой
Было ей кутаться чёрной корой

И, угостившейся желчью и оцтом,
Смертью с весенним разделаться ГОСТом,
Не преломляя неплодья печать,
Ветвью костлявой о крышу стучать.

Нет – аккуратно к Великой Субботе
Плодоносяще восстала в работе,
Пусть тугочревный земной огород
Полон обломками адских ворот.

Мельтешно, с пальцами в луковой краске,
Так ведь и мы помышляем о Пасхе:
Пламя молитвы в трясине молвы,
Праздника цвет в повседневье листвы.

ЧЕРЁМУХА

Я люблю на черёмуху похолодание,
Кулича подъедание, Пасхи отдание,

Чтоб весенний застрой был,
как белой шпаклёвкой,
Гроздевидно обрызган молочной маёвкой.

За неделю предлетие сапою тихую
С пятипалой разделается засадиhoю,

После скуксится осень вдовою соломенной –
Так её скосоротит лиловой оскоминой.

Мне мила не персидская и не виргинская,
А плебейская, рѳдная наша, суглинская,

Отражѳнная вовсе не в водах Потомака
Черессильная, трудная наша черёмуха.

И пока, слыша города гонку блошиную –
Далеко, невложимо в кусты черемшинные,

Засыпаю беспечно, а в комнате холодно,
И умолк соловей, нахлебавшийся солоно,

Потому что его, как дикѳго приѳмыха,
Крупной солью вскормила глотуха-черёмуха.

***

За правду этих дней, за окаянство
Отлучек и немислимых затей
Я жертвую химерой постоянства
И плачем неродившихся детей.

И, ведая о долге и расплате,
Я без напоминаний отдаю
Семейный завтрак в тапках и халате
За дом чужой и наготу свою.

Запечный домовый и гений житный –
Изученный уже материал.
Теперь, когда мы равно беззащитны,
Не суть – кто приобрёл, кто потерял.

Двух равенств нет, не дадено двух мужеств –
И нам с запасом хватит одного.
Когда-нибудь, лишившись преимуществ,
Ещё мы разберёмся, кто кого!

***

Наворую у прошлого алычи
В разбомблённом чужом саду,
И, пока душа говорит: «Молчи!»,
Никуда не уйду.

И, пока народ молчит: «Говори!»,
Будет маотно и в раю.
Заросли вертикально плющом фонари,
Освещавшие жизнь мою.

За семнадцать лет не раздулась гарь –
Только сажу дождь спрессовал.
И дорогу железную съела марь,
Будто Брэдбери колдовал.

А вожак одичавшего табуна
Гомозит головой гнедой,
А коровья лепешка похожа на
Перевернутое гнездо.

Только моря судороги длинны –
Отбежит волна, набежит.
Ничего не трогай после войны –
Пусть лежит оно как лежит.

Рот откроешь, выдохнешь алкоголь –
Всё одно не заговоришь...
Головой младенца играет в гольф
Утвердившийся нувориш.

ДЕРЖИДЕРЕВО

За деревнею Потерево
Не по климату, мятежно
Палиурус – держидерево –
Оградил предел коттеджный.

Средь цветочков жёлто-кисленьких,
Мелковатых, как минуты,
Вместо выростов-прилистников –
Два шипа: прямой и гнутый.

И внезапно всем спохваченным
Умозрением тугим
Возвратилась я к утраченному
Впечатленьям дорогим –

Как с усердием любителя,
Двигаясь от точки к точке,
Рисовал мой дед Спасителя
В Нотр-дамовом веночке.

Я, растя в тайге пиловочной,
На большом лесоповале,
Думала, колючкой проволоочной
Богу голову сковали.

Зелена живая изгородь,
Бур Его венец терновый.
Полыхает, будто Искороть,
От зари посёлок новый.

Палиурус подвизается,
Не обманываясь торгом:
Шип, что прям, во плоть вонзается,
Шип, что гнут, дерёт с поддёргом.

Что же я, дитя режимное,
Не подброшу пакли серной?
Держидерево, держи меня
На дистанции замерной.

Пронизай, на всё готовую,
В тонких маревах являйся
И колючкою Христовою
В мои помыслы вцепляйся.

ФРАГМЕНТ ИЗ РОМАНА «БУСТРОФЕДОН»

Собравшись наконец выйти за пределы Двора, она хотела в качестве предложения проводить Гелю до школы, но та наотрез отказалась. По природе своевольная, по мере приближения к пубертатному возрасту, девочка все неохотнее допускала вмешательство в свою жизнь. Она не раз видела, как Геля сразу же за воротами, невзирая на погоду, снимала шапку и шарф, категорически не надевала теплые рейтузы и переживала как катастрофу, если чулки на поясе сползли и оголяли сзади ногу. Она вовсе не намеревалась унижить взрослеющую девочку проводами. Просто Гелина школа, бывшее Серафимовское духовное училище, расположена рядом со зданием, где прошло ее отрочество, наступила и мгновенно кончилась юность, – на пересечении бывших Дворянской и Большой.

Окна в Институте были наполовину забелены. Но, забравшись на табуретку и поставив в дверях дежурную по «шухеру» девочку, изредка счастливо увидать, как группки «серафимов» в фуражках с кокардами и шинелях с заложенными под ремень книгами, что строго запрещалось правилами, с некоторой развалкой, зная, что за ними наблюдают, важно проходят мимо Института. Пройдя поле видимости, они припускали на рысках вперегонки, сбивая друг с друга фуражки и хлопая книгами по стриженным головам. Любимое словцо институток «обожаю» – с удвоенным «ж» – к «серафимам» не применялось. Над ними полагалось трунить и насмешничать. «Обожжаю» относилось лишь к нестарым преподавателям и самым хорошеньким пепиньеркам – воспитанницам педагогических классов, обречшим себя на служение народу в земских школах по медвежьим углам.

Александринский Институт благородных девиц, как и все подобные заведения, был

закрытым. Воспитанниц не пускали никуда и никогда, и свидания раз в неделю с родными происходили в присутствии классных дам. Единственный раз, в декабре 1914-го, им велели одеться потеплее и вывели строем на улицу в честь приезда в город Государя. Городской голова Потапов Институт посещал не раз, и его стрелчатые усы неизменно вызвали тайные пересмеивания. В Серафимовском училище работал госпиталь, но куда-то переселенных «серафимов» привели к родным стенам, и тогда институтки в первый и последний раз стояли с ними бок о бок. Государь награждал раненых, а потом вышел на крыльцо в накинутой шинели и поприветствовал горожан. Он был невысок, но пропорционально сложен и невероятно красив. Тогда, после первых поражений, уже повсеместно царили антигерманские настроения, и учитель математики, фамилию которого она напрочь забыла, поскольку математику ненавидела так же, как теперь – Геля, вслух подсчитывал процент немецкой крови у всех членов Августейшей фамилии, а однажды сказал напрямую, почему-то со словоерсом: «От немцев не стало житья-с» – и испуганно оглянулся через плечо: начальницей института была остзейская немка Хеллерт, и ее, несмотря на величавую строгость, все тоже «обоужали». Немцев в городе было полно, и они никогда не вызвали у горожан никакого отторжения, а многие – так и сдержанное уважение.

Она решила, раз уж внучка отказалась быть ей спутницей, пройти к резиденции первого наместника, которую другой Государь Николай, Павлович, своим указом отдал под учебное заведение для дворянских дочерей и сирот. Доехать на автобусе до площади Ленина – Пятницкой, заложенной перед первой революцией на месте крепостного рва.

Она помнила чудесную, особо почитаемую народом церковь с колокольней во имя первомученика Стефана. Но Стефаниевской ее никто не звал – только Уткинской, по имени купца-благотворителя, лавки которого располагались совсем не далеко – на Гимназической. Особо благоговейные звали храм Богородичным: здесь находился чудотворный образ Заступницы. В начале 30-х колокольню порушили тракторами, а храм, впрочем, сильно обветшавший, взорвали, объясняя это тем, что он якобы мешает движению. Но это она знала по рассказам – они с мужем тогда уже счастливо жили в другом городе той же черноземной благодатной полосы.

Ее привезли сюда, когда после смерти отца от скоротечной чахотки мать выхлопотала бесплатное содержание: отец носил звание Народного учителя, к тому же был потомственным дворянином. 11 лет – почти предельный возраст для поступления, но после испытаний ее взяли во второй класс. В городе жила замужняя старшая сестра, потому и распределение произошло сюда, в Александринский институт. Мать объяснила ей, что заведение второго разряда и мечтать о придворной карьере, как смолянки, не стоит ни под каким видом. Но с первых дней, когда она не просыхая плакала, скучая о родном доме, все вокруг мечтали только о придворных балах, знали поименно всех фрейлин и о каждой сплетничали в дортуаре – общей спальне на тридцать воспитанниц. Слезы в институте не поощрялись наставниками и вызывали насмешки однокашниц. Она долго не могла научиться спать в таком многолюдье, измучилась, похудела. Муж сестры – офицер-интендант местного гарнизона, носивший, как и городской голова, модные и еще не порицаемые молвой кайзерские усы и прическу бобриком, при полном параде явился к начальнице с прошением отпустить юную золовку на Рождество в их съемное, но уютное жилище неподалеку, на улице Дубовой. С тех пор как в Институте появились проходящие – своекоштные – воспитанницы, порядки несколько либерализовались, и начальница скрепя сердце разрешила новенькой в виде исключения провести два дня в семье, взяв с офицера все положенные клятвы и заверения.

Тогда-то, на рождественских гуляниях, она и увидела город впервые. Улицу Гимназическую с пекарней братьев Толмачевых, где продавались, к ее изумлению, сахарные, обвалянные в какао «папиросы» и «спички». Базарную с колбасной Польшмана, где за прилавком стояли румяные барышни в немецких капорах и передниках с рюшами. Универсальный магазин Рорбаха, по словам зятя, не уступавший ассортиментом Мюру и Мерилизу, где ее потрясла стиральная машина марки «Континенталь», а зять не мог оторваться от револьвера «Байярд». Да и от самого дома армянина Шоршорова, Почетного гражданина, нельзя было оторвать глаз. Говорят, на втором этаже, в гостинице «Европейская», все было оборудовано по последнему слову техники – водопровод, канализация, телефоны. А прослушивание граммофона в музыкальном магазине «Пишущий амур» и посещение синематографа «Модерн» рядом с домом, где жила сестра, оставило впечатление из разряда неизгладимых, после которых душу украшают не шрамы, а нежные следы жизни, как после ласки большой собаки. На прощание снялись втроем в модной фотографии Енкина.

Она провела детство в городе, куда более славном, чем этот, но негромкое провинциальное обаяние, изобилие и удивительная компактность покорили ее навсегда. После достопамятной прогулки институтскую изоляцию она переносила уже не так тяжело, а весной, когда стало можно подолгу прохаживаться под руку с одноклассницами по саду, простирающемуся до реки, с закрытыми для посторонних купальнями, или по деревянным тротуарам внутреннего двора, у нее и вовсе отлегло с души. Училась она хорошо, хотя на золотой с бриллиантами шифр – наградной вензель Императрицы, чье имя носил Институт, на ленте, она не тянула. Геля, ее дорогая незабвенная Гелечка, напротив, была первой по всем предметам, и ей пророчили не только шифр, но и золотую медаль.

Занятые в течение целого дня воспитанницы могли пошутушкаться только в дортуаре и на прогулках, и очень скоро они с Гелей искали для этого малейшую возможность – даже, чего уж греха таить – и во время общей молитвы в домовый церкви во имя мучени-

цы царицы Александры Римской. Ухитрялись и во время музыкальных занятий в сельюльках – маленьких комнатушках наверху – обмениваться знаками и взглядами, которые понимали они одни. В сельюльки, рассчитанные едва на одну ученицу и преподавателя, под неизменным предлогом: «Хотим послушать, как вы чудесно играете», которые неизменно же до покраснения баварского носа лестили самолюбию смешного и трогательного Граверта, набивался весь класс, так что делалось нечем дышать. Они с Гелей поклялись, конечно же, в вечной дружбе, которую не разрушит никакое замужество и материнство. А именно на эту стезю бестрепетно направляли их наставницы.

Однажды ночью она проснулась оттого, что соседняя, Гелина, кровать тряслась и клацала панцирной сеткой. Спальные места отделяли друг от друга тумбочки, на которые разрешалось ставить воду и класть Евангелие. Достаточно было свеситься с одной кровати, чтобы беспрепятственно дотянуться до другой, но это строго воспрещалось. Ночная воспитательница спала за легкой занавеской в общем дортуаре и вскакивала на любой шорох, боясь потерять место. Ради бесшумности она спустила ноги на пол и на корточках присела в головах у Гели, думая, что ее во сне мучает кошмар. Легко тронула завернутую в кокон одеяла фигурку:

– Геличка, что ты?

Геля повернулась к ней, выпрастывая из кокона лицо, мокро блестящее в темноте, и страстно зашептала:

– Мы преступницы! Нет нам прощения!

– Милая, да что случилось?

– Народ... – Геля захлебнулась рыданием. – Народ страдает! Я в отчаянии!

Она обняла дрожащий сверток со спрятанной в нем подругой, сидя в самой неудобной для объятий позе, с уже затекшими икроножными мышцами и застывшими ступнями, и горько заплакала из солидарности со страдающим народом и печалующейся о нем подругой. Заснули они только под утро, вышептав весь пропагандистский арсенал проклятий сатрапам.

Дойдя до здания, где теперь разместился тоже институт, педагогический, который

окончила ее дочь, она дополнительно вспомнила многие детали. Скелет собаки и летучей мыши в кабинете биологии. Чучело колибри с потускневшим оперением. Прибор для свечения электричества в закрытом сосуде. И, конечно, волшебный фонарь с картинками, которые демонстрировал им, часто облизывая губы, коллежский советник Вернандер. Вспомнила идеально отмытую фаянсовую посуду в столовой. Ей не хотелось заходить внутрь, но интересно было по расположению окон угадывать, где помещался танцкласс, где библиотека. Им позволялось строго по списку читать «Домашний быт русских цариц» Забелина, а также историю Карамзина и Полевого. А они хотели глотать выпуски «Пещеры Лейхтвейса», Ната Пинкертон и другие дешевые книжки издательства «Развлечение», а не лакированную разрешенную Чарскую, и писать друг другу забавные посвящения в альбомы. Далекие от нормальной жизни и ее противоречий, институтки совершенно не понимали, о чем идет речь в комедии Гоголя «Ревизор» и где обитают подобные уроды. Их окружали красивые благородные люди, цельные и самоотверженные. Они жили в раю, но рай – место посмертия, и расплата за перенесение обители блаженных в неположенное место была страшна.

Нашла она и окно дортуара, и почему-то именно оно привело ее в такое волнение, что пришлось положить под язык таблетку валидола. Теперь трудно представить, как сочетались в Институте одновременно спартанские и совершенно оранжерейные условия. С одной стороны, ежедневная часовая гимнастика, вечером массаж, который они делали сами себе, бесконечные стояния в институтском храме, а то и довольно чувствительные удары линейкой по спине – чуть ссутулишься или примешь фривольную позу за партой. День говорили по-немецки, день по-французски, но при этом общую линию держали на горячей русский патриотизм. С другой – полнейшая девственность в вопросах практической жизни, а уж тем более политики. Даже занятия кулинарией носили безнадежно архаический характер, и ни одно из блюд, особенно после революции и разрухи, они никогда не приготовили и не подали своим чудом уце-

левым избранныкам. На уроках словесности из Пушкина они заучивали только про дворового мальчика и свободную стихию, а «Евгений Онегин» считался произведением чуть ли не безнравственным, и они с Гелей тайком ночами прочли роман в стихах, принесенный кем-то из своекоштных, и были страшно разочарованы поведением Татьяны, считая ее ханжой. Слава Богу, пришло предписание начать обучение воспитанниц стенографии и машинописи. Это многих впоследствии, когда знание иностранных языков предпочтительнее было скрывать, спасло без преувеличения от голодной смерти.

Лютеранка Хеллертша, как ее звали за глаза, истово следила за их религиозным воспитанием. Добрых три четверти девочек были, естественно, православного исповедания. Иконы в вестибюле с неизменно наващенным, опасным для хождения паркетом приглашали развешивать монахинь из близлежащего монастыря. Сделать это служителям мужского пола запрещалось во избежание соблазна. Хеллертша, следившая в Институте за каждой мелочью, то и дело поправляла монахинь, явно лучше нее разбиравшихся в православных иконостазах, приговаривая:

– Лучше бедно, чем плохо.

Это была ее любимая поговорка. Старшеклассницы утверждали, что в незапамятные времена в биографии начальницы имел место роман с городской легендой – знаменитым хирургом Икавицем, доктором медицины, много лет возглавлявшим губернскую земскую больницу. Он одним из первых в империи провел кесарево сечение, открыл фельдшерскую и акушерскую школы и больницы для неимущих, которыми тоже заведовал и неусыпно их опекал. Аскет и анахорет, Икавиц не только не завел собственного дома, но и квартиры не нанял. Так и жил при больнице, сутками не покидая операционной. Представить, что у этого подвижника, настоящего святого, с кем-то, тем более с пышногрудой и, при ближайшем рассмотрении, усатой Хеллертшей, случился роман, не хватало воображения, хотя начальница – единственная кандидатура, которая была бы ему под стать. Она тоже никогда не покидала институтских

стен. Открытая веранда ее небольшой квартиры летом была сплошь увита цветами, и весь двор до поздней осени, когда отцветали астры, флоксы и георгины, утопал в цветах.

Иногда она смотрела на внучку глазами своей классной дамы, Марии Владимировны Маховой. От того, как Геля сидит, ходит, ест и говорит, Махова пришла бы в ужас, а может, даже упала бы в обморок. Но нынешней девочке предстоит жить в нынешнем мире, с которым она пока что и так не очень ладит. Та, другая Геля, услада сердца ее институтских лет, тоже не была идеалом. Любила позлословить, пропускала под предлогом дамского недомогания банные дни и тайком даже от нее жадно поедала в постели сладости. Но любовь не ищет идеала – она выстраивает его. Память сохранила лучшую музыкантшу Соню, зубрилу Катю, добрую и наивную, как котенок, у которой беспардонно списывали все нерадивые, независимую полячку Марысю, кокетничавшую даже с проходящим ксендзом. Но именно Геля осталась в памяти эмблемой юной, не лишенной страстности, но по сути чистой и невинной дружбы. И не чья-то, а именно ее судьба, в отличие от других девочек, канувших в прорву войны, прошла перед глазами и до сих пор отдавалась болью где-то за грудиной.

Изолированный и дистиллированный институтский мир практически не затронула Великая война. Только у одной девочки был тяжело ранен старший брат, подпоручик, и все горячо молились о его здравии, но ни разу не видели раненых, которые страдали по соседству, в Серафимовском училище. Никто и отдаленно не подозревал, какие тектонические потрясения ждут их самих и их близких. Газеты в Институт не приходили, политинформация не проводилась. Только однажды проныряли Геля добыла где-то листок с удивительной по содержанию публикацией архиепископа Кирилла, которого девочки видели на чтениях в честь столетия Феофана Затворника, тоже когда-то бывшего местным епископом. Владыка Кирилл, благообразный красавец, влюбил в себя всех институток, и многошепотное «обожжаю» сопровождало его посещение и долго не стихало в спальне.

Заметка была ответом на ура-патриотический выхлоп какого-то болвана. По редко-

сти явления печатного слова в стенах обители блаженных она запомнила высокопреосвященный ответ почти наизусть: «Милостивый государь, господин редактор. В № 194 Вашей газеты помещена заметка под названием «Излишняя скромность», с требованием более или менее шумных проявлений народного чувства по поводу успехов русского оружия на бранном поле. Автор жалеет об отсутствии флагов на улице и желает трескотни ракет и иллюминаций. С чувством глубокой скорби прочитал я эту заметку и протестую против ее содержания всем своим существом.

Слишком серьезное время переживаем мы, чтобы можно было думать о рукоплесканиях и потехах. Глубоко верим, что Правосудный Господь пошлет и воинству нашему, и Родине всю полноту радости окончательной победы над гордым врагам; но об этой радости надо неустанно молиться, необходимо готовиться к ней как к великой Святыне, во всей сосредоточенности народного духа; должно заслужить эту радость подвигом общего труда и жертв, а не бесчинными кличами и расслабляющими зрелищами. Придет время — мы будем засыпать цветами обратный путь с поля брани наших доблестных воинов, мы не только флагами уберем свои дома, но готовы будем одежды свои подостлать под ноги наших героев; но теперь, теперь пока время думать о скорейшей замене продырявленной пулями рубашки, о корпии и марле для перевязки ран, о мягкой подушке под израненную голову. Прошу Вас, милостивый государь, письмо это, как противоядие легкомысленной заметке, давшей повод к его написанию, поместить в ближайшем номере».

Но, как бы то ни было, война продолжалась — под нечеловечески популярную мелодию «Прощания славянки», сочиненную местным штаб-трубачом. Иной раз после свиданий с родней в дортуаре шептались о приближающейся революции, но очередное утро снова начиналось с молитвы, гимнастики, потом шли своим чередом занятия танцами и ординарные уроки. Какая революция?! Это казалось эпизодом французской истории, и не более того. Самым ужасным несчастьем представлялся порванный чулок или растрепавшаяся коса. В феврале 17-го им приказали построиться в ве-

стибюле. Хеллертша, в прекрасно пригнанном платье, с безукоризненной прической, только припудренная чуть гуще обычного, обычным же ровным голосом объявила:

– В России произошла социальная революция. По этому случаю мы идем на демонстрацию.

Надевая шубки и ботики, все немного хихикали над начальничиным произношением, но радовались неожиданной прогулке вне стен Института и воображали, как встретятся с «серафимами» или, чего доброго, с курсантами Пехотной школы, и, вполне возможно, успеют обменяться с ними многозначительными взглядами, а то и записочкой. Самая остроумная из воспитанниц, Соня Чичерина, заметила, что в слове «демонстрация» начальнице слышатся «демоны». Распускать языки никто не боялся — доносительство в Институте категорически не поощрялось. Однажды новенькая девочка наябедничала классной на подобные словесные уязвления. Хеллертша вызвала ее, отрезала: «Доносчику — первый кнут» (она произносила: «доношчику») и лишила свидания. Ябеде устроили в классе длительный бойкот, и ей пришлось перевестись в другой Институт.

Из всей «демонстрации» запомнился заунывный предвесенний ветер, слезящиеся глаза, неслыханное в здешних местах множество матросов, невесть откуда взявшихся, и красный бант на высокой, подтянутой корсетом чуть не к горлу груди начальницы, тоже порождавшей немало острот. Уже через год матросы перестанут удивлять, и единственной задачей станет избежать с ними встречи — особенно в наступившей внезапно кромешной темноте, никогда не рассеивавшейся, словно городская электрификация не была делом усердия стрелоусого Потапова, а таинственно связывалась с самовольной сухопутностью вчерашних покорителей морских стихий. В течение еще целого года жизнь шла почти обычным манером. Только стали чуть хуже кормить, и от обилия в рационе пшеницы некоторые растолстели и принялись налегать на гимнастику пуще прежнего. Лишь через много лет она поняла, чего стоил Хеллерт этот бант на вздернутой груди и вся митинговая затея. Начальница хотела только спасти своих девочек и сохранить в

неприкосновенности их стерильное существование. Единственный раз институтки видели ее слезы – в день отречения Государя. Красные заняли город в марте 18-го. Через неделю, топча сапогами паркет, в Институт ввалились люди в кожанках, матросы и китайские наемники из заградотрядов и приказали воспитанницам и наставникам убираться на все четыре стороны.

К сестре переселилась мать. Их родовой город был сначала занят немцами, а теперь, после подписания Брестского мира, и вовсе отходил другой стране. Муж сестры, в день объявления войны ушедший на фронт, пропал. Но сестра не унывала, и сначала по неведомой протекции сама устроилась в Отдел продовольственного снабжения, а потом устроила туда и ее с Гелей – красным требовались стенографистки и машинистки. Геля была сиротой, и, кроме подслеповатой тетки, родственников не имела. Все они, благодаря сестре, которой оказывал явные знаки внимания кривоногий начпрод, как-то прокормились тот страшный год, когда кровавыми клочьями отлетали по одному признаки прошлого. Добралась ли другие девочки до своих степных имений и что их там ожидало, можно было лишь гадать, но догадываться не хотелось. С тех пор качество жизни ухудшалось неуклонно – с коротким перерывом, выпавшим на начало 30-х, когда казалось, что все налаживается. Но с обвальным крушением 1918-го не сравнится, конечно, ничто. Автор «Прощания славянки», между тем, сделался дирижером чекистского оркестра.

Однажды весь Отдел – по одному – вызвали к комиссару и настоятельно порекомендовали вступать в партию. Немедленного решения не требовалось – большевики еще не вполне освоились с ролью властителей. Она поделилась новостью с матерью. Та покачала головой и сказала:

– Не стоит, деточка. Все еще не раз переменится.

Она отговорила молодостью и неготовностью к столь высокой ответственности. А мать как в воду смотрела. В августе 19-го без единого выстрела город занял 4-й Донской корпус генерал-лейтенанта Мамонтова (на самом деле фамилия его писалась Мамантов,

но такие мелочи уже никого не занимали). Пятнадцатитысячный гарнизон красных, заведя участников конного рейда, разбежался, словно орава мальчишек при появлении сторожа. Лошадей не хватало, и часть разбегающихся дунула пешим ходом.

Организованно отступали только латышские стрелки, но на выходе из города их остановил пулеметный огонь с колокольни кладбищенской церкви: по латышам лупил настоятель храма. В ответ по колокольне били из винтовок, пока огонь не захлебнулся. Тело священника сбросили вниз, в иконостас швырнули гранату. Батюшку похоронили с почестями. Мамантовцы рассчитывали на восстание крестьян против «поработителей», но местные мужики отличались хитростью и терпением и гостей покуда не поддерживали, а восстали позже и по собственной ненавязанной воле.

Мамантов въехал в город на автомобиле. Его хлебом-солью и поясными поклонами встречали рабочие вагоноремонтных мастерских: они зарабатывали по 300 рублей в месяц и успели понять, что теряют. В воспрянувшем было городе поговаривали, что brave донцы пробудут недолго, и эти слухи тоже скоро подтвердились. Перед походом на Москву корпусу требовалась передышка. Закрепляться в городе Мамантов не собирался. Они с Гелей, не зная, как себя вести, с утра пришли в Отдел и уселись за свои ремингтоны. Как ни странно, помещение не пострадало, и относительный порядок сохранялся. Вскоре послышались шаги, и в комнату, цокая шпорой о шпору, вошел красивый офицер.

– Пгиветствую милых багышень, – сказал он, картавя и улыбаясь. – Пгошу сохганять спокойствие. Его пгевосходительство вскоге пгибует с пговежкой. Это чистая фогмальность. Вам ничего не уггожает.

Действительно, буквально через несколько минут в комнату со свитой вошел статный генерал с немного удивленным лицом и усами до плеч. Он кивнул барышням, достал из кармана белоснежный платок и несколько раз провел им по полкам. Внимательно взглядевшись в результат «пговежки», брезгливо бросил платок на пол.

– Какую должность занимали при большевиках? – спросил генерал.

– Машинистки продовольственного Отдела, – хором пролепетали они.

Генерал кивнул – впрочем, неодобрительно – и покинул помещение. Она успела заметить, как картавый офицер на прощание посмотрел на Гелю. Геля не была красавицей, но в 18 лет, во всяком случае, тогда куда выше ценился статус «хорошенькой». А под эту статью Геля подходила эталонно.

Следующим утром, когда она снова по привычке явилась на службу, Геля с восторгом рассказала, как адъютант Мамантова подстерег ее возле теткиного дома (адрес выпытать было несложно – в городе почти все друг друга знали) с огромным букетом.

Через три дня стало ясно, что корпус покидает город. Передышка кончилась. На прощание казаки раздали горожанам запасы с продовольственных складов и казнили самогонщиков и торговцев спиртом, пытавшихся спойть донцов, а также китайцев, которые зверствовали особо изощренно и хладнокровно. Люди носились с огромными кулями конфет, мешками сахара и коробами печенья. Геля забежала на Дубовую и сообщила, что уходит с казаками.

– Это любовь, – беспечно сказала Геля. – А с любовью не шутят.

– Это война, – попыталась урезонить ее сестра. – С войной уж точно не шутят. Все только начинается.

– Оставайтесь, если вам угодно, – огрызнулась Геля. – А мне хочется мир посмотреть. Я шесть лет в тюрьме провела.

Под тюрьмой разумелся Институт. Они простились холодновато. Об обете верности Геля явно не помнила, да и не до обетов было в новой ситуации.

Красные вернулись. Обыватели болтали, что был суд над трусами, оставившими город на произвол судьбы, но ради спасения престижа армии виновным никого не признали. В эти дни она познакомилась со своим будущим мужем, мобилизованным в зажиточном поволжском селе, за грамотность взятым в штаб и таким образом оказавшимся ее начальником. Основам стенографии обучать его пришлось срочным порядком. Учеником он оказался на редкость схватчивым, но стенографией дело не ограничилось. На стенах

и заборах появились листовки, подписанные Троцким, с неизменным воззванием: «Коммунисты, вперед!» Красные опасались зреющего крестьянского восстания, к идее которого мамантовцы мужиков лишь чуть подтолкнули, а пять тысяч продармейцев, грабивших зерновую губернию, в этой мысли укрепили бесповоротно. Когда она услышала и увидела на заборах то же самое воззвание: «Коммунисты, вперед!» в начале следующей войны, а после – в стихах с хорошим, крепким звуком, часто исполнявшихся по радио, а теперь и по телевидению, то лишний раз подумала о том, что слова переходят из уст в уста, как легкокрылые женщины из рук в руки.

Со штабным ухажером они успели уже тайно обвенчаться в одной из деревень, пережить невыносимо сладкий медовый месяц, когда штаб перебросили ближе к фронту. Город остался в глубоком тылу и потихоньку опоминался. Она проснулась от царапанья в окно, решила, что это кошка, и шикнула на нее. Царапанье не прекратилось, и она нехотя встала. За окном стояла Геля, повязанная диким на ее бонбоньерной головке бабьим платком. Несомненность стояния была такова, что остатки сна выпрыгнули из головы и раскатились по полу, точно порванные жадной рукой бусы. Что такое жадные руки, она теперь знала. Гелина тетка умерла голодной зимой, хотя они с сестрой ее подкармливали чем могли, в ее дом вселили партработника, и деваться Геле было абсолютно некуда.

– Осторожно, я во вшах, – с прифронтовой хрипотой сказала Геля, когда все проснулись и засветили лампу.

Мать велела дочерям выйти и стала обирать с Гели вшей, крупных, темных, как чечевичные зерна. Нагрели воды, кое-как помыли ее и уложили. Свадьба с красным командиром спасла их хозяев от уплотнения, а их самих – от лишних вопросов и повышения квартплаты.

Через день Геля заболела. То есть она, конечно, пришла уже инфицированной, но болезнь словно ждала толики комфорта, чтобы накинуться на человека, слегка отмытого, отнительно сытого и потому расслабленного.

– Это тиф, – без сомнений заявила мать. – В комнату не входите, ешьте чеснок.

Чеснок и лимоны она считала панацеей, но лимоны по случаю революции исчезли, а чеснок по-прежнему, не сообразуясь с классовой борьбой, произрастал в хозяйском огороде. О том, что Геля умрет, она подумала дня через три, когда доктор Мордухович, пришедший по старой памяти осмотреть больную, долго протирал руки спиртом и сопел волосатым носом. До этого она видела только смерть от старости институтской собаки Дамки. При этом сторож Ибрагим убивался значительно громче и искреннее, чем девочки, для порядка, конечно, прослезившиеся и вволю посморкавшиеся в кружевные платочки.

Страх смерти начисто избавил от страха заразы, и она провела у Гелиной постели оставшиеся до рокового часа три дня. Геля бредила и в бреду картавила, как ее неизвестно куда подевавшийся, а скорее всего погибший избранник. За несколько часов до конца сознание ее прояснилось, и она прошептала:

– Хеллертшу расстреляли. Она с нами была. Ушла с нашим обозом.

– За что?! – вырвалось из сердца, как будто она не знала, что на войне убивают не «за что», а «потому что».

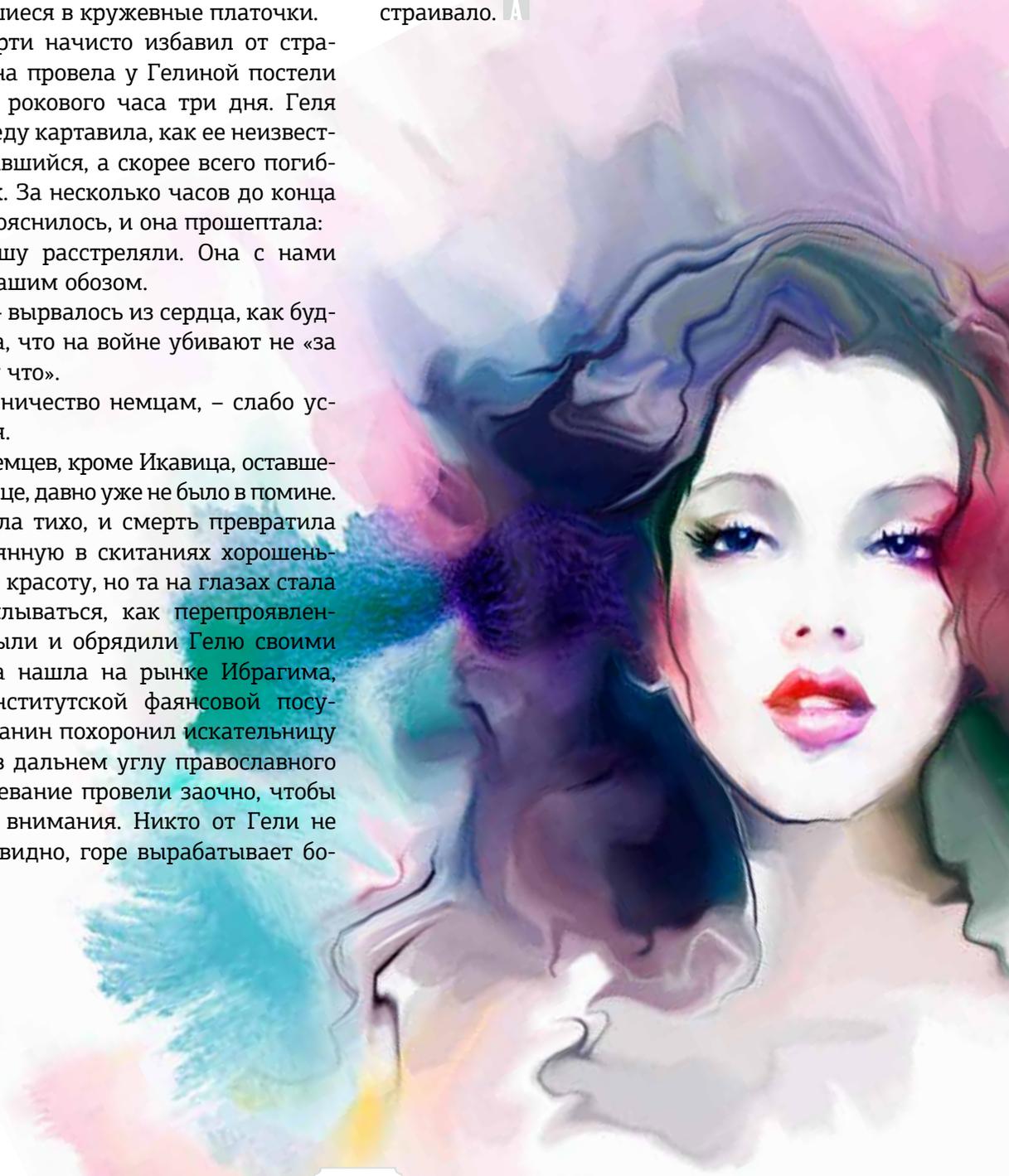
– За пособничество немцам, – слабо усмехнулась Геля.

Никаких немцев, кроме Икавица, оставшегося при больнице, давно уже не было в помине.

Геля умерла тихо, и смерть превратила ее было потерянную в скитаниях хорошенькость в дивную красоту, но та на глазах стала блекнуть, расплываться, как перепроявленное фото. Обмыли и обрядили Гелю своими силами. Сестра нашла на рынке Ибрагима, торгующего институтской фаянсовой посудой, и магометанин похоронил искательницу приключений в дальнем углу православного кладбища. Отпевание провели заочно, чтобы не привлекать внимания. Никто от Гели не заразился. Очевидно, горе вырабатывает бо-

лее сильный иммунитет, чем любая вакцина. Сколькo потом она ни искала могилу, найти даже слабого всхолмия так и не удалось. А на кладбище с тех пор нашли покой и мать, и сестра, и вот теперь царицынский казак.

– Кажется, я и с этим начинаю смиряться. Слава Богу за все! – подумала она и плелась обратно на Карлушку, бормоча: «Крестьян раскрестьянили, казаков рассказачили, институток разынститутили. А проституток не распротитутили». Она понимала, что полутчетливое бормотание под нос есть один из признаков старости, но это ее уже не растреивало.

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

Мария Игоревна Знобищева родилась в Тамбове в 1987 году. Окончила Институт филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наши современники», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», в «Литературной газете» и других изданиях.

Участник и стипендиат Форума молодых писателей России в Липках и Звенигороде (2005, 2008, 2012 и 2015 гг.). Лауреат Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Кандидат филологических наук. Автор нескольких поэтических сборников, вышедших в Тамбове.

По праву родства

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Звёзд сегодня не видно, и тихие ткутся стихи.
Оглыбают, дымят и слезятся свечные огарки.
Но у добрых родителей так: даже детям плохим
В Рождество – так и быть – оставляют под ёлкой подарки.

Мы подавлены щедростью, мы забываем слова,
И цветёт заоконной метелью черёмуха-радость.
Но дающую руку порой нелегко целовать,
Мы привыкли скользить без руки, разбегаться и падать.

А подарок велик, и его ни за что не постичь.
Даже страшно развязывать алую ленточку в звёздах...
И поэтому вместо «пусти» я сказала «прости»,
Если только не поздно... Пожалуйста, если не поздно.

РАЗГОВОР

Улыбнулась спокойно и просто,
Словно сердцу игрушку дала:
– Нам дорога одна – до погосту.
Нагостились. Такие дяла...

И по сизым сосновым вершинам
Древний ветер неслышно прошёл.
И, шумя, шелестели машины
Мимо этих заброшенных сёл.

– Ты сама-то, поди, из Тамбова?
Может, знаешь сынка моего?
Он таксист, а по имени Вова.
Ты, наверно, видала яво.

– Может быть...
– Энто младшенький, дочка.
– Молодой он у вас?
– Молодой.

Пятьдесят яму скоро годочков,
У висков ещё только седой.

И представить его мне нетрудно –
Словно сжатого в крепкий кулак,
А мальчишкой у той вон запруды,
С хохолком на затылке... – никак!

Но в глазах у Марии Андревны,
Ни печали, ни горечи нет:
Пруд, муравка, заря над деревней –
То, с чем дети родятся на свет.

...Что ей время? И что ей полвека?
Так же в ветре плывут ковыли,
Где с избытком дано человеку
И любви, и беды, и земли.

НАШИ ДЕТИ

Наши дети боятся явиться на свет –
Свет, которого мало, которого нет.
Очарованным бабочкам негде кружить,
И приходится их уговаривать жить...

Из-под ста одеял, из-под ста облаков
Выходить, чтобы слушать вечерних сверчков,
Разговаривать с ветром и майским жуком
И по ласковым травам бежать босиком...

Этим душам с рождения тысячи лет.
Им не надо на свет – они видели Свет,
Улыбаются грустно, не могут забыть,
И приходится их уговаривать быть...

***

А небо – большое, как в детстве душа,
И можно смотреть в него нежно и долго.
И если луна – это ёлочный шар,
Какая, наверно, огромная ёлка...

Фонарики синие тихо горят,
Волшебные сны осыпаются с веток,
И звёзды на ней не развешены в ряд,
А будто разбросаны сеточкой светлой.

Но выше – над блеском, над плеском,
над всем,

Чему уготован ценитель и зритель,
Звезда зажигается – только затем,
Чтоб кто-нибудь маленький крикнул:
«Смотрите!»».

Её не увидишь ни над потолком,
Ни с райских высот,
ни в космической дрожи, –
А только вот так: из-под ёлки, тайком,
Колючее кружево чувствуя кожей.

ПТИЦЫ

У сердца много жизней. Помнишь, было
Оно пичужкою короткокрылой,
Стучало в окна – солнечно, спроста,
Садилось смело на руку любую,
И под стрехой пережидало бурю,
И думало, что это высота.

Потом апрельской ласточкой парило,
Не задевая крыльями перила,
В слепую высь взвивалось как стрела,
И под каким-то вертикальным креном
По небесам писало как по стенам
То, что и птица видеть не могла.

А после словно вдруг отяжелело
И жалостью звериной заболело,
Огромный мир рождая как яйцо.
И заворчалось на толстой ветке –
Не ласточка – несущка и наседка –
В неумолимом гомоне птенцов.

И если есть надежда возвратиться,
То вряд ли человеком, зверем, птицей –
Косым лучом сквозь листья и слова.
Лучом, растущим вопреки законам,
От скорченных корней – к шумящим кронам
– Где, расступаясь, свищет синева...

***

Мне было всегда любопытно,
Что происходит с бабочками,
Которые прежде реяли
Над теми, кого мы любили,
Над нами, которых любили?..

И было одно подозрение:
Они превращаются в гусениц –
В махровых китайских халатах
И накрахмаленных фартуках, –
Ранимо скрывают пригашенный,
Но всё ещё нежный свет.
И тратят его очень бережно,
Как воду в захваченном городе,
И сами гаснут от голода –
За тех, кого рядом нет.

И было ещё подозрение:
Они остаются в коллекции
Ценителя редкостных древностей,
Пришпиленные булавками,
Распластанные – гляди!
Порой он берёт одну из них
Холёными длинными пальцами,
Рассматривает и прикладывает
К давно остывшей груди.

И даже однажды подумалось:
Они осыпаются листьями –
Со свистом бросаются под ноги
Тем, кто любовью влеком.
И с лёгким хрустом ли, вздохом ли
Цветной пылью рассыпаются
Под звонким и в жизнь вонзающимся
Стремительным каблучком.

...Прошу вас всех, кто любил меня,
Забудьте меня – чтобы помнить меня,
Как я, забывая на эту жизнь,
Запомнила вас на ту.
Мне сердца не жалко, но бабочки...
Мне света не жалко, но бабочкам...
Слепым и рассеянным бабочкам –
Оставьте их слепоту.

ВСЕГДА

Не бойся, не бойся, не бойся, не бойся, не бой...
А что же тогда? Неотступная страшная сеча.
Зачем этим стаям их гулкий весенний разбой,
Полёт вразнобой и пронзительный крик человеческий?

Зачем эта нежность? Зачем этот воздух кудряв?
Зачем так тепло у лучистого тела берёзы?
Зачем просыпаются в люльках лепечущих трав
Пролески и бабочки, и голубые стрекозы?

Зачем во всё небо закатный румянец стыда?
Не знавшее грязи, чего оно может стыдиться?
Какую дремучую тайну скрывает вода,
Дающая жизнь даже слизням, червям и мокрицам?

Зачем улыбаются дети не мимо тебя,
А в самое сердце, в сплетение радуг и молний,
Туда, где крылатый архангел порхает трубя
И блещут, и плещутся синие древние волны?

И дом на песке, и пленительный терем из льда
Растают, рассыплются, мороком времени маясь...
Я только хотела сказать, что ты будешь всегда.
Ты будешь всегда – помнишь, помнишь, душа?
Понимаешь?..

ПОСЛЕ БАЛА

Если спросят меня, веселилась ли я на балу,
Я скажу, что встречала гостей, приглашала к столу,
В опустевшей торжественной зале в четыре утра
Собирала забытые ленты, цветы, веера.

Если спросят, а много ли слышала я новостей,
Я скажу что была гувернанткой, учила детей,
Что мы пели, играли, дерзили, смирялись – росли,
И что каждое сердце – хрустальная новость земли.

Если спросят, чего попрошу, затворяя окно,
Я отвечу, что прежние просьбы забыла давно,
Что из дома чужого даров не берут, уходя,
И что жаль только детского смеха, стихов и дождя.

ГЕВОРГ ГИЛАНЦ (РУДИК АРЗУНОВИЧ ГЕВОРКЯН)

Поэт, переводчик. Родился 25 декабря 1966 г. в Армении. В 1991 г. окончил Кироваканский филиал ЕрПИ (Ереванского политехнического институт). В 2005 г. окончил ВЛК Литературного института им. Горького. Печатается – с 1994 года в журналах «Гарун», «Гракан Терт» («Литературная газета»), «Иностранная литература» (РА), альманах ВЛК, «Литературная газета», «Дружба Народов», «Сибирские огни», «Современная поэзия», «Енисейский литератор», «Наури», «Шпанти культуре» (Румыния), в сетевом литературном проекте «ситибукс» <http://www.citybooks.eu/en/cities/citybooks/p/detail/all-roads-lead-to>, в сетевом журнале http://45parallel.net/gevorg_gilants/ и т.д. Член СРП (Союз российских писателей) и СПА (союз писателей Армении). Участник многих литературных форумов и фестивалей. Автор трех стихотворных сборников.

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ...

Ереван – материализованная мечта великих Мечтателей: царя Аргишты¹, Таманяна², Сарьяна, Бабаджаняна³; что манящая в телевизоре картинка Центра города с освещёнными зданиями и парками – по сути макиаж, а на самом деле Ереван – это и Гарни⁴,

1 Урартский царь, основатель Еревана (Эребуни).

2 Советский армянский архитектор, представитель неоклассического направления. Народный архитектор Армянской ССР (1926). В 1914 году Таманян был удостоен звания академика, в 1917 году избран председателем Совета Академии художеств на правах вице-президента и Председателем Совета по делам искусств. В 1923 году он переехал в Ереван, где возглавил начавшееся в республике строительство.

3 Советский армянский композитор, пианист, педагог. Народный артист СССР (1971). Лауреат Сталинской премии третьей степени (1951)

4 Языческий храм 3 века, историческая достопримечательность Армении.

и Гегард⁵, и Татев⁶, и рукописные книги, и весь наш эпос, и древняя поэзия...

Как объяснить, что Ереван – это воплотившаяся уже мечта великих Мечтателей, что поиск своей мечты в чужих мечтах – это ловушка, что многие приезжали сюда за своими мечтами, но попали в бетонную западню. Как Самвел, Сережа, Рубик из нашей улицы... Загнали необузданных коней своих мечтаний в бетонные конюшни города, и сейчас городские будни съедают их останки. И только безграничная тоска и ностальгия. Вот почему дворы ереванских высоток поделены на участки и ограждены сеткой-рабицей, как в деревне, как на нашей улице, не имевшей имени.

5 Монастырь 9 века, историческая достопримечательность Армении.

6 Армянский монастырский комплекс IX—XIII веков.

Теперь-то наша улица
Заимела имя, даже фамилию,
Но подлинное её имя другое:
Другие вкус и цвет,
Другой запах в этой чужеродной «майле»...
Та улица не имела названия,
А только номера, и лишь для того,
Чтоб не путалась почтальон Айкуш...
Огромная дерматиновая сумка на её плече,
И на груди – пионерский галстук,
Горделивая, статная,
Спешащая вечно, в тапках...
Тётя Айкуш говорила быстро-быстро
И горлопанила, если кому письмо
или телеграмма:
«Сосед, с тебя магарыч, гони манету!»...
Не брала ничего...
Заходила в дом,
выпивала чашку чая или стопку
и стремительно уходила, шелестя тапками.

Раскалённое летнее небо
И ручной жёрнов моей бабушки –
Не ела она казённой крупы...
Мы готовили ей крупу в санде⁷
Гевора, квалтом – большим, как кувалда,
деревянным молотком...
Тёплый запах распаренной пшеницы
магически витал по дворам:
Наша улица – майла – превращалась тогда
в матрац,
Покрытый заплатками рассыпанной
на просушку крупы...
Потом наступал черёд молодых парней:
затейные шутки, улыбки...
Натруженные мышцы и
жалостно, безнадёжно
Ухающий в санде деревянный молоток –
бах, бах, бах...
Тик-так, тик-так, тик-так...
Время ворует, стирает звук,
Что издавали санд и деревянный квалт...

Задремал, прислонившись головой к стеклу маршрутки. Остановка её подсказала, что уже приехали.

Города похожи на женщин, их истинное лицо – без макияжа – можно увидеть только утром, когда они только-только просыпаются...

Мой город, это было так давно, когда щёки твои были розовыми и ты сияла здоровьем, это было так давно, когда тебе только объяснялись в любви... Сейчас, на рассвете, смотрю в твоё лицо с неприязнью, как на провинциальную шлюху, которая с утра не успела намалеваться, и сейчас, пока маршрутка стоит, торопливо красит лицо, хотя хорошо знает, что макияж дополняет природную красоту, а не заменяет.

До отправления внутригородская маршрутка ждёт свои 5–10 минут, пока наполниться. Мысли, как гулкий пчелиный рой, не давали покоя: «У правящей верхушки нет восприятия святости, страна в агонии; Национальное собрание – одни блатные клички; уголовные нравы; народ бежит из страны...».

Двое молодых людей в конце салона громко заговорили:

- Аво джан, давно приехал?
- Две недели.
- Что, дела были плохи?
- Поймали и депортировали.
- Будешь снова искать способ уехать?
- Да, конечно, тут нечего делать, что тут делать, браться за лопату?

– И правильно... Знакомый министр говорил: «Уеду я, это не страна и страной не станет, поеду в какую-нибудь приличную страну, чтоб нормально пожить». А он знаешь каким был патриотом, как хорошо историю знал... Восхищался умом наших царей, их делами... Эх, страна... – не страна, и страной не станет...

Посмотрел на них: по одежке и разговору понял, что они из тех коренных ереванцев, чьи деды или отцы не считали зазорным взяться за лопату на стройках пригородных микрорайонов, жить в съёмных лачугах, лишь бы получить квартиру и не возвращаться в родную деревню, в далекий район, откуда большинство просто сбежало...

Нервы начали сдавать. Вышел, чтоб не попасть в неприятную историю. От капель дождя начали появляться пузыри, размером приблизительно с мечтания разговаривавших парней. Маршрутка раскрыла крылья и с визгом и хрипом резаной свиньи полетела к мечтам этих ребят – в какую-то иную сытую и богатую страну.

⁷ каменная ступка (арм.)

Автостанция высится мрачно. На противоположном холме крепость царя Аргишти – Эребуни.

Сначала Аргишти основал крепость: *«Бога Халди⁸ величием, Аргишти, сын Мелнуа, эту неприступную крепость построил, установил для нее имя Эребуни для могущества страны Биайны (Урарту) и для устрашения вражеских стран...»* Ну а потом, наверно, власть перешла в руки более деловых ребят, возможно с блатными кличками. Они во время своих властных собраний с глубоким уважением цитировали запись царя, искренне гордились, и на больших и малых площадях объявляли, что являются последователями царя Аргишти, того, кто построил Эребуни *«...для могущества... и для устрашения...»*.

Потом самые из них продвинутые и образованные поехали рассказать миру о своей Биайне (Урарту), о могуществе бога Халди. Дошли до всех отдаленных уголков мира и вернулись удивленными. Оказывается, и там свершаются великие дела, даже более великие...

Подумали они и поняли, что если другие могут управлять многонациональными империями и быть очень богатыми, то им тоже не составит труда. Начали перенимать прогрессивный опыт... Потом, когда уже нечего было транжирить и нечем было обогащаться, восклицали: «страна – не страна, и страной не станет», и всей семьей, с имуществом, с рабами и слугами иммигрировали на все четыре стороны, на своём долгом пути восхваляя царя Аргишти, искренне восхищаясь его стратегическим мышлением и дальновидностью, рассуждая о величии бога Халди...

Ереван, я действительно хочу понять, как так получилось, что в отличие от Рима, которого ты старше на 29 лет согласно твоему каменному свидетельству о рождении, все дороги ведут не к тебе, а от тебя. Твои блудные сыновья не транжируют, а копят наследство в далёких краях. Потом возвращаются... В лучшем случае – как туристы. Но есть и такие, кто возвращается, словно трусливый пьяница домой, пьяница, который только дома ведёт

себя львом, ибо знает, что лишь собственная мать потерпит такого, его безысходная, бедная, любящая мать...

Возвращаются набравшись сил, как посторонние, везут с собой чужой «передовой опыт», который чужестранцы уже испробовали и поняли, что опыт этот им не нужен... А ты, Ереван, никнешь, корчишься, подчиняясь своим блудным сыновьям, и покорно подтираешь их рвоту и дерьмо...

Задумчиво зашагал в сторону центра. Большинство мечтаний моих молодых дней родилось здесь. Здесь были старые, колоритные, соразмерные маленькому городу здания – двухэтажные, трехэтажные памятники архитектуры. Их старинные стены притягивали, как магнит, обещающая поведать забытые истории и тайны, которые не удержала человеческая память... Большинство жителей этих домов были потомками тех именитых людей, кто построил эти дома. Они, как одна семья, жили дверь в дверь, сплетничая, ругаясь и мирясь, радуясь и грустя...

В последний раз, когда к власти пришли те, кто разбогател на чужбине, первым делом решили задействовать затверженный «передовой опыт», единственный смысл которого – зарабатывание денег. А деньгами являлся сердце города, территория этих домов. Не зря же мэру, просившему денег для нужд центра города, «продвинутые» ответили: «ты на деньгах сидишь, а у нас денег просишь?»..

Сначала нужно было разрушить единство коренных жителей центра: одному (сильным покровителем) пообещали дать новую квартиру на том же месте, троим (с очень сильным, но покровителем) – соответствующую компенсацию, остальных погнали по инстанциям за ненужными (как потом выяснится) бумагами, тратя при этом все их сбережения...

Воля города к сопротивлению рухнула: люди, жившие дверь в дверь, сердце к сердцу, перестали доверять друг-другу, свои вопросы с чиновниками начали решать поодиночке. После этого должны были рухнуть стены – домов-архитектурных памятников...

Люди пытались сопротивляться, но тщетно: их выдворяли из отчих домов милицией,

⁸ верховное божество урартского пантеона. Возглавлял главную триаду урартских богов.

побоями... Скрипя, одна за другой, начали рушиться древние стены, выдавшие и горе, и радость, и благословение, и проклятие.

Мудрые древние камни впитали в себя не только время, но и проклятия, и скорби. А радость и благоденствие всегда были на поверхности – чтоб жить было уютно и празднично. Теперь же, когда всё разрушили, не оставив камня на камне, давние горе и проклятия выплеснулись наружу, смешавшись с новыми воплями горя и проклятий...

Стены пали, и эта огромная чёрная масса вековой беды бездной нависла над привычным местом, она никуда не делась. А когда поднялись стены Северного проспекта, эта чёрная масса искала для себя новое прибежище, но вновь возведённые стены были уже не из мудрых камней, – стены были бетонные, и этой чёрной массе не во что было спрятаться...

В последнее время начали спорить, почему на Северном не продаются квартиры. Я тоже статью написал, где рассказал про эту чёрную массу. Мой знакомый – помощник большого начальника – пригласил на чашку кофе. В разговоре о том-сём он усмехнулся: «Братишка, ты что пишешь, что за сказки рассказываешь?» Уходя, цикнул сквозь зубы: «Ты про исправимые ошибки Северного проспекта напиши, например, что нет автостоянки, что зелени нет... Найдём, как исправить, а про это – не пиши больше, знаешь, какие деньги вложены?..».

Оглянулся – уже у Северного проспекта. Чёрная масса легла на плечи, заставила без раздумий повернуться и убежать с осознанием собственной вины: «Почему, когда здесь нуждались в моей поддержке, меня не было, не пришёл на помощь, не пришёл, чтоб хотя бы дать право на жизнь некогда родившимся тут своим мечтам... А эти «продвинутые» зачем пришли, откуда?..»

А они не могли не прийти. Ты, Ереван, словно Сирена, песней манишь издалека, зовёшь, а когда заманиваешь – если по зубам, – поедает их, как изнеможенная жаждой свиноматка свой опорос...

Ты поедает даже своих великих Мечтателей, благодаря кому имеешь кровь и плоть, умеешь петь и звать сладкозвучной Сиреной...

Твой Пантеон⁹ тому свидетель.

В первый раз я подумал об этом твоём умении, когда шли отмечать юбилей Мастера. Ты уже успел слопать его... Ещё не было запаха весны. Была

Зима.

Февраль.

Слякоть.

Цветы. Речи. Толпа...

Для неё имена на камнях –

Это всего лишь улицы, парки, библиотеки,

Повод, чтобы толкнуть речь,

На телеэкране засветиться...

Зима.

Февраль.

Слякоть.

Что хочет от меня эта грязь... –

Лишь бы липла она лишь к одежде,

только к одежде...

Нет, так не выйдет, нужно спереть...

Ночью приду, тайком...

Не посадят.

Избавиться будут рады:

Нынче свободные площади в моде,

Чтобы на них насадить бетон,

Взрастить европластик, стекло...

Скажут: «Пусть будут твоими, лишь заberi,

И совсем ни к чему – тайком»...

Грязь полетела из-под колёс...

Лишь бы липла она лишь к одежде,

только к одежде...

Нет, нужно вернуться,

Вернуться, и очень скоро,

Опуститься на колени и вопить: «Вардапет¹⁰,

Бери свои песни и таги¹¹ и пошли,

⁹ кладбище в Ереване, служащее для захоронения видных деятелей армянской науки и культуры. Находится в парке имени Комитаса.

¹⁰ Так было принято называть Комитаса. Вардапет – учёный монах, учитель, обладавший правом проповедовать и наставлять паству в Древней и современной Армении. Аналогом вардапета армянской церкви является архимандрит православной церкви.

¹¹ Продолжительное по времени исполнения, часто сольное, одноголосное песнопение средневековой армянской духовной музыки, носившее виртуозно-концертный

Я тырить буду отсюда Пантеон...
 Арама Ильича отправлю в Москву,
 Гранта – в Ахнидзор¹²...»...
 Грустно улыбнётся и скажет:
 «Ладно, а что потом, что потом...».
 «Тут вам не место, – скажу, –
 Здесь схоронили вас в сердце камня,
 А должны вы жить – в наших сердцах,
 Вы стали улицами, статуями, ИДОЛА-
 МИ...
 Во-о-он, стройные роты ребят
 Ищут свободные площади,
 Чтоб взлелеять бетон,
 Взрастить европластик, стекло,
 Чтоб шито-крыто, как под мугам¹³,
 Сопредельные площади под себя подгребя,
 Заасфальтировать,
 как асфальтируют наши души мугамом,
 сериалами...
 Хватит скрываться в камнях,
 Вы же в других нам являетесь измереньях,
 Тут вам площади не нужны...».

А там, в другом измерении, есть место? Хоть один свободный уголок остался? Куда их отправить?.. Как это измерение назвать: душой, совестью?.. Ноги несут в сторону храма Григория Просветителя.

2001 год. Храм только что освятили... Он не похож был на наши другие храмы и церкви, внутри всё блестело и переливалось, как будто на страницах глянцевого журнала. Места, где можно было бы поставить свечку, я не нашёл. С удивлением выяснил, что внутри храма ставить свечки нельзя. Спросил у молодого служителя – почему? В Армении до сих пор не было ни одной церкви, где нельзя было бы зажигать свечи. Пояснил: «Копоть садиться на стены». Я возразил: «Да с помощью этой копоти молитвы добрых старушек, невинных детей, и всех прихожан пристают к стенам, а потом ложатся на нас и даже исцеляют...».

Удивлённо усмехнулся: «Брат, что за сказки рассказываешь?» И ушёл, процедив

характер; особый жанр профессиональной богослужебной музыки в средневековой Армении. Комитас не только занимался собирательством, но и сам сочинял таги.

12 Родная деревня Гранта Матевосяна.

13 Восточное протяжное многочастное вокально-инструментальное произведение.

сквозь зубы: «Место, где ставят свечи – внизу, в подвале».

Не помню, как я вышел. Больше туда не заходил, но не могу забыть юбилейной суматохи 2001-го, когда освящали храм.

Город мой, ты в эти дни был особенно сильно намакияжен, как будто покойник с разбитым лицом, после автокатастрофы. Тебя спешно шпаклевали, чтоб привести в надлежащий вид... И мне не оставалось ничего, кроме как написать Реквием (ДН, №4, 2006 г.)...

Тогда я не знал, куда пойду, – главное было уйти, чтоб не потерять самого себя. А этот храм – символ юбилея – уже уселся на вершине холма, напротив кинотеатра, обездолив множество воспоминаний, сломав хрупкую, как фарфор, среду: раньше здесь были маленькие лачуги, где люди жили дверь в дверь, сердце в сердце, ругаясь и мирясь, радуясь и огорчаясь, сплетничая... Раздробленные черепки этой хрупкой среды заточили в каменные клетки Норка¹⁴, Эребуни¹⁵, Авана¹⁶, Давташена¹⁷...

Всё, убежать – нет больше сил. Кофе хочу, но кофе не тянет. Пойду к кому-нибудь из наших, заточённых в бетонный капкан, заодно и привет передам от нашей улочки...

«Помнишь, мы с ребятами пошли в колхозный абрикосовый сад, играть в войнушку, а абрикос ещё не спелым был, зелёным. Сторож погнался...».

«Во дворе нашей высотки видел ограждённый участок, с зелёной сеткой-рабицей? – это мой, там у меня черешня растёт и абрикосовое дерево...»

– Вруйр закончил институт, но работу не нашёл. Уехал из страны. Хорошо себя чувствует, иногда деньги присылает, но если по-хорошему – лучше бы прислал столько, чтоб и мы смогли уехать.

– Не скучает, – спросил я, – не хочет вернуться?

– Очень скучает, но что тут делать? Там у него работа... – живёт по-человечески, а тут что ему? Всё смешалось с грязью. Сын Вруйра мечтает стать авиаконструктором, а его ровесник – наш соседский сыночек – мечта-

14 Микрорайон на окраине Ереване.

15 Микрорайон на окраине Ереване.

16 Микрорайон на окраине Ереване.

17 Микрорайон на окраине Ереване.

ет стать владельцем «джипа». Сын Вруйра целый день учится, на кружки ходит, в воскресную армянскую школу, а наш соседский сыночек... Думаю, даже не все буквы знает...

– Так тоже не пойдёт, – «уезжаем, и всё». Давай тогда все уедем и страну оставим таким, как твой соседский малец... Таманян, Сарьян, Исаакян и многие другие если б не вернулись, – всего этого не было бы, не стали бы мы страной...

– Сарьян, Таманян... Если по правде, то лучше бы и не возвращались... Сто лет назад была страна большой деревней, такой и должна была остаться.

– И ты был бы переселенцем из маленькой деревни в большую.

– Когда я переселялся, – это был один из самых красивых городов Союза, подобного не было. Ты мне покажи в городе что-то, что имеет большую ценность и создано после независимости. Сейчас всё смешивается с грязью. Когда из-за рубежа приезжают твои друзья, куда их ведешь? Подожди, я вместо тебя скажу: Матенадаран – не сейчас создавался, Опера-проспект-Площадь республики – не сейчас... Потом ведешь их загород – Севан, Гошаванк¹⁸, Ахпат¹⁹, Хор Вирап... А раньше не так было... Раньше Ереван был городом, сейчас – бизнес-среда... Уже нечего продать, дошли до зданий на Площади Республики... Что тут делать?.. Пусть повременит, страна воспрянет, а он станет обеспеченным человеком, вот тогда подумаем о возвращении...

– Если сейчас деньги пришлёт, уедешь? – Наверное... Скучаю по внуку. Хоть бы эти мутные времена прошли. Прилипли, как жвачка, и не отлипают. А мы эту жвачку жуём, жвачный пузырь надуваем. Лопается, а мы опять надуваем. Превратились в нацию, любящую надутые пузыри.

– Пузыри, шары... Все они имеют свойства лопаться. Эти мутные времена – надутый шарик, рано или поздно лопнет.

– Да, лопнет, как на митинге партии власти, но сгорит и пострадает опять невинный народ²⁰...

18 Средневековый монастырский комплекс XII—XIII вв.

19 Действующий монастырь в одноименном селе Ахпат на севере Армении. Основан в 976 году.

20 4 мая 2012 года, на митинг-концерте, организованным правящей Республиканской партией Армении, случилось

Вечереет. Включились телевизоры. Из экранов в бетонные клетки хлынули выступления президента, репортаж про поездку премьера, потом что-то сказали про новые рабочие места...

Вышел на балкон покурить. Потом попросился с нашими и, спустившись, медленно зашагал в сторону автовокзала. Стемнело. Незажжённые окна были похожи на пустых глазниц. Вспомнил тяжелые, жестокие годы войны.

Пепан и Арам пропали без вести, Манук погиб, Гурген собрал троих сыновей, продал дом, деньги дал пограничникам и вывез семью в Россию...

Война, казалось, находилась где-то далеко, но сердце войны и тут пульсировало: вместо влюблённых на улицах серенады пело огнестрельное оружие, хлеб – цвета глинозёма – был по талонам, электричество давали два раза в сутки, на пару часов. Воду тоже. Пропадали люди...

Дома отапливались печками-буржуйками, всеядно сжигающими всё, что можно было достать, – дрова, мазут, обувь, старую одежду, пластиковые бутылки, новую и старую мебель, паркет, тома Ленина... Страна плыла в дыму...

Плыла.

Окрест – зловонье,

гарь – пушинкой чёрной,

что удушает, забиваясь в горло.

*А капитан твердил, что нужно
продержаться:*

крушение у наших берегов:

нефть разлилась, и опоясал смрад...

Там, за бортом, безбрежный слой мазута,

И мы сейчас проходим этот слой...

Держаться нужно...

А мазут был жизнью...

И стоил жизней...

Плохо привязать верёвку...

Один конец прилаживал к спине,

другой – к перилам

мазутного хранилища котельной...

В нём было пусто, и уже давно,

возгорание воздушных шаров. Пострадало более чем 144 человека, в основном студенты, которых согнали на митинг, используя административный ресурс.

Но если всё же в бездну опуститься,
Плевки мазута можно отыскать
И детской игрушечной лопаткой –
из пластика –
Как ложкой, черпать жижу
В ведро, потом – в бутылки из капрона.
И, привязав к спине поклажу,
– подниматься...

Вот-вот светать начнёт,
Рассвет увидеть – чистенькое небо...
А то сейчас пробудятся буржуйки
многоэтажек,
Раскашливаясь, выпуская дым...
И снова он пойдёт под вражьи пули,
а дома...
Мать, снедаемая чёрным,
когтящим демоном,
Что в каждой клетке тела
Сплетает жадно паутину смерти.
И скоро у роддома пить с друзьями
мне предстоит,
Но прежде нужно
Не оставлять жену у стылой печки.

Светают.
Небеса и воздух непорочны.
Пока ещё не пробудился дом, и
Как курильщик забубённый
Не начал кашлять я, и дым
Пускать пушинкой чёрной,
Что удушает, забиваясь в горло,
Пока ещё не слился с тысячей подобных

Домов, и вместе все они
не стали кораблём –
Со ржавыми, прогнившими бортами,
Без двигателя, без штурвала, –
Окутанным потусторонним смрадом,
Слоящейся гнилой мазутной жижей,
Ядоосновой, ядовитой желчью
Из лопнувших, решетчатых боков
текущих в море,
Расползаясь грязным
слоем вдоль корабля,
Идущего среди лазурных бесконечных вод,
Зловонье оставляя за собой,
И длинным следом – грязи мощный слой.

Домой приехал ночью, но племянник
ещё не спал.

– Дядя, придуманную мной теорию про
магнитное поле земли, о котором тебе гово-
рил, я уже написал, прочитаешь?

– Да, – сказал я, – сейчас. Арман – сын
дяди Вруйра – мечтает стать авиаконструкто-
ром, а ты кем?

Заблестевшие его глаза подсказали, что
сейчас такую мечту найти будет очень труд-
но. Соседа не было, чтоб смог сказать ему:
«Это мы с тобой должны вырасти, чтоб на-
учиться снова мечтать. Не дай Бог – будем
долго чувствовать нехватку великих Мечта-
телей». Я повернулся к племяннику:

– В следующий раз тебя возьму с собой.
Мечтай, пока молод, мечты живут в моло-
дости. **A**

Лекция

А.Н. Сёмин,
член Союза писателей России,
член-корреспондент РАН

1.

– Шурик! Хватит нежиться на пляже, пора бы уж ехать в институт, – бодрячком обратился к однокурснику Вовик (так ласково уменьшительно его звали в студенческом токовище). Однокурсники вот уже почти три часа с раннего утра валялись на пляже Рижского взморья.

Солнце припекало. Корабельные сосны стройными стволами, высившимися из прибрежного песка, уходили ярко-зелёными пушистыми шапками в прозрачное голубое небо. Ах, нечасто баловало оно своей окраской Рижский залив. Чаше тут море выглядело свинцовым. Но в период происходящих событий оно было именно таким ласковым и этим радовало всю окрестность знаменитого местечка Булдури.

– Сворачиваемся! – вновь заторопил братишку по курсу Вовчик, – мы опаздываем на пару по математике, а это, Шурик, как известно, мать всех наук.

– А кто отец? – потягиваясь на темно-красном надувном матрасе, вопрошал загорелый, смахивающий на спортсмена молодой человек. Это и был Шурик.

– Отец как всегда не известен, но правда если перевести на «Трёх мушкетеров», то

неизвестно кто была и чем занималась Дюма-мать, ведь наиболее известны миру только Дюма-отец и Дюма-сын, – поддержал брошенную фразу Вовик.

– Ну, ты просто эрудит. Подожди меня Вовик, я только сгоняю до душевых, и мы рванем с тобой в институт. Наскоро одев шлёпки, Шурик направился к душевым кабинам. Подходя ближе к общественным местам многократных переодеваний, он заметил подглядывающих мальчишек за крупногабаритной тетенькой в кабинке №78. Рассмеявшись, он отогнал мальчишек, а сам подумал об интересном совпадении – тетенька соответствовала номеру кабинке, она как раз была по габаритам 7х8.

После ритуала замены узких модных плавок на сухие домашние трусы, интеллектуалы от воздухоплавания направились к электричке.

Читатель после этих двух строк наверняка сейчас подумал, что далее последует фраза: «В душном вагоне электрички...». Однако в ту пору планово-распределительной экономики в Прибалтике в электричках было даже просторно, особенно днем, и, уж, конечно же, не душно.

Но не надолго оставим наших путешественников и посмотрим, а что же в это вре-

мя происходило в Краснознаменном институте инженеров гражданской авиации, где учились друзья.

2.

Академик Постников, возвращаясь с лекции с сияющим лицом и в прекрасном расположении духа, шагал по коридорам здания по Ломоносова, 9 (улица, где располагался РКИ-ИГА) и даже насвистывал любимый романсик: «Искры камина горят, как рубины...». Приблизившись к заветной кафедре № 44, ему на встречу попались две приятные молодые педагоги – хозяйки неба. Они знали соседа с кафедры факультета летательных аппаратов и двигателей уже не первый год. Естественно, посвящены и в то, что он холост, и мог бы составить весьма выгодную партию – ему было 20 лет... до ста. Но в таком расположении духа соседки академика встретили впервые.

Одна из подружек, очаровательно бойкая, бывшая стюардесса, спросила:

– У Вас, Степан Степанович, видится какая-то большая радость?

– Да, девочки! – ответил он, – я сегодня так лекцию прочитал, что даже сам понял! – отшутился Постников.

Да, радость действительно грела душу, распирала грудь уже далеко немолодого курчатовского ученика, но совсем по другой причине. К нему приехала (и как мечталось ему, возможно навсегда) молодая специалистка в области линейной алгебры, аж из самой Германии – родины Шиллера и Гете, где ему довелось несколько лет поработать в закрытом НИИ в качестве консультанта из Советского Союза.

Марта, так звали музу академика, была хоть и очаровательной, но вполне практичной молодой особой. Чуть выше среднего роста, рыжеватые густые волосы, прямая челка, красивый разлет бровей и зеленые глаза – все это восхищало не только профессора-воздухоплатателя, но и всю мужскую часть коллектива закрытого немецкого НИИ. Добавьте ко всему этому упругую высокую грудь и нижнюю часть тела, как известно, оканчивающуюся ногами, о которых немецкие парубки говаривали – но, что скажешь, при такой-то красоте ни одной диссертацией блеснуть можно и ни-

кого уже не удивит «толстость, представленной научной работы».

3.

Марта вот уже битый час вертелась у зеркала. Примеряла то одну блузку, то другую. И она совсем не думала о предстоящей лекции, которую она должна прочитать в чужой стране инженерам-механикам известного авиационного института. Мысли ее были сосредоточены на нарядах: что же всё-таки одеть, то ли строгий костюм цвета бордо, то ли жакет в мелкую клетку с расклешенной черной юбкой, а может быть все-таки французское платье, терзалась сомнениями Марта. Но при этом твердо знала, что туфли – должны обязательно иметь высокий каблук, они еще раз подчеркнут ее, и без того, красивые ножки.

В этот день для нее все было важным, но она всегда особое внимание уделяла нижнему белью. И как заклинание любила повторять своим подругам по педагогическому цеху: «Случиться может всякое и потому бельё должно быть идеальным и по чистоте, и по цвету, и подогнанным по фигуре. Настоящая женщина обязана быть во всеоружии, то есть, ко всему готовой!»

Пружинисто прохаживаясь по комнате на высоких каблуках, она вдруг вспомнила смешной пошленький анекдотец, который ей рассказали в русском ресторане и не могла не рассмеяться. Речь шла о поручике Ржевском, который собираясь на бал, попросил денщика подать ему флакон духов. Заполучив заветную склянку, поручик начал душиться практически во всех местах, приговаривая: «на всякий случай, на всякий случай...». Поручик одел верхнюю одежду и вышел за дверь, но тут же вернулся. Вновь попросил принести флакон, приспустил полковые рейтузы и попросил денщика окропить ему то место, где кончается спина. Митрофан спросил:

– Барин, а это-то зачем, тоже на всякий случай?

– Да, Митрофанушка, – серьезно отозвался поручик, – случаи-то разные бывают!

В дверь постучали.

– Марта Альфредовна, – раздался чей-то голос за дверью, – к вам можно?!

– Да-да, входите, – ответила, не отворачиваясь от зеркала Марта.

В комнату вошли две представительницы высшей авиашколы, которых Степан Степанович встретил утром после базовой лекции о клеях, которыми можно склеить даже самолет, не имея ни одной заклепки.

Подруги были прикреплены к немке в качестве сопровождающих на предстоящую лекцию по математике.

Девушки вошли и остановились в дверях. Взгляды педагогинь – авиадевочек были обращены к рыжеволосому созданию, которое весело вертелось у зеркала в кружевной комбинации фирмы «Триумф», известной женщинам-модницам вот уже более ста лет (милые читатели, не подумайте, что автор рекламирует женское белье).

4.

Тем временем пляжные мальчики также спешили на кафедру с магическим числом – 44, так как Шурик подрабатывал на ней в качестве лаборанта и знал, что пассия Постникова должна читать у них на курсе показательную лекцию, а академик просил Сашку быть рядом, вдруг что-нибудь да понадобится.

– Сашок, ну где тебя носит? – обратился к нему академик.

– Степан Степанович! Я в полном вашем распоряжении, – задиристо отозвался Сашок.

– До лекции Марты Адольфовны..., – и тут профессор осекся, – конечно же, Альфредовны, остается каких-то полчаса, я волнуюсь, как все это пройдет, как воспримет всё это проректор по учебной работе Митранчук – бывший фронтовик, презиравший немцев, как ему и положено, будучи в статусе победителя. Тем временем монолог влюбленного селадона продолжался.

– Стоит ли мне оставлять Марту ночевать у себя, а вдруг она что-то о себе возомнит? – вслух, не стесняясь молодежи, задавался вопросом академик.

– Ребята дуйте на лекцию, я буду ждать Марту здесь на кафедре, – неожиданно сробевшим голосом заговорил их кафедральный начальник.

И те без промедления «дунули» в первый корпус, в одну из лучших римских аудиторий вуза.

5.

Марта читала замечательно, но чуть заметный акцент все же выдавал в ней немецкое происхождение.

Формулы ложились на перекидные учебные доски четкими ровными рядами, как стриженные газоны Берлина и его окрестностей.

Лекция подходила к концу, и она, конечно, жаждала этого спасительного момента всем своим существом – лопнула резинка ее замечательных трусиков, ранее упомянутой фирмы «Триумф». Вот эти самые шелковые кружевные трусики уже сползли с коленок до самого пола и мешали двигаться. Молодежь с первых рядов стала привставать, чтобы лучше разглядеть, как будет выкручиваться из этого положения учительница.

С русской бы женщиной-педагогом тех лет наверняка случился бы обморок, а потом и поспешное бегство, но здесь продемонстрировалась явно иная закалка. Очаровашка, дописав последнюю формулу, просто вышагнула из своего кружевного исподнего на подиум кафедры и, победно повернувшись к слушателям, заключила:

– Лекция окончена.

Аудитория разразилась благодарными аплодисментами. **A**

Евгений
Харланов

ТАКОЕ ИМЯ ДАЛИ НЕ ПРОСТЯТ...

С ИМЕНЕМ ЕВГЕНИЯ ХАРЛАНОВА (1943–1993 ГГ.) НЕ ВЯЖЕТСЯ ПОНЯТИЕ «ТАМБОВСКИЙ ПОЭТ». НО ИМЕННО ТАМБОВ ОПРЕДЕЛИЛ ПРОВИНЦИАЛЬНУЮ СУДЬБУ ПОЭТА. ПРОВИНЦИЯ РАВНОДУШНО, БЕЗ АППЕТИТА ПОЖИРАЕТ ТАЛАНТЫ, НЕ В СОСТОЯНИИ ОЦЕНИТЬ ИХ ПО ДОСТОИНСТВУ...

1.

Писать стихи вообще-то стыдно. Приходится впадать в грех гордыни, заглядывать в бездну, куда нормальному человеку соваться не следует. Харланов период «поэтической стыдливости» пережил легко – он по своей природе относился к людям озаренным. У него не было периода ученичества – уже в ранних стихах он проявил себя как мастер. «И прячется закат за кадки с огурцами...», «Громаден безграмотный гром...». Любой штукарь

от поэзии дорого бы дал за эти строки. Но для Харланова они были проходными.

Для него поэзия была разлита во всё. В Мировом океане, в пригородной роще, в уличной толпе, в мартовской луже, которая ночью вымерзает, а утром слабый лёд хрустит под ногами, как битые электрические лампочки. Но для поэтической кристаллизации «лужи» поэту важно видеть мир свободным взглядом. В стихах Харланова нет пресловутых «примет времени», но есть ощущение течения времени как вечного процесса, поэтому и

сегодня они звучат современно. Пингвины из его стихотворения «70-е годы», пытающиеся изобразить перед современниками весенний прилет, – это точный и многозначный образ тех лет. Но и одновременно знак нашего времени...

При жизни в провинциальных издательствах вышли два тоненьких тщательно отфильтрованных сборников Харланова: «Прикосновение к чуду» и «Зеленая Вселенная». И дело не в том, что поэта не ценили. Те, от кого зависели публикации, угадывали за густой метафоричностью его стихов второй смысл, повергающий устои советской поэтической традиции, а литературные чиновники предпочитали проверенные и ясные материалы. Особо бдительные «охранители» искали в метафорах Харланова «кукиш в кармане». И он, по правде говоря, был на них горазд...

2.

Закончив физико-математический факультет Тамбовского государственного педагогического института, кандидатскую диссертацию он защитил по философии по теме «Этика ученого». А поэтическим итогом его научных изысканий стала поэма «Оппенгеймер» – о нравственной драме ученого-ядерщика, «отца атомной бомбы» Юлиуса Роберта Оппенгеймера.

Сейчас трудно сказать, закончил ли он поэму или намерен был продолжить работу над ней. Но незадолго до смерти, он передал мне самодельную папку, сделанную из гофрированного картона, с подслеповатым машинописным текстом «Оппенгеймера». Построена поэма в свободной форме, включает в себя самостоятельные произведения. Например, сонет «Песнь песней, сочиненная на машинке». Строка вмещает ровно столько знаков, сколько позволяла каретка пишущей машинки «Москва»...

Кусок весны в окне – обретший тяжесть свет.
Деревья, как слова, поставлены в сонет.
У самых райских врат тебя поманит дева,
но разум будет врать, что это плоть и древо.
А парк плывет, как плот, и льется речь нагая,
что только плотью плоть Вселенной постигают!

Полковник, идиот, залез в стихи безвкусно.
Политика уйдет, останется искусство.
Возможно лишь весной,
когда бесплотны тени,
искусство спать без снов и жить
без сновидений.

Рентгенов луч луны способен бить сквозь стены,
абстрактны и темны философов системы.
О, сколько этих стен, без смысла возведенных!
Наука только тень деревьев и влюбленных.

На ветках воробьи дурачатся, как дети.
Конкретнее любви нет ничего на свете.

Аналогов «Оппенгеймера» в русской поэзии я не нашёл. Это какой-то древний эпос, осмысленный по-современному.

3.

Однажды в конце 60-х годов августовским днем, коротая день у реки, мы набалтывали очередную главу сказки «Брусничный дождь», которую сочиняли вместе. А попутно, в рассуждении «на что бы выпить», решили создать (именно так!) оптимистическое стихотворение об уборке урожая – поэтическое полотно на злобу дня. Да такое, чтобы его можно было тут же продать «молодежке». Женя, что-то набормотав, выдал четверостишие, которое четко отпечаталось в памяти:

Катится арба,
Полная арбузов.
Пшеница, как с герба,
Советского Союза.

Я несколько оторопел от такого зачина, но он успокоил: «Это я ритм задал, дальше все будет пристойно...». За полчаса мы сочинили стихотворение о передовом комбайнере, который «словно Шишкин, осваивает поле». Затем Женя натянул брюки и отправился в редакцию, благо тогда она находилась в пяти минутах ходьбы от реки. Тогда в бухгалтерии небольшие гонорары выдавали авансом, чем и пользовались особы, приближенные к редактору, в число которых входил и Харланов. Минут через двадцать он вернулся с тройком в кармане, полученным в бухгалтерии «моло-

дежки». И сразу жить стало лучше, жить стало веселее...

Но всерьез он писал совершенно другие стихи и неохотно пускал в свой мир посторонних. Харланов свободно перемещался во времени, конкретно представлял любые эпохи – от палеолита до времен первых русских революций. Он не ощущал стен, «без смысла возведённых» и с детской непосредственностью выходил за флажки. В нем была внутренняя свобода, которая свойственна только настоящим поэтам.

В день своего 43-летия Харланов написал стихи «Семь лет до полувека:

Пусть приходит благая усталость.
Даже это б за счастье сошло!
Семь углов ещё в жизни осталось,
ну а семь
неплохое число.

Он и здесь оказался точен. Пятьдесят лет он и прожил, хотя юбилей отметить не успел.

О взаимоотношениях поэта с тамбовской литературной средой лучше всех сказал профессор филологии Владимир Руделёв: «Поэту Харланову есть, что сказать, он достоин самых высоких оценок и самых изысканных собеседников. Всё это можно было видеть давно, по крайней мере – предполагать, но нам мешала это сделать провинциальная теснота: поэт Харланов был среди нас, рядом с нами, почти таким же, как мы. Чтобы представиться великим, надо далеко отойти...».

Отошли... После смерти поэта в Тамбове стараниями его друзей небольшим тиражом вышел сборник «У придорожного камня», который в суете 90-х остался незамеченным. Но время – лучший судья. Истина сколь банальна столь и справедлива. Листаю сборники стихов популярных поэтов 60-70 годов прошлого века, изданные огромными тиражами... Все больше тлен, заросший, как мхом, «приметами времени». Читаю стихи Харланова, написанные в те же годы, и чувствую себя на сквозняке времён.

Евгений ПИСАРЕВ

МАГЕЛЛАН

Сомнительно, погиб ли Магеллан.
Едва ли...

Все в вечности – Великий океан,
Влияние магнитных аномалий,
Слиянья рек, свечение волны,
Волчки смерчей,
Явление цунами –
И отослать назад мы не вольны
Все это, не случавшееся с нами.

Приближается Магеллан.
Удаляется Магеллан.

И нетрезвенно, и нерезонно,
Как загнувшийся уголок
Нарисованного горизонта,
Одинокий растёт парусок.

Приближается Магеллан.

Такое имя дали не простят,
Возьмут себе, чтоб утаить от бриза,
Но явная уклончивость пространств
Над ним неугасимо серебрится.

Удаляется Магеллан.

О, скользящее по экватору,
Полуимя – полумираж,
В тебе светятся иллюминаторы,
Молча трудится экипаж.
Магелланят, свистят погоду,
Каждый третий – головорез,
Но и золото, словно повод
Для отплытья под Южный Крест.

Приближается Магеллан.
Удаляется Магеллан.

Магнитное склонение к потере,
К растрате стран, материков, миров,
Как твой уход туда закономерен –
В круженье и мельканье островов!

Скупым сомненьем в костности материй
Ты освятил незримые поля,
Средь южных звезд твои остались перья,
Зодиакальным облаком пыли.

Удаляется Магеллан...

Но осталась в сквозном пространстве,
Завиваясь по всем углам,
Напряженность и жажда странствий...

Приближается Магеллан...

СОЛО ДЛЯ ДРЕБЕЗЖАЛА

Что-то вдруг задрезжало
Жестью медных голосов.
Может лошадь пробежала
С фурой, полною тазов?
Или боль вонзила жало
В зубы старой бороны?
Разошлись суставы ржавой
В нише рыцарской брони?

Перед свалкой задрожала
«Жигулей» помятых грудь?
Или кто-то дребезжало
Изобрёл зачем-нибудь?
Для отпугиванья галок,
Может быть, театра для –
Нас, от метрики усталых,
Уводить в леса, в поля...

Там, за тридцать три квартала,
Как озвученный хаос,
В мир вступает грохотало
И плескало, и сверкало,
Исполняя волю гроз.
Оснований нет для жалоб.
Не заглохнет жизнь, пока
Соло есть для дребезжала
С новизною на века!

***

Эта закуска для царской водки –
Злое яблоко, змеева сила –
Косоротого в косоворотке
Аж навыворот перекосило!
По садам одичавшим лазая,
На рубахах нося гербарии,
Эти яблоки вырвиглазные
Мы с братвой как капусту рубали.
И подружки на шумных сборищах
Приобщались к познания древу –
От огрызков все лужи морщились,
Но не юные наши Евы.
Мы не выросли повиликою.
Поднимают нас над землёю
Витамины из сада дикого,
Плоть и соль – из краюх с золою.

ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Когда иду по золотым пескам,
Мои заботы опекает солнце.
Под кожей, как смола, густеют соки,
Хвоинки сосен липнут к волосам.

Я возлежу, как первобытный бог
На безмятежной высоте Олимпа.
Как золотая маска, спит улыбка на лице,
Дремлет океан у ног.

И, копошась, решили мураши,
Что беспределен я душой и телом,
И кажется им страшно важным делом
Всё, что ни сделаю я и соверши.

Я повернулся на спину, и вот
Я с места сдвинул миллион песчинок,
И как чужих судеб первопричина,
Взошёл над миром знойный мой живот.

Но длится дело медленного дня.
Сто чёрных стрелок переводит вечер –
Величие оставило меня,
Я голоден и гол по-человечьи.

Спешу туда, где ожидает хлеб,
Оставив солнце рядом с океаном
На пляже галактических судеб
Вздывать живот и тешиться обманом.

ГРОЗА В ИЮНЕ

Сдвигается над головой
Сверкающий мрак грозовой.
Не двигаясь, словно вхожу я
В пещеру дождя грозовую.

Громаден безграмотный гром,
В нём хохота больше, чем смысла,
И молний бегущий разлом,
Как древние буквы и числа.

Грозны грозовые азы,
Природы слепящий петроглиф.
Читаю на сводах грозы
Я молодость мира и крови.

Кипучим озоном дыша,
Распутала все перепутья,
И плещется в мире душа
Гремучею яростной ртутью!

ОСЕННЯЯ КАРТИНКА

Мокнут липовые кадки,
В луже хрупкий лист грустит,
Дождик на капустной грядке
Зайцем сереньким хрустит.

Конь отряхивает холку
От летящих сверху брызг,
Сторож прячется с махоркой
Под слезящийся карниз.

Как с навязчивой цыганкой,
С этой ночью он один.
Вспыхнет изредка сигарка,
Словно краденый рубин...

***

Старый лес за окнами сушится –
Списан он в инвентарь старику,
Словно порвана в нём кукушница,
И куда-то уплыло «ку-ку».

Правый глаз у калины выколот –
Оставалось две грозди вчера ...
Так и жизнь.
Пролетит, как каникулы.
Тихо.
Осень стоит у двора.

ЛОШАДЬ В СУМЕРКАХ

В сумраке роща увязла.
Сумрак в ушах шелестит.
Смутно у тёмного вяза
Лошадь хрустит и грустит.

Кляксою в войлоке ночи
Лошадь почти расплылась,
Только алмазные очи
Тихо сияют сквозь нас.

Словно никто не заброшен,
Словно никто не забыт.
Мир, как огромная лошадь,
Тихо хрустит и грустит...

ПРИЧУДЫ ЧЕРНОТЫ

Вот чёрный кот под черносливом.
Вот чёрный бак с мазутным сливом,
Под чёрным флагом мародёр,
Под чёрной шляпою бретёр,
Под чёрным соусом отравы,
Под чёрным поводом расправа...
Вот в чёрном трауре палач,
Над чёрным гробом горький плач,
Мазутный бак под чёрным сливом...

Но чёрный кот под черносливом –
Совсем обратный колорит.
Так чернь на серебре горит,
На синей ели – чёрный соболю
И чёрный, избранный, особый
В кристаллах синих виноград...
Агатоно глаза блестят
Через ресниц павлинью ретушь
И глубина души сквозь ретушь.

И коли чёрного кота
Ты разглядел под черносливом,
Считай себя вполне счастливым –
Не наступила слепота!

КРУГИ ВРЕМЁН

Песок, и тот от зноя пел,
Облизывая губы.
Река плыла сама в себе,
Счастливая, как гунны.

А лес стоял, как ватерпас,
Безмолвно, отделённо.
И заводь, как стрекозий глаз,
Сверкала отдалённо.

Казалось, что она глядит
В каком-то чувстве странном
На странный мир, где всё стоит
В обличье деревянном.

Как будто первый гунн в седле
Иль в плачущей повозке
Избу увидел на земле,
Журавль на перекрёстке

И до него за тыщи дней
Нашло, как рябь на воду,
Предчувство гибели своей
И своего народа...

ПРЕДГРОЗЬЕ

Из поэмы «Оппенгеймер»

Ещё любилося, плакалось и пелось
По-старому.
Война была не в счёт.
И мир свою томительную зрелость,
Как женщина, не признавал ещё.
Но в горле, как проглоченный хрусталик,
уж стыл разрыв, холодный и пустой...

В прекрасном девятнадцатом остались
Ван-Гог и Спенсер, Максвелл и Толстой.

Над старой Русью мертвою планетой
Кружился Бунин в сумерках тоски.
И пафос золотого эполета
Уже сменила будничность хаки.

Век довершал тяжёлую работу,
Не мучась над отделкою дверей.
Багрово, душно польхало что-то
Над тем, что было родиной царей.

И мир не знал, какой она проснётся
Шестая часть мятущейся земли.
Там был Восток, там поклонялись солнцу
И жертвы человеческие жгли.

Там смутно из картофеля и ситца
Проглядывала новая страна.
Ещё ей предстояло расплатиться
За тот Восток, где строилась она.

Казалось, что заплачено Европой
За новый век, сулящий теплый свет,
Кроваво-грязной похотью окопов
И смертью в пулях, певших, как в листве.

С дождями перешептывались кровли,
От старых сплетен сотрясая мох...
Что будущее розово от крови
Войны грядущей, знать никто не мог.

Почти был прав осоловевший опыт,
Очередной лелея силлогизм:
В конечном счёте, варварство Европы
Приятней, чем восточный гуманизм.

В конечном счёте, правда не в почёте
Ни там, ни здесь. Так боги завели...
Никто не знает, что, в конечном счёте,
Пока два мира счёты не свели.

Пока всего лишь прозвучало слово,
А дело... Что же, человек не бог,
Всё на земле всегда не так уж ново,
Как кажется сначала. Мерен слог
Истории. У нас иная мера,
Но даже ритмы сдвигов мировых
Переложимы на язык Гомера,
И громы их – на шелестенье книг.
Кому бы там прорваться не терпелось
На век вперёд любой ценой,

А здесь
Ещё любилося, плакалось и пелось
По-старому...

Но тонко зрела месть.

Где Вагнер жил, пережидая ливень,
И редкие слюнявя волоски,
Природа стала старчески болтливой
От затаённой и глухой тоски.

Не Фауст с пламенеющей душой
Пришёл, чтоб руку истины поймать,
А лысый Вагнер, старый шут дешёвый,
Сел пухлым задом на её кровать.

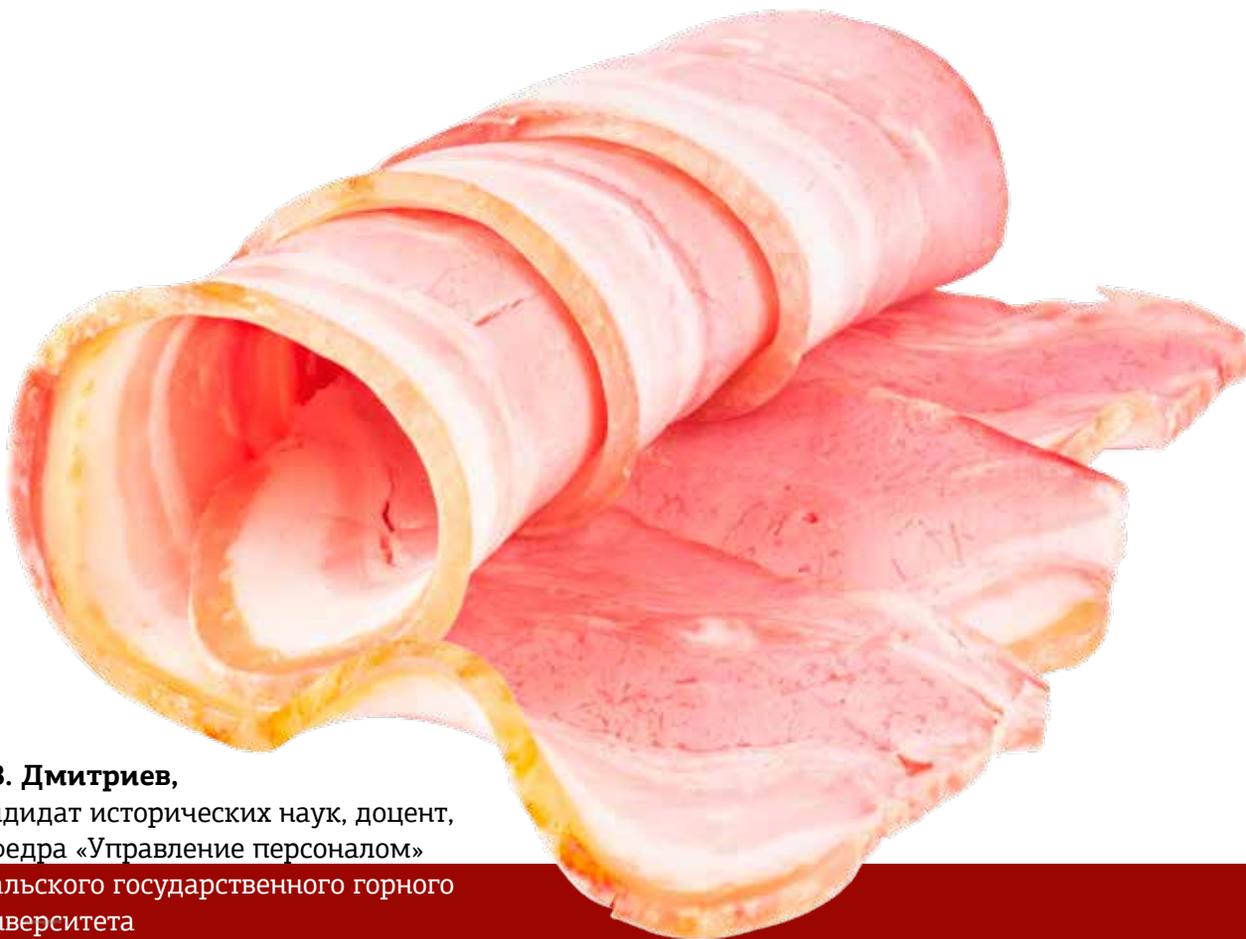
Искал подвижник смысл неизречённый,
Всё целиком бросая на авось,
А Вагнер уступал по крохам чёрту,
Да вышло, что дешевле обошлось!

Без божества, любви и вдохновенья,
Придя к невесте, павшего в бою,
Он у неё ощупывал колени,
Как фельдшер, изучающий свинью.

Твоё благополучье перекисло
В тончайший яд и химию смертей –
Германия превыше всех идей,
Она превыше мирового смысла.

Отныне в ней провозглашен закон,
Что истина – преступная растрата,
Коль не родит Германии солдата
Раз в год по долгу всех арийских жён.

И должен муж внушать капризной фрау,
Что для неё отныне навсегда
От Фауста осталось только «фау».
Неважно, три, четыре или два.

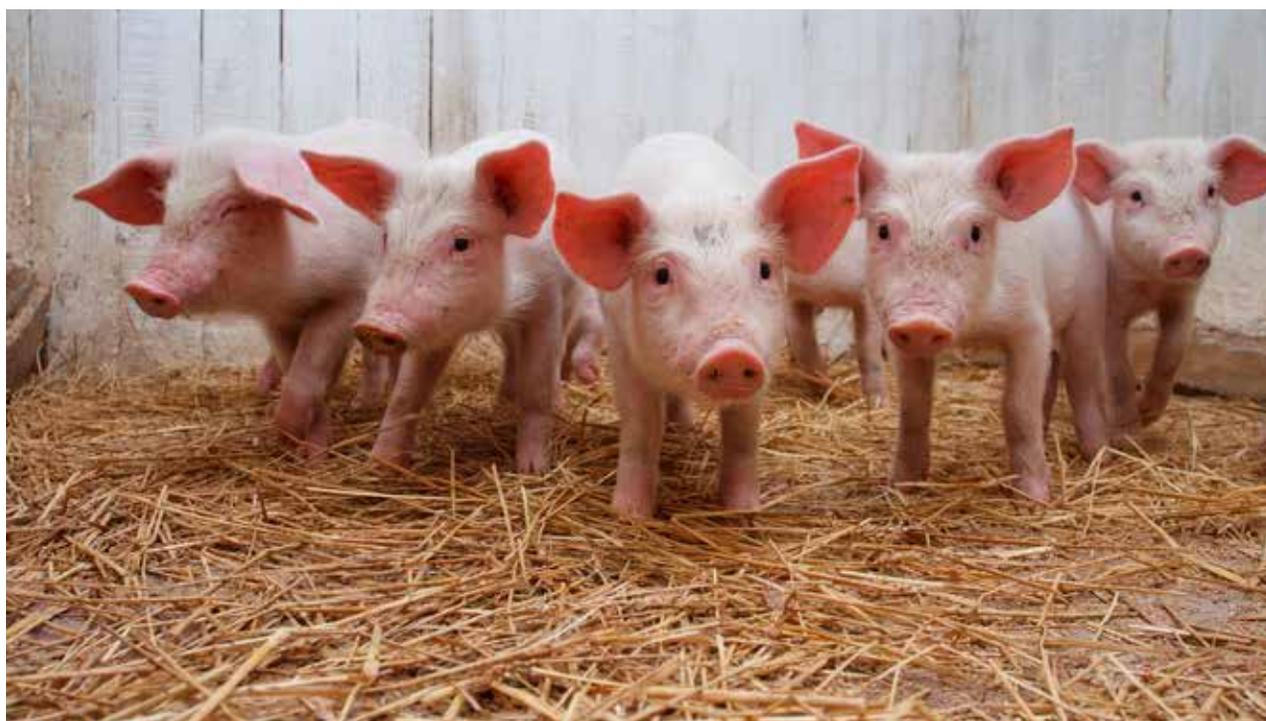
А.В. Дмитриев,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра «Управление персоналом»
Уральского государственного горного
университета

ЭКСПОРТНАЯ СТРАНИЧКА ЗАУРАЛЬСКОГО БЕКОНА

Длительное время свиноводство у крестьян Зауралья существенного значения не имело, так как из-за дороговизны зернофуража окупало себя лишь в высокоурожайные годы. Интерес к нему повысился с распространением в 1880-х гг. картофеля используемого винокурами вместо ржи и пшеницы. Но и в последующем развивалось свиноводство главным образом для получения щетины, незаменимой без химволокон при изготовлении кистей, щеток, бритвенных помазков и т.п. Густой волосяной покров, защищавший животных от низких темпера-

тур, служил прибыльным товаром. Стрижка «хавроний» два – три раза в год приносила владельцам неплохой доход.

Свиное мясо на внутреннем рынке обходилось покупателям дешево. В Европейской России сказывалось его избыточное предложение Черноземьем. Население же Западной Сибири, в силу традиций, религиозных верований, отдавало предпочтение говядине и баранине. В чистом виде свинина употреблялась жителями юго-запада страны, на остальной территории ее обычно подмешивали к тощему «скотскому мясу».

Экспорт свиней в Европу при тогдашнем бездорожье осуществлялся преимущественно из Царства Польского и Прибалтики. Ограничивавшийся таможенными барьерами, плотной конкуренцией, он в начале 1890-х сократился до минимума. Встревоженные вспышками эпизоотий, правительства Австро-Венгрии и Германии запретили ввоз из России живых свиней.

Российский восток породистых животных еще не знал. Простые же свиньи (коротко – и длинноухие), будучи выносливыми и неприхотливыми, созревали медленно, достигая убойного веса лишь на третий год. В совокупности с малорослостью эти экземпляры иной раз не оправдывали издержек на корма. Товарное мясо отправлялось из Зауралья в горнозаводские центры, добротное сало (шпиг) – на базары и ярмарки, низкосортное – производителям стеарина.

Характерная для «европеизированных» помещичьих и предпринимательских имений селекционная работа, при отсутствии в регионе земства, малочисленности агрозоотехнического персонала, находилась в зачаточном состоянии. Между тем, скрещиваемые с культурными особями беспородные свиньи давали хорошее потомство. Однако скороспелые гибриды-тяжеловесы требовали

рационального кормления, ухода, теплых помещений. Ясно, что обеспечить такие условия могли лишь зажиточные хозяева.

Общеизвестным ускорителем неспешно-гужевой поступи Сибири явилась рассекающая ее железнодорожная магистраль, активизировавшая вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы региона, давшая толчок экспортному маслоделию. Стимулируемый годами рост молочного стада укрепил и кормовую базу свиноводства. Важнейшим компонентом в рационе поросят становились отходы маслопроизводства: сыворотка, пахта, обрат.

Увеличение поголовья сопровождалось вывозом свиней на бойни Москвы, С.-Петербурга, куда изначально в вагонах транспортировался лишь купный рогатый скот. Моноворотил воротил-скотопромышленников нарушили собратья помельче, иногда сами крестьяне, скупавшие и перепродававшие небольшие партии «хрюшек». Рыночный спрос определял и ассортимент. Кроме привычного сального животноводы осваивали полусальный (окорочный) и мясной откорм. Подводила зауральцев неумелая разделка туш, обусловливавшая их удешевление в сравнении с ценою свинины Поволжья или Малороссии.

Итак, в значительной мере благодаря маслоделию, свиноводство Зауралья превра-

тилось в товарную отрасль, так же ориентированную главным образом на внешний рынок. Широко привилось оно в Курганском, Тюменском, Челябинском, Ялуторовском уездах. Занялись им дальновидные предприниматели: А.Н. Балакшин, А.П. Ванюков, Д.Н. Матвеев, К.А. Ушков, организовавшие скрещивание местных свиноматок с английскими хряками-йоркширами.

Откликаясь на нужды крестьянства, Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства выкупил у частных в 1899 г. и расширил племенной рассадник. Выращенные в нем беркширы, йоркширы и метисы продавались всем желающим по доступной

вал из бекона жир. Британскую технологию и приняли на вооружение зауральцы.

Обретение ёмких рынков давало новый толчок товарному свиноводству. поголовье росло в Западной Сибири едва ли не повсеместно, но темпы опережающие фиксировались в Тобольской губернии. Вывоз свинины из азиатской России, главным образом из Зауралья, увеличился за десятилетие (1900–1909) в 3,5 раза. Хозяева, культивировавшие животноводство, расставались с малоценным «деревенским» приплодом, благо с элитным материалом проблем не возникало. Многочисленные рассадники вполне удовлетворяли потребности селян в культурных особях.

ВЫХОД НАШЕЛСЯ В КОНСЕРВИРОВАНИИ, НО ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СПОСОБ ПОСОЛКИ МЯСА В РАССОЛЕ ИЗ—ЗА ЕГО УКОРЕНИВШЕГОСЯ ВЫМАЧИВАНИЯ ПЕРЕД ПРИГОТОВЛЕНИЕМ БЛЮД НЕ ГОДИЛСЯ. ВОТ И ЗАКАЗЫВАЛИ ГУРМАНЫ В РЕСТОРАНАХ НЕЖНУЮ, ТАЯВШУЮ ВО РТУ ВЕТЧИНУ ВЕСТФАЛЬСКУЮ!

цене. Зарождались селекционные питомники и на комбинированных производствах артельных маслозаводах. В результате к 20-му веку значительную часть поголовья составляли улучшенные, высокорентабельные породы животных. Впрочем, узким местом оставалась их транспортировка.

Перевозка на дальние расстояния в кое-как приспособленных товарных вагонах, с хаотичным кормлением и поением изнуряли животных, терявших вес. Мобильные рефрижераторы представляли еще дорогостоящую экзотику. Вагоны-ледники предназначались вне очереди маслоэкспортерам, поэтому вывозились разделанные мясопродукты преимущественно зимой, хотя случавшиеся оттепели снижали их вкусовые качества, а значит и стоимость.

Выход нашелся в консервировании, но отечественный способ посолки мяса в рассоле из—за его укоренившегося вымачивания перед приготовлением блюд не годился. Вот и заказывали гурманы в ресторанах нежную, таявшую во рту ветчину вестфальскую! И все же наиболее эффективным методом консервации признавался ирландско-английский. Малосольную свинину (васоп – бекон) подвергали для лучшей сохранности копчению на холодном дыму, так как горячий вытапли-

В предпринимательском секторе выделялось Чашинское имение дипломированного агронома Л.Д. Смолина, расположенное в Илецко-Иковской лесной даче. Селекция велась в нем на высоком уровне. Наряду с породистыми лошадьми, крупным рогатым скотом Лев Смолин разводил чистокровных йоркширов и беркширов. Откорм свиней имел, прежде всего, коммерческую направленность. Взрослых животных забивали для столичных и экспортных рынков, а часть поросят (сотни экземпляров), продавалась окрестным крестьянам.

Торговля, причем дальневывозная, перемалочная зиждется на кредите, но его-то сельскохозяйственные производители в большинстве и не имели. Региональные отделения Государственного и акционерных банков неохотно кредитовали даже солидных аграриев, вроде Л. Смолина. Крестьяне же, с их грошовым залогом, банковские учреждения, как правило, не обслуживали вообще, чем и пользовались «благодетели»-ростовщики (оптовики, перекупщики и др.) Впрочем, не утвердились на рынке в пору его становления и разномастные посредники, оттесненные консолидированными, действовавшими на чужбине сообщами иностранцами.

Пионерами являлись датчане, участвовавшие в организации промышленного маслоделия по просьбе российского правительства. Техническое содействие переросло в коммерческое, выразившееся в субсидировании приобретаемых конторами масла и свинины. Первой «десантировалась» в 1896 г. на курганскую землю фирма «Паллизен» из Копенгагена, через год ее примеру последовали агенты компании «Сибико» и «Эсмана». Поспешили застолбить многообещающую ниву и предприниматели из других стран: германские фирмы «Беккер» и «Братья Зейферт», английская «Г. Фиент» и др.

Цепкие, превосходно осведомленные в конъюнктуре и географии спроса, координировавшие совместные действия иностранцы и оседлали экспорт свиней, потеснив местных торговцев. Главное преимущество европейцев заключалось в тесной связи с национальными банками. Резервные средства позволяли инофирмам авансировать крестьян – животноводов, продавать им в рассрочку ходовой инвентарь: сепараторы, маслобойки, косилки, жатки и т.п. Ясно, что переигрывали они разрозненных, малоденежных конкурентов и в ценообразовании. Поражение зауральских коммерсантов предопределялось и узостью кругозора, нежеланием рисковать, отсутствием в Европе товаропроводящих каналов, надежных партнеров, без которых экспортеры-одиночки попадали в лапы посредников, взимавших неимоверную маржу.

Успеху бизнес-мигрантов сопутствовала и дальновидная, «почвенная» стратегия, ориентированная на высокотехнологичную и отнюдь не засекречиваемую переработку животноводческой продукции. Архаичные

бойни заменили у иностранцев предприятия с холодильными агрегатами, воплощавшие новации инженерной мысли, смягчавшие в отрасли циклический фактор, с другой стороны увеличивавшие вывоз мясопродуктов.

В 1907 г. строительно-монтажная фирма «Братья Уэстли» (Brother Westley) из Лондона приступила к сооружению на окраине Кургана, по заказу корпорации «Унион», холодильника-рефрижератора и производственных цехов. Отведенный муниципалитетом участок передавался ей в аренду на 36 лет. Курганский холодильник был уже третьим, возведенным братьями в России (после Козлова и Риги), и самым крупным. Готовый в мае 1909 г. к эксплуатации рефрижератор вмещал содержимое 200 вагонов и предназначался для хранения собственной и общественной продукции, иначе сдаваемой клиентами (мяса, рыбы, масла, яиц и др.).

К неудовольствию англичан по соседству, рядом с Транссибом схожий комплекс возводила датско-германская компания «Брюль и Тегерсен». Основную долю продукции британцев изначально составлял национальный деликатес – бекон. Континентальный тандем выпускал его меньше, зато ассортимент у него был разнообразнее, включая консервы, окорока, колбасы.

Основанная европейскими предпринимателями мясопереработка – технологичная, почти безотходная увеличивала вывоз из региона готовых продуктов. Обе инофирмы, судя по отсутствию информации о них в справочниках об ассоциациях подобного рода, принадлежали к «юниоркам». Представляли их учредители новой формации: образованные, подвижные, легко адаптировавшиеся к

малознакомой, подчас недружелюбной культурно-этнической среде. К тому же внедрялось в Зауралье производство необходимое, обоюдно-полезное, а не колониально-дискриминационное.

В контексте сюжета уместно напомнить о восприятии иностранного капитала российской общественностью. Консерваторы, встревоженные ростом внешнего долга, «интернационализацией» ведущих банков, предпочитали меры радикальные, вплоть до «национализации капитала» (не в марксистском смысле, конечно). Деловые круги изоляционизм отвергали. Солидаризовалось с ними и правительство, констатировавшее ущербность займов и высказывавшееся в пользу инвестиций. Государственную стратегию и воплощали беконно-колбасные консервные фабрики, удачно сочетавшие востребованность с перспективой неизбежного «обрушения» по истечении арендного контракта.

Первоначально беконное производство англичане намеревались «ставить» в Омске, но из-за разногласий с муниципалитетом переориентировались на Курган. Важнейшим пользователем холодильника в Зауралье рассматривался Союз сибирских маслодельных артелей. Но острой нужды в нем артельщики не чувствовали, отправляя масло скорыми поездами из пристанционных льдохранилищ.

Недогрузка, видимо, и побудила владельцев рефрижератора к наращиванию мясопереработки за счет покупки животных у местных жителей. Активизировались и обслуживаемые «Унионом» мясоторговцы, требуя от властей равных условий с маслоотправителями в использовании вагонов-ледников. Кое-какие резервы железнодорожники вы-

делили, но льготный тариф сохранился лишь для экспортеров масла.

Покупка животных с накидкой в 20–25% к цене «макляческой» обеспечивала бесперебойную работу иностранных предприятий. На территории Курганского и смежных уездов, в радиусе 70 – 80 верст было размещено около полутора десятков заготовленных контор, нередко с докармливаем свиней. При этом сферы влияния конкурентами миролюбиво делились: англичане скупали убойный материал в глубинке, агенты фирмы «Брюль и Тегерсен» – вдоль Транссиба, от Челябинска до станции Татарской. Сдатчиков привлекали рублем и бесплатной раздачей племенных поросят.

В 1911 г. Западную Сибирь поразил неурожай, принесший наибольший ущерб животноводству. Благодаря емкому рынку сбыта, разведению картофеля и турнепса свиноводство оправилось от засухи сравнительно быстро.

Наряду с «всеядностью» и скороспелостью животных популярность свиноводства обуславливалась экономической целесообразностью: с появлением мясоперерабатывающих предприятий доход от него не намного уступал таковому от маслоделия. За три года (включая неблагоприятный 1911-й) беконное производство Зауралья выросло до 300 тыс. пудов, или в 6,5 раз. Бекон «Униона» и частично датско – германской фирмы вывозился в Англию. Емкость рынка ее увеличивало сокращение поставок продукта из США, чем и воспользовались российские экспортеры.

Основали торговлю на Британских островах фабриканты из Воронежско-Тамбовского региона, вскоре к ним присоединились «зауральские европейцы». Конкуренция с фир-

ОСНОВАЛИ ТОРГОВЛЮ НА БРИТАНСКИХ ОСТРОВАХ ФАБРИКАНТЫ ИЗ ВОРОНЕЖСКО-ТАМБОВСКОГО РЕГИОНА, ВСКОРЕ К НИМ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ «ЗАУРАЛЬСКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ». КОНКУРЕНЦИЯ С ФИРМАМИ ДАНИИ, КАНАДЫ, АВСТРИИ ПОБУЖДАЛА К СОГЛАСОВАННЫМ ДЕЙСТВИЯМ. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, ВРЕДНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ КОММЕРСАНТАМИ НЕ НАБЛЮДАЛОСЬ. КРОМЕ МЯСОПРОДУКТОВ В КРУПНЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЦЕНТРЫ ВЫВОЗИЛИСЬ ИЗ ЗАУРАЛЯ СВИНЫЕ ТУШИ – ДО 500 ВЫГОНОВ ЕЖЕГОДНО.

мами Дании, Канады, Австрии побуждала к согласованным действиям. Во всяком случае, вредного соперничества между российскими коммерсантами не наблюдалось. Кроме мясопродуктов в крупные промышленные центры вывозились из Зауралья свиные туши – до 500 выгонов ежегодно.

Преобразования в аграрном секторе расширяли географию беконного производства, но лидерство оспаривали тамбовский и курганский районы, похоронившие монополию датчан на Британских островах. С 1912 г. продвижением российской сельскохозяйственной продукции на рынок Туманного Альбиона целенаправленно занялась Русско – Английская торговая палата. Британцев явно встревожил интерес к российскому бекону, обнаружившийся во Франции, импортировавшей прежде этот деликатес из африканских колоний и США.

Удачная натурализация в Зауралье ряда британских фирм привела к возникновению августовской порой 1912 г. в Лондоне инвестиционного объединения, создавшего дочерний «Англо – Сибирский синдикат» на паях с Приуральским союзом маслодельных артелей. К коммерческим операциям соучредители прилагали организацию беконного производства в Челябинском уезде. Следов эффективного взаимодействия компаньонов в приготовлении деликатеса не обнаружилось, зато англичан в бизнес – структурах Азиатской России явно прибавилось.

Полагаем, что круто восходящая мясопромышленность Зауралья наглядно отражала предвоенный экономический подъем страны. К 1914 г. при холодильнике «Унион» выросло трехэтажное здание колбасно-беконного завода, выпускавшего позднее и консервы. С полной нагрузкой функционировали предприятия компании «Брюль и Тегерсен», где было занято свыше полутора тысяч рабочих. Впрочем, потенциал животноводства в регионе намного превосходил мощности инофирм. По примеру европейцев, капиталы в перспективную отрасль стали вкладывать и российские предприниматели. Разбогатевший местный коммерсант В.Г. Сорокин возвел неподалеку от «Униона» деревянные корпуса колбасно – консервного завода. Обо-

рудование поступило в Курган из Петрограда, бывшего владельца которого Сорокин взял в компаньоны. Трудилось на отечественном предприятии около 300 человек.

Выверенную траекторию развития предприятий, обслуживавших внутренний и внешние рынки, нарушила в июле 1914 г. война. Тяготы военного времени, дороговизна обусловливали снижение реальной заработной платы. Недовольство ущемляемых проявлялось в разных формах протеста. В феврале 1915 г. бастовал коллектив фирмы «Унион», требовавший повышения зарплаток и сокращения продолжительности рабочего дня. Вместе с тем трудностей на сырьевом рынке, в заготовке свиней не возникало. Если численность КРС по известным причинам убывала, то свинопоголовье до 1917 г. продолжало расти. С 1912 по 1916 г. количество животных увеличилось в Зауралье (в среднем по уездам) в 4 раза.

Непредвиденно затягивавшаяся война скорректировала ассортимент мясопродукции, повсеместно наращивалось производство консервов для армии и флота. К 1916 г. в стране функционировало уже более 20-ти консервных заводов, три из которых размещалось в Кургане.

Военизация спроса, поощрительные меры государственного регулирования, приподнявшаяся активизация кредитно-финансовых учреждений вызвали в азиатской России промышленный бум. На средства казны и частных банков воздвигались товарные мельницы, пекарни, маслозаводы, разнообразные фабрики и мастерские. В г. Тюмени, например, летом 1916 г. вошел в строй рефрижератор, обслуживавший нужды флота. Проникновение банковского капитала в мясопереработку сопровождалось ее укрупнением и акционированием. Достаточно назвать «Сибирскую мясную компанию» со «складочным» капиталом в пять миллионов рублей.

Вскоре, правда, большевистская национализация деятельности «банковской» компании прервала, отлучив от предприятия и других хозяев. С установлением власти «демократов – социалистов» колбасно – консервный завод товарищества «Брюль и Тегерсен» перешел осенью 1918 г. в собственность Всерос-

сийского Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза). Деревянные же «сорокинские» корпуса неожиданно выгорели и собственнических инстинктов не разжигали. А после ухода белых расхитители спровоцировали пожар холодильника «Унион»...

Вспыхнувший в настоящее время реформ интерес к истории Отечества закономерен. Равнодушие к прошлому, недооценка его уроков ведут к спотыканию о пресловутые грабли... Спора нет, большевистское «обобществление крестьянства» заслуживает порицания, но убедителен и другой факт: кооперация в XXI веке – локомотив сельскохозяйственного производства на всех континентах, причем немало заимствовано ее архитекторами у советской эпохи.

Мы же, доверившись амбициозным ниспровергателям, вместо усовершенствования, развалили колхозно-совхозную систему. Фермер накормит страну, вещали квазиреформаторы! Итог общеизвестен: неслышанный, унижительный импорт продовольствия.

Коль скоро надломленную «расхватушниками» промышленность поднимают, обновляют госкорпорации, не пора ли возродить испытанный крупнотоварный уклад в аграрном секторе, без крайностей монополизма и чиновного диктата, разумеется. Под его крылом, в равноправном взаимодействии утвердятся и шаткое, разрозненное фермерство, эксплуатируемое хозяйничавшими на продовольственном-сырьевом рынке перекупщиками.

Половинчатые, косметические меры здесь контрпродуктивны, необходим очередной поворот «лицом к деревне», теряющей земли, скот, технику, а главное – механизаторов, растениеводов и животноводов. Нравоучениями, дотационными подачками отток сельской молодежи не предотвратит. Нужны полнокровные ассигнования в строительство благоустроенного жилья, социально-культурных учреждений, дорог, на возведение обрабатывающих предприятий, сосредоточиваемых до сих пор в городах. Но много ли выкроишь для села из дефицитного бюджета? Так почему бы не вернуться к добровольным займам средств у населения, не демонополизировать, а значит, удешевить кредит. Напомним о кредитных товарище-

ствах, кооперативных банках, подмятых ныне вездесущими акционерами.

Впрочем, бюджетные проблемы, ссуды, налоги – компетенция законодателей и хозяйственников, но заглохшая в «нулевые» аграрная реформа при любом подходе неизбежна. Эскизные ее контуры уточняются в дискуссиях, однако следует помнить о вступлении России в ВТО. Ассоциация, символизирующая оплот евро-атлантизма, вряд ли поможет реформированию аграрного производства конкурента, да еще с огромным потенциалом, скорее будет чинить помехи.

С другой стороны, «олигархический» бизнес, часть правящей элиты исповедуют культ Запада и настроены, продолжать «вестернизацию» экономики. Успокаивает ослабление влияния «космополитов» бесперспективностью либерал-монетаризма. Во всяком случае, разворачивающееся импортозамещение демонстрирует приверженность отечественным идеям и работкам.

Налицо актуальность извечного правила «золотой середины», т.е. достижения мировые полезны, но без ущерба опыту национальному. Мост в будущее, согласитесь, рациональнее возводить не на копировании чужеземного, а на фундаменте, заложенном отцами и дедами. Что может быть надежнее конструкции, скрепленной преемственностью поколений? **А**

КАЗАК – УЧИТЕЛЬ, НАСТАВНИК, ВОИН

Игорь Мартынов,
войсковой старшина, заместитель атамана
Тамбовского отдельского казачьего общества

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОГО КАЗАЧЕСТВА СВЯЗАНА С ОСНОВАНИЕМ ДВУХ КРЕПОСТЕЙ НА БЕЛГОРОДСКОЙ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЕ – КРЕПОСТИ ТАМБОВ И КРЕПОСТИ КОЗЛОВ (СОВРЕМЕННЫЙ МИЧУРИНСК). СО ВРЕМЕНЕМ, ОСОБЕННО В ПЕРИОД УНИЧТОЖЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА В 20–30 ГОДАХ XX ВЕКА, БЫЛА УБРАНА ВСЯ ИНФОРМАЦИЯ О РОЛИ КАЗАЧЕСТВА И ПОДВИГЕ КАЗАКОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ. РОЛЬ КАЗАЧЕСТВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КРЕПОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ ДО СЕЙ ПОРЫ УМАЛЧИВАЕТСЯ ИЛИ УПОМИНАЕТСЯ В КОРОТКОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВСЛЕДСТВИЕ ЧЕГО У МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЛОЖИЛОСЬ ОБЩЕЕ МНЕНИЕ, ЧТО КАЗАЧЕСТВО НА ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛЕ НЕ ИМЕЕТ КАКИХ-ЛИБО КОРНЕЙ И ТРАДИЦИЙ.

Начиная с 90-х годов XX столетия на территории Тамбовской области начался этап развития казачества, который продолжается и по сей день. Постановления правительства и различные документы являются одним из факторов, которые помогают взаимодействовать казачеству с муниципальными органами и общественными объединениями. Но на современном этапе, когда уже налажено взаимодействие тамбовского казачества с органами власти и различными организациями, включая силовые структуры и общественников, требуется дополнительная программа развития, которая могла бы не только использовать ресурсы и уже налаженные формы работы, но и восстанавливать и развивать традиции и культуру казачества как этносоциальной группы, имеющей богатые вековые традиции и обычаи. В процессе возрождения казачества на Тамбовщине открылся огромный потенциал культуры казачества, применяемый в педагогической и воспитательной деятельности как учебных заведений, так и различных спортивных и военно-патриотических объединений Тамбовской области.

Работа с молодёжью, развитие и популяризация казачьей культуры, традиций и обычаев стало одной из главных задач в деятельности тамбовского казачества. На территории Тамбовской области уже работают образовательные учреждения, направленные на внедрение педагогики казачества, её богатейшего опыта и практики становления личности на основе ценностей казачьей культуры, сформированной на традициях многовековой российской общинности.

При встрече с учителями общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений мне часто приходится отвечать на вопрос: «Зачем нужно внедрять в воспитательный процесс казачью культуру?». Имея богатый практический опыт в педагогико-воспитательном процессе, учителя

и так справляются с поставленными целями. Поведение учеников и успеваемость всегда на контроле. Работают социальные педагоги и школьные психологи, родительские комитеты, вожатые и другие штатные сотрудники, которые помогают вести постоянный «контроль» и балансировать учебно-воспитательный процесс в рамках «ученик – школа». Такая методика построена на том, чтобы школьник следовал программе учебно-воспитательного процесса, и какой путь он выберет по окончании учебного заведения – мало волнует кого-либо, за исключением семьи. К сожалению, на данный момент такое положение есть и в учебных заведениях казачьей направленности. Выпускники казачьих классов и колледжей, заканчивая обучение, не приходят в казачьи общины, а удовлетворяются только наличием формы в шкафу или фотками в соцсетях, говоря о принадлежности к казачеству. Личность, обучаясь в таком учебном заведении, не сформирована как казак, не становится носителем казачьей культуры, традиций, и, что самое главное, отсутствует любовь и ответственность перед казачьим родом, перед славой наших предков, передавших нам в Духе заботу о казачестве, его развитии и сохранении.

В процессе преподавательской и культурологической деятельности мы упускаем решение задачи, важной для каждого из нас, кто работает с молодым поколением, – зародить и взрастить в душе каждого казачонка или казачки любовь к своему роду, стать его правопреемником, почувствовать ответственность перед своими предками не только за сохранение, а также и за развитие той культуры, которая проникнута славой наших отцов и прадедов-казаков. Это относится не только к общеобразовательному учреждению. Такую задачу и ответственность перед своим народом должен держать каждый казак, показывая своим поведением, жизнью и образом

истинную природу казака, чтобы в каждом из нас был виден Дух казачества и Сила воина.

К сожалению, действительность нашего времени показывает нам душевную смуту и неопределённое отношение подрастающего поколения к возрождающемуся казачеству. Мы всё чаще слышим слова «ряженный» или «самозванец» по отношению к казакам, особенно в тех регионах России, где казачество считается не традиционным, не коренным. К сожалению, можно видеть разделение на «реестровых» и «нереестровых» и среди самих казаков, забывших о том, что мы должны делать общее дело, а такое разделение только мешает казачеству в становлении и укреплении.

Почему молодёжь не так активно идёт в казачьи общины, даже закончив учебные заведения казачьей направленности, особенно в регионах с «некоренным» казачеством? Первая причина кроется не в том, какую форму воспитания и педагогики выбрали в учебных заведениях, а в первую очередь в нас казаках. Многие могут возразить и выразить своё несогласие с моей точкой зрения, но жизнь

говорит сама за нас. Давайте присмотримся внимательно. Кто такой казак для подрастающего поколения? Это в первую очередь воин, необычный воин. Каждый казак несёт в себе не только историю своего рода, но и историю всего казачества. В глазах молодого поколения воины-казаки – это в первую очередь «православные воины», защитники Отечества и Веры, храбрые и мужественные, честные и справедливые. Верные сыны Отечества. Для современной молодёжи казаки могут стать источником вдохновения, стимулом к самопознанию и саморазвитию, опираясь при этом на богатый опыт казачьей боевой культуры и семейных традиций. И этот образ должны дать мы, казаки современности, опираясь на опыт наших предков и славную историю казачества. Это должно выражаться не только в ношении формы или какой-либо традиционной казачьей одежды, не только криком «Слава Богу, что мы казаки!», а образом своей жизни, своим поведением и верой.

Быть образцом для молодого поколения – это в первую очередь быть казаком по вере и душе. На своей практике я часто

КТО ТАКОЙ КАЗАК ДЛЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ? ЭТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ВОИН, НЕОБЫЧНЫЙ ВОИН. КАЖДЫЙ КАЗАК НЕСЁТ В СЕБЕ НЕ ТОЛЬКО ИСТОРИЮ СВОЕГО РОДА, НО И ИСТОРИЮ ВСЕГО КАЗАЧЕСТВА. В ГЛАЗАХ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ВОИНЫ-КАЗАКИ – ЭТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ «ПРАВОСЛАВНЫЕ ВОИНЫ», ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА И ВЕРЫ, ХРАБРЫЕ И МУЖЕСТВЕННЫЕ, ЧЕСТНЫЕ И СПРАВЕДЛИВЫЕ. ВЕРНЫЕ СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА. ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ КАЗАКИ МОГУТ СТАТЬ ИСТОЧНИКОМ ВДОХНОВЕНИЯ, СТИМУЛОМ К САМОПОЗНАНИЮ И САМОРАЗВИТИЮ, ОПИРАЯСЬ ПРИ ЭТОМ НА БОГАТЫЙ ОПЫТ КАЗАЧЬЕЙ БОЕВОЙ КУЛЬТУРЫ И СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЙ.

встречался с различными примерами. Во время одного из мероприятий в станицу, где проживают родовые казаки (со слов местных жителей), прибыл епископ местной епархии. За всё время пребывания владыки на мероприятии за его благословением не подошёл ни один казак. Но за это же время мимо меня «проплыло» немало «упиенных» казаков в традиционной казачьей одежде. О чём это говорит? Как сказано в Святом Писании «... Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Евангелие от Матфея, глава 6, стихи 19-21). Такие случаи, когда казак ведёт себя в обществе неподобающе, являются примером неискреннего отношения к казачьей культуре. На полях Всемирной паутины встечаются фото казаков, где они представлены в смехотворном виде. Нам, казакам, не надо забывать, что мы, надев форму, не только олицетворяем казачество нашего времени, но также с формой и крестом берём на себя обязательство с ЧЕСТЬЮ и ДОСТОИНСТВОМ жить по каза-

чьим законам наших предков. Не секрет, что некоторые вступают в ряды казачества ради личных амбиций или ради интереса. Это и есть «антивоспитание» будущих казаков и казачек. Такие «эгоцентричные» казаки несут в себе иную культуру и традиции, отталкивающие от казачества многих, кто искренне желает стать казаком или продолжить своё служение в казачестве на основе истории своего казачьего рода.

К сожалению, современная система вступления в казачью общину не имеет традиционного подхода, я имею в виду реестровое казачество. Вступают все, кто хочет быть казаком, временно или постоянно – не имеет значения. И это ведёт к тому, что вокруг представителей молодого поколения появляются не носители казачьей культуры и традиций, а «носители казачьей формы». Таких «представителей» можно встретить не только на улице, но и в учебных заведениях казачьей направленности в роли педагогов и

наставников. Такое состояние дел в корне меняет представление о казачестве у молодого поколения. Наставник или учитель должен быть примером того, чему учит. Можно быть преподавателем, а можно быть Учителем. Только Учитель способен привести к познанию истинного пути казака, к пониманию ответственности перед своим родом, воспитать патриота.

ваться ещё лучше. Не просто надевать форму на охрану общественного порядка и показывать, какой ты бравый, а жить в этой форме, быть на виду как казак. Не просто говорить: «Я казак!», а строить казачьи семейные традиции, чтобы каждая стена в доме напоминала всем, что здесь живёт казачья семья. Во-вторую – менять других казаков, оскверняющих казачий дух, казачьи традиции и не имеющих

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ? В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ МЕНЯТЬ СЕБЯ. НАДО САМОРАЗВИВАТЬСЯ, СТРЕМИТЬСЯ СТАНОВИТЬСЯ ЛУЧШЕ И СОВЕРШЕННЕЕ. НЕ ПРОСТО ХОДИТЬ В ХРАМ КАЖДОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, СЧИТАЯ, ЧТО ВЫПОЛНИЛ ДОЛГ КАЗАКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ, А МОЛИТЬСЯ И ПРЕОБРАЖАТЬСЯ, СТАНОВЯСЬ ЕЩЁ ЛУЧШЕ. НЕ ПРОСТО НАДЕВАТЬ ФОРМУ НА ОХРАНУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ПОКАЗЫВАТЬ, КАКОЙ ТЫ БРАВЫЙ, А ЖИТЬ В ЭТОЙ ФОРМЕ, БЫТЬ НА ВИДУ КАК КАЗАК. НЕ ПРОСТО ГОВОРИТЬ: «Я КАЗАК!», А СТРОИТЬ КАЗАЧЬИ СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ, ЧТОБЫ КАЖДАЯ СТЕНА В ДОМЕ НАПОМИНАЛА ВСЕМ, ЧТО ЗДЕСЬ ЖИВЁТ КАЗАЧЬЯ СЕМЬЯ.

Я пишу эту статью не в осуждение, а в рассуждение. Развитие казачества на тамбовской земле идёт правильным путём благодаря стараниям многих казаков и атамана, но нам надо улучшать ситуацию с самими собой. В настоящее время молодёжь стремится к познанию истории своего Отечества, поднимается дух патриотизма и идёт поиск той ниши в социуме, в которой каждый сможет не только найти себя, но и реализовать. Одним из путей такой самореализации может стать казачество. Но встретив на улице пьяного «казака» или выражающегося матерными словами, с сигаретой в зубах и руками в карманах, молодёжь не только не пойдёт в казачество, а резко будет относиться к нему отрицательно. Долго и безнадежно мы уповаем на помощь государства и местной власти, а сами все потихоньку рушим. Рушим своим отношением и поведением, теряем не только время, данное нам Богом, но и достойных людей, которые могли бы сделать для казачества очень многое.

Что нам делать? В первую очередь менять себя. Надо саморазвиваться, стремиться становиться лучше и совершеннее. Не просто ходить в храм каждое воскресенье, считая, что выполнил долг казака по отношению к Церкви, а молиться и преображаться, стано-

ответственности перед всем казачеством. Безразличие и безнаказанность по отношению к казакам, которые позорят казачество, ведёт к тому, что в рядах казаков пропадает чувство соборности и ответственности за каждого и перед каждым. В Святом Писании сказано: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою ещё одного или двух, дабы устами двух или трёх свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Мф. 18:15-17). Если молодёжь будет видеть дисциплину, ответственность и требовательность в казачьей общине – это станет одной из главных причин прихода в казачью жизнь. Чувство единства и взаимной ответственности – это потребность в объединении современной молодёжи. По моему мнению, к миссионерству в казачестве надо допускать искренне верующих и патриотичных казаков, имеющих не только знания по истории казачества, но и также личный опыт жизни в культуре и традиции казачества.

Для подрастающей личности начиная с младого возраста важно окружение и среда, в

которой он растёт. Не только семья или школа создают такое окружение, а в первую очередь каждый из нас, казаков, становится той Мерой, по которой судит о казачестве растущая Личность. Каждый из нас должен включиться в процесс воспитания казака, независимо от того, где находится. Нести в себе образ каза-

минары по казачьей культуре и многое другое должно сформировать в общине единый казачий дух, способный изменить внутренний мир и мировоззрение казака. К примеру, в каждом казачьем обществе на территории России, в том числе и в Тамбовском крае, работают образовательные учреждения казачь-

НЕ ТОЛЬКО СЕМЬЯ ИЛИ ШКОЛА СОЗДАЮТ ТАКОЕ ОКРУЖЕНИЕ, А В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ КАЖДЫЙ ИЗ НАС, КАЗАКОВ, СТАНОВИТСЯ ТОЙ МЕРОЙ, ПО КОТОРОЙ СУДИТ О КАЗАЧЕСТВЕ РАСТУЩАЯ ЛИЧНОСТЬ. КАЖДЫЙ ИЗ НАС ДОЛЖЕН ВКЛЮЧИТЬСЯ В ПРОЦЕСС ВОСПИТАНИЯ КАЗАКА. НЕСТИ В СЕБЕ ОБРАЗ КАЗАКА-ВОИНА, СИЛЬНОГО И СПРАВЕДЛИВОГО ОТЦА ИЛИ БРАТА, НАДЁЖНОГО ТОВАРИЩА И ВЕРНОГО ПОМОЩНИКА В ЖИЗНИ. КАЖДЫЙ ИЗ НАС ДОЛЖЕН ВКЛЮЧИТЬСЯ В ПРОЦЕСС ВЗАИМНОЙ ПЕДАГОГИКИ, ФОРМИРУЯ В ПОДРАСТАЮЩЕМ ПОКОЛЕНИИ ЛЮБОВЬ И ГОРДОСТЬ ЗА СВОЙ НАРОД, ЛЮБОВЬ К ПРЕДКАМ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД СВОИМ РОДОМ.

ка-воина, сильного и справедливого отца или брата, надёжного товарища и верного помощника в жизни. Каждый из нас должен включиться в процесс взаимной педагогики, формируя в подрастающем поколении любовь и гордость за свой народ, любовь к предкам, ответственность перед своим родом. Если посмотреть в глубь казачьей педагогики, окинуть взглядом всю историю казачества, мы увидим, что основой системы воспитания и педагогики была сама жизнь казака. Такую среду жизни формировали станица или хутор, семья и войско. Большую роль в этом играло знание о своём роде и жизнь по православной вере, в служении Отечеству и ответственности перед каждым членом общины.

Кроме этого, надо внедрять казачью педагогику в казачьи общины и в данное время усиленно работать над личным составом казачьих обществ, чтобы сформировать такую атмосферу казачьего коллектива, которая будет притягивать к себе каждого, кто хочет посвятить себя служению казачеству, Отечеству и вере православной. Система «повышения квалификации» должна строиться на совместной деятельности Представителей православной церкви, традиционных казачьих организаций культурологической направленности и под руководством атамана. Изучение основ православной веры, паломнические поездки, казачьи воскресные школы для взрослых, се-

ей направленности, казачьи клубы, секции и другое. Традиции казачества, его культура и идеи должны идти в массы, особенно в наше время, когда не хватает идеологии в обществе. А кто должен идти в массы? Конечно же, сами казаки, являя обществу славу казачества и пример служения Отечеству. ❗

Творческий союз

ТВОРЧЕСКИ, СОВМЕСТНОЙ ВЫСТАВКОЙ ОТМЕЧАЕТ СЕМЬЯ ХУДОЖНИКОВ СОЛОВЬЕВЫХ СВОИ 45-ЛЕТНИЕ ЮБИЛЕИ.

Председатель Тамбовского отделения Союза художников России Владимир Соловьев, продолжает лучшие традиции реалистического искусства, художников, неравнодушных к жизни родной страны и города. Таков был отец Владимира, заслуженный художник России Евгений Васильевич Соловьев, большой художник, представитель одной из ведущих отечественных школ живописи. С его приездом из Ленинграда в Тамбов, как и его товарищей А.П. Краснова и Е.В. Рябинского, художественная жизнь города приобрела новые краски. В атмосфере творчества, духовности,

Кира Рындина,
кандидат культуролога, член Союза художников России, искусствовед, зав. отделом научно-просветительской работы Тамбовской областной картинной галереи

почтения к истории и культуре своей Родины, любви и доброты в семье, вырос Владимир Евгеньевич Соловьев. Закономерным стало и избрание его на должность председателя Тамбовского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России».

Большое внимание уделяет Владимир Евгеньевич работе на пленэре. Так, осенью

2015 года им организован выставочный проект «Фестиваль изобразительных искусств «Краски Тамбовщины–2015», по итогам художественного пленэра в городах и районах области (МБУК «Пичаевский районный Дом культуры», музей р.п. Первомайский, МУ «Ржаксинский районный историко-краеведческий музей», МБУ «Краеведческий музей города Рассказово Тамбовской области», Администрация Рассказовского района Литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского, МБУК «Кирсановский краеведческий музей»), за что был награждён почетной грамотой Управления культуры и архивного дела. Сам Владимир Евгеньевич черпает вдохновение в этих поездках на природу. Его работы пронизаны любовью к природе родной Тамбовщины, интересом к повседневной жизни людей, истории и сегодняшнему дню нашей страны. Художник обращается к разным жанрам: тематическая картина, портрет, пейзаж, натюрморт.

Но, все же, выделяется пристрастие к пейзажу. Результатом пленэрных этюдов стали многие произведения последних лет. Среди них покоряет пейзаж «Солнечное поле». Это ослепительное поле подсолнухов. Художник выбирает своеобразные средства выразительности: одновременно простую и сложную композицию-пространство картины поделено на поле и небо. Не боится автор и почти открытого желтого цвета. А в целом, картина дарит ощущение радости и простора.

В тонком колорите прозрачных весенних пастельных тонов пейзажа «Нежная весна» прослеживается влияние творчества отца, замечательного колориста Евгения Васильевича Соловьева. Работа «Облака» созерцательная: создается впечатление пребывания зрителя в пространстве картины, кажется, вместе с автором мы наблюдаем за движущимися облаками, лежа на земле, восхищаясь ароматами трав.

ЕГО РАБОТЫ ПРОНИЗАНЫ ЛЮБОВЬЮ К ПРИРОДЕ РОДНОЙ ТАМБОВЩИНЫ, ИНТЕРЕСОМ К ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ, ИСТОРИИ И СЕГОДНЯШНЕМУ ДНЮ НАШЕЙ СТРАНЫ. ХУДОЖНИК ОБРАЩАЕТСЯ К РАЗНЫМ ЖАНРАМ: ТЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТИНА, ПОРТРЕТ, ПЕЙЗАЖ, НАТЮРМОРТ.

Владимир Соловьев обращается к теме «живой» жизни родного города. Так же как и Е.Соловьева, Е.Рябинского, А.Краснова, в свое время, молодых художников приехавших в Тамбов, живо интересовало развитие города в активный послевоенный период 50-60-е гг. В жанровой картине «Весна на станции Тамбов» – яркая живая деятельность важной артерии страны и региона – железнодорожной станции «Тамбов». Деятельность рабочих на первом плане, развивающийся дымок напоминают о поездках. Ощущение динамики сообщают извилистые параллели железнодорожных линий уходящих вдаль, даря надежду на радостное путешествие, на лучшее будущее.

Тема Ленинграда-Петербурга занимает особое место в памяти и в творчестве Владимира Соловьева. Его отец, Евгений Васильевич, родился и вырос в городе Гатчина Ленинградской области. Это место, его культура, его нелегкая история, определили многое в жизни и творчестве, как Евгения, так и Владимира Соловьевых. С глубоким чувством пишет Владимир Евгеньевич «Портрет художника Евгения Соловьева, моего отца». Автор рассказывает об отце, показывая его в привычной атмосфере, когда простой отдых обязательно сопровождался работой на пленэре, как любил художник, под Гатчиной, которая пережила страшную войну. К тяжелой странице жизни нашей Родины у Владимира особое отношение. «Художник и война» – эта тема волнует автора. Итогом его размышлений и поисков явилось произведение «Ленинградский этюд. Художникам блокады посвящается». В основу сюжета легла история ленинградского художника Вячеслава Пакулина, который, не смотря на ужасы блокады, писал каждый день, стоя с этюдником на Невском проспекте, являя пример стойкости и преданности творчеству. Так поступали многие художники Ленинграда. Об этом повествует наш современник – художник Соловьев. В картине доминирует холодный цвет. Застыли дома, транспорт, падают от истощения люди на улицах, но художник не мыслит себя без творчества и стойкости. Знаменательно, что документальный мотив получил творческую разработку.

Творческую интерпретацию получила и рыбацкая тема. Владимир и Ольга Соловьевы – страстные рыбаки. А иногда, трудно определить, кто из них проявляет большую активность в действиях и вдохновенных рассказах о рыбалке. Владимир осуществил создание нескольких работ по ярким, живым этюдам с натуры. Ну а задумка художника – это живописный цикл «Рыбацкие истории». В других жанрах Владимир Евгеньевич тоже ценит натурные наблюдения и наброски. Таковы его натюрморты: «Beer day» (День Пива), в котором свободно, сочно написаны рыба и пиво, традиционные натюрморты с цветами. Любит автор писать сирень, которая всегда на его полотнах свежа и ароматна.

Любовь к жанру натюрморта также сближает творческие пристрастия Ольги и Владимира. Но на выставке в этом жанре будет доминировать супруга председателя Тамбовского Союза художников. Если коротко попытаться охарактеризовать тематику работ Ольги Соловьевой, это, пожалуй, мир природы во всех ее проявлениях. Цветы и животные дарят тепло зрителю. Художница так и говорит, что хочет своим творчеством создавать настроение у зрителя или обладателя картины. В каждом персонаже – котике, собачке – определенный образ. В каждом свой характер: и кокетливая девушка (белая кошечка) и бандит с прищуром (взъерошенный кот), всеми любимый общительный Тимочка, собачка художника В.В. Сизова. Да и сама Оля любит животных и заботится о них. Автор работает в технике акварели, гуаши. Ее камерные работы предназначены для душевного домашнего общения с этими образами.

Есть в творческой копилке художницы и натюрморт, посвященный Великой Отечественной войне, со своей семейной историей. «Их познакомила война» – так действительно случилось с бабушкой и дедушкой Ольги Владимировны. Дед – герой войны, участник Курской битвы, направлен был на завершение войны на Дальний восток. В подбитом танке попал в плен. Бабушка необычным способом спасла суженого, создав любящую большую семью. Фотографии, выставленные ко Дню Победы, навеяли эмоции для создания акварельного натюрморта-картины, которая покоряет своей искренностью. Трепетное отношение к этой теме наряду с другими составляющими творческой жизни объединяет семью художников.

В 2016 году Владимир Соловьев награжден Секретариатом Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» серебряной медалью «Духовность. Традиции. Мастерство» за успехи в области изобразительного искусства, активную общественную деятельность и открытие персональной выставки. Как и во многих других почетных знаках Владимира Евгеньевича, наверно есть доля и его супруги, которая органично когда-то вошла в семью Соловьевых и стала верной соратницей своего мужа. А

Анна Керн из ... ЕКАТЕРИНБУРГА

«ПУШКИНСКАЯ» ФАМИЛИЯ КЕРН ДОСТАЛАСЬ ЕЙ ОТ МУЖА – ВЫХОДЦА ИЗ НЕМЕЦКОЙ СЕМЬИ, ЖИВШЕЙ В ПОВОЛЖЬЕ СО ВРЕМЕН ПЕТРА. А КАКОЕ ИМЯ ЛУЧШЕ ДРУГИХ ПОДХОДИТ К ТАКОЙ ФАМИЛИИ?

«УРАЛЬСКАЯ» АННА КЕРН ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ОТДАЛА СВЕРДЛОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ, ПРОЙДЯ ТРУДОВОЙ ПУТЬ ОТ ПРОВОДНИКА ДО РУКОВОДИТЕЛЯ СЕКРЕТАРИАТОМ НАЧАЛЬНИКА МАГИСТРАЛИ. ОНА ЕКАТЕРИНБУРЖЕНКА, НЕ ПО ГОДАМ МОЛОЖАВАЯ, ЭНЕРГИЧНАЯ КАРЕГЛАЗАЯ МИЛОВИДНАЯ ЖЕНЩИНА.

Ян Хуторянский,
член Союза журналистов России

Об авторе: Ян Борисович Хуторянский – многолетний собкор радиостанции «Маяк» на Урале, его имя занесено в энциклопедию «Журналисты России. XX–XXI», изданную в Москве.

Что касается ее знаменитой тезки, она, как писал Иван Сергеевич Тургенев, была белокурой, с кротким лицом и удивительным простодушием во взгляде. Этой женщине исследователи жизни и творчества Пушкина обязаны многими сведениями об обстановке, в которой он жил. В возрасте, когда многие сетуют на слабеющую память, у Керн обнаружился дар мемуариста.

Александръ: Наверное, у вас в квартире много книг, связанных с Пушкиным?

Анна Керн: Есть сочинения. В семье все очень любят его поэзию. Когда я стала носить эту фамилию, прочитала письма Анны Керн и стихи Александра Сергеевича, посвященные ей. В Риге видела дом, где жила Керн, а в Михайловском – липовую аллею...

...Можно понять душевное состояние нашей современницы Анны Юрьевны Керн, перечитывающей переписку Пушкина с женщиной, которая оставила в его поэзии след, подобный зарнице. Этот эпистолярный роман дорог нам своими «живыми» картинами.

Анна Петровна Керн. Из «Воспоминаний о Пушкине»:

«Он пришел утром и на прощание принес мне экземпляр главы «Онегина» в неразрезанных листах, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый листок бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновение...»

Аъ: – **Мать Вашего супруга звали, как Керн – Анна Петровна. Какой она осталась в памяти?**

А.К.: – Ее образ перекликается у меня с пушкинской Керн, которая была женщиной с характером. Она, как мы знаем, не смирилась с несчастливим супружеством и оставила мужа.

Аъ: – **Керн обвенчали с 52-х летним дивизионным генералом, когда она не достигла 17-ти лет. С тех пор в семье воцарилась казарменная атмосфера. После расставания с невежественным супругом ей пришлось нелегко, но она не сдалась...**

А.К.: – Матери моего мужа – Анне Петровне Керн – тоже выпала тяжелая судьба, но другого характера. Она, не колеблясь, разделила участь сосланного на Урал мужа.

Аъ: – **Так в пушкинские времена поступили жены декабристов...**

А.К.: – Свекровь вырастила десятерых детей и всем дала образование.

Аъ: – **Пушкинские даты в вашей семье воспринимаются как-то по-особому**

А.К.: – Я бы не сказала. Просто люди всегда обращают внимание на мою фамилию, больше чувствуешь себя женщиной. Получаешь какой-то заряд нежности, доброты и теплоты.

...Во время беседы в моем воображении часто возникали пушкинские места...

Петербург. Ужин в доме Олениных. Встреча Керн с Пушкиным. Январь–начало февраля 1819 года.

Вечер... Разъезжаются гости в экипажах. Поэт стоит на крыльце, провожая глазами женщину, вдохновившую его...

Аъ: – **Вы тоже обладаете даром вдохновлять?**

А.К.: – Хотелось бы надеяться, но мои заботы всегда были и остаются земными, связанными с работой, домом, семьей. Кстати, по-моему, современные мужчины не всегда замечают, что многое сделанное ими, зависит от нас, женщин.

Аъ: – **Замечают, но нередко гордыня мешает нам признаться. Пушкин не стеснялся...**

...Встреча с Керн «нашептала» ему одно из самых тонких лирических стихотворений. Поэтический шедевр, положенный на музыку Михаила Ивановича Глинки, получил самостоятельную жизнь, не подвластную времени.

Продолжая нашу беседу «на фоне Пушкина», мы не обошли время, когда его встречи с Керн стали реже. Наступало охлаждение. Между тем тогда она «находилась в упоении радости от приезда А.С. Пушкина», – записал в «Дневнике» молодой литератор А. В. Никитенко, современник Анны Петровны Керн.

Аъ: – **Известно, что послания, адресованные Пушкиным, она хранила, как святыню, а ее письма поэту специалисты относят к шедеврам эпистолярного искусства. Цитируемые Керн письма Александра Сергеевича рассказывают о нем больше, чем любые их переложения. Что Вам в них особенно дорого?**

А.К.: – Нежность, с какой они относились друг к другу в первый период их знакомства. Наверное, современным отношениям недостает этого и какого-то внутреннего света. И вот, когда читаю воспоминания Анны Керн, стихи Пушкина, чувствую, что во мне просыпается или возвращается, что-то очень важное и главное. Это состояние дорогого стоит. Даже если оно и не столь продолжительно, как хотелось бы...

...28 августа 1825 года. Из письма Пушкина Керн: «Приезжайте в Тригорское, и я обещаю Вам, что буду необыкновенно любезен. Я буду весел в понедельник, экзальтирован во вторник, нежен в среду, проворен и ловок в четверг, пятницу, субботу и воскресенье буду всем, чем Вы прикажете, и целую неделю у ваших ног...»

Об Анне Керн написано много материалов. Порой они противоречат друг другу. Иногда нелестно ее характеризуют. Между тем в двухтомнике «Друзья Пушкина» это имя стоит в ряду таких ярких личностей, как Вильгельм Кюхельбекер и Василий Жуковский, Петр Вяземский и Денис Давыдов. Среди ее почитателей были Антон Дельвиг и Дмитрий Веневитинов.

Что касается нашей памяти, то она остается такой, какой увидел ее Пушкин и оставил потомкам на все времена – существом удивительной, неземной красоты и чистоты.

Аъ: – В трудные дни или грустные минуты Вы думаете о пушкинской Анне?

А.К.: – Конечно, но, думаю, что сейчас стресс лучше всего снимается нормальной семейной атмосферой. Согревает любовь к ближним, отношения с друзьями, чтение Пушкина, музыка, которой когда-то училась. К тому же, я кандидат в мастера по спортивной гимнастике. Это эликсир на всю оставшуюся жизнь.

...Каждый год в июньские дни, когда мы вновь и вновь обращаемся к Пушкину, вспоминаются знакомые с детства названия мест, связанных с жизнью поэта.

Михайловское. Тригорское. Река Сороть. Летом 1825 года Александр Сергеевич почти ежедневно бывал в Тригорском. Здесь Керн гостила у своей тетушки. Пушкин читал поэму «Цыганы». Рассказывал сказку про Черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров.

«На другой день, – пишет в «Воспоминаниях о Пушкине» Анна Петровна Керн, – я должна была уехать в Ригу...» До памятного утра, когда Пушкин принес ей всем известные теперь стихи, оставалась всего одна ночь... **А**

*Я помню
трудное мгновение...*

СОКОЛ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

Владимир Владимирович Ламонов,
*старший научный сотрудник
Всероссийского исследовательского
института садоводов имени
И.В. Мичурина*

Фото Анатолия ЖАЛНИНА

Текст – Алексей КОРОЛЬКОВ

Соколиная охота считалась царской забавой. К этому увлечению были причастны люди обеспеченные, которые могли себе позволить содержать красивых хищных птиц. Особого расцвета соколиная охота достигла на Руси во времена правления Ивана IV Грозного и Алексея Романова. Тогда же был издан «Урядник Сокольничьего пути» – первый свод законов и положений, касающийся охоты с ловчими птицами, появились первые заповедники, предназначенные для охраны мест гнездования соколов.

Сейчас сокольники обучают пернатых хищников не только ловле дичи, они выступают с ними на официальных соревнованиях, где соколов оценивают по различным пока-

зателям: на какую высоту они поднимаются, когда выслеживают добычу, с какой скоростью устремляются вниз и прочее. Об этом рассказал житель Мичуринска, старший научный сотрудник Всероссийского исследовательского института садоводов имени И.В. Мичурина Владимир Владимирович Ламонов, который на протяжении десяти лет занимается соколиной охотой.

В детстве Владимир увлекался певчими птицами, у него были щеглы и овсянки, жаворонки и дрозды. Интерес к живым существам, наблюдение за их повадками, общение с природой развили у него желание более серьезно изучать орнитологию. Хищными птицами увлекся будучи студентом плодоовощного

института Мичуринского государственного аграрного университета, когда впервые посетил слёт сокольников в Липецкой области на известной «Галичьей горе». Там он увидел, как красивые птицы взмывают высоко в небо, с огромной скоростью падают на жертву.

В охоте сокольники применяют различные методы, для отслеживания сокола на его лапе крепят специальные бубенчики, чтобы с их помощью можно было в густой траве найти своего питомца. Есть более современные способы контроля – к птице крепится специальный датчик, и с помощью электронной системы отслеживают его местонахождение. Владимир использует радиотелеметрический передатчик с антенной. Его сокол ещё совсем молодой, ему несколько месяцев, поэтому пока самостоятельно добывать на охоте пищу он не может. В этот период ему требуется осо-

Собираются в середине февраля в Тульской области на День святого Трифона – покровителя охотников и рыбаков, в Международный день сокольников, есть и такой праздник, выезжают в Подмоскovie. Также несколько соревнований проходят весной и осенью в Липецкой области, в них принимают участие более ста человек, лучшим сокольникам вручают призы и кубки.

– В нашей области есть три сокольника в Мичуринске и два в Тамбове, выезжаем на слёты, обмениваемся опытом, – говорит Владимир. – У меня, помимо сокола, в вольере живут ястреб-тетеревятник, коршун, сова. Молодой сокол любит порезвиться. Были случаи, когда во время полёта ради забавы он сбивал головные уборы с прохожих, однажды охотился у пруда и сбил шляпу с рыбака. Иногда его атакует стая ворон, но чаще всего,

---

КАНЮК, КАК И ВСЕ СОВЫ, – ОТЛИЧНЫЙ ЗАЩИТНИК СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. СЕМЬЯ КАНЮКОВ В ДЕНЬ СЪЕДАЕТ НЕ МЕНЕЕ 20 МЫШЕЙ-ПОЛЁВОК, ЗА ГОД ЭТО 7300 ШТУК, А УЧИТЫВАЯ, ЧТО КАЖДАЯ МЫШЬ В ДЕНЬ СЪЕДАЕТ И ПОРТИТ ОКОЛО 20 ГРАММОВ ЗЕРНА, МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ, КАКУЮ ОНИ ПРИНОСЯТ ПОЛЬЗУ. НЕ МЕНЕЕ БЕСПОЩАДНЫЙ ИСТРЕБИТЕЛЬ МЫШЕЙ И СОКОЛ-ПУСТЕЛЬГА. А ВОТ ИМПЕРАТОРСКИЕ ОРЛЫ, ИЛИ КАК ИХ ЕЩЁ ОКРЕСТИЛИ СОВЕТСКИЕ ОРНИТОЛОГИ ОРЛЫ-МОГИЛЬНИКИ, ВПОЛНЕ СПОСОБНЫ ОТЛАВЛИВАТЬ СУСЛИКОВ, ПРИНОСЯ ЕЩЁ БОЛЬШУЮ ПОЛЬЗУ. МЕЛКИЕ СОКОЛКИ – ЧЕГЛОКИ И КОБЧИКИ – В ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ СЪЕДАЮТ ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО ВРЕДНЫХ НАСЕКОМЫХ.

бая забота человека. В рацион сокола входит мясо, его сокольник берёт на птицефабрике. Главное для сокола – ежедневная охота. В этом процессе Владимир задействует собаку. Животное выискивает на земле, например, куропатку, сокольник держит пристёгнутого цепочкой к руке сокола. Затем выпускает его, хищник поднимается в небо, даётся команда собаке, которая спугивает куропатку. Сокол пикирует вниз и поражает жертву.

Владимир Ламонов поясняет, что есть соколы, которых берут из гнезда, такие птенцы не успевают привыкнуть к своим родителям, они быстрее адаптируются у человека, становятся более ручными и контактными.

Ежегодно Владимир со своими питомцами принимает участие в слётах сокольников.

как только сокол зависает в небе, у пернатых срабатывает инстинкт самосохранения, они прячутся в зарослях кустарников, в кронах деревьев и тихо сидят, пока он не улетит.

Была у Владимира и его товарищей идея создать орнитологическую службу по защите садовых насаждений. Во время созревания плодовых деревьев мелкие пернатые осаждают их, портят урожай. Меры по отпугиванию с помощью шумовых приборов не имеют эффекта, и лучший способ уберечь урожай от мелких птиц – это сокол. По его словам, в Казани создана такая служба, она используется для защиты складов, зернохранилищ, элеваторов.

Изучая эту тему, Владимир выяснил, что за границей существуют государственные программы по восстановлению хищных птиц.

К примеру, Англия, когда-то избавившаяся от ястреба-тетеревятника, уже через два года осознала свою ошибку, оставшись без какой-либо дичи, и была вынуждена закупать уцелевших хищников в континентальной Европе. Постепенно в сознании охотпользователей стало формироваться понимание того, что хищник является неотъемлемой частью экосистемы, без которой она не может существовать. В России создан ряд заповедников и питомников хищных птиц. Один из них расположен по соседству – в Липецкой области, здесь занимаются восстановлением уничтоженного некогда в нашей лесостепи сокола балобана, когда-то тоже причисленного к разряду врагов природы, хотя рацион его состоит почти исключительно из грызунов.

Говоря о вреде и пользе хищных птиц, Владимир Ламонов отмечает, что из десятков видов, обитающих на территории нашей области, только ястребы способны охотиться на крупную добычу. Остальные же хищники питаются главным образом мышевидными грызунами, ящерицами и насекомыми, лишь иногда нападая на ослабленных больных животных, тем самым выполняя роль санитаров. Наверняка все видели крупных буроватых птиц, сидящих на столбах и деревьях вдоль дороги или на стогах сена, – это обыкновенные канюки или сарычи. Канюк, как и все совы, – отличный защитник сельского хозяй-

ства. Семья канюков в день съедает не менее 20 мышей-полёвок, за год это 7300 штук, а учитывая, что каждая мышь в день съедает и портит около 20 граммов зерна, можно представить, какую они приносят пользу. Не менее беспощадный истребитель мышей и сокол-пустельга. А вот императорские орлы, или как их ещё окрестили советские орнитологи орлы-могильники, вполне способны отлавливать сусликов, принося ещё большую пользу. Мелкие соколки – чеглоки и кобчики – в летнее время съедают огромное количество вредных насекомых.

У Владимира было предложение из Европы поработать в этом направлении, но он надеется, что в его родной области обратят внимание на этот вопрос.

После первой удачной охоты сокольники часто дают хищному пернатому имя. Молодой сокол, что находится сейчас на попечении у Владимира, пока имени не имеет, но скоро он получит боевое крещение и тогда, возможно, обретёт его. Оценивая физические данные сокола, Владимир уверен, что он может вырасти в хорошего охотника. По мнению сокольника, на предстоящем слёте в Липецкой области его соколу вряд ли удастся достичь серьёзных результатов, ещё совсем мало времени прошло с момента начала воспитания, а вот на будущий год он вполне может проявить себя и получить награду. ▮

НАШИ В РИО

ЗАВЕРШИЛИСЬ XXXI ЛЕТНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В БРАЗИЛИИ. ЕДИНСТВЕННЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ТАМБОВЩИНЫ В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО СТАЛ НАШ ЗЕМЛЯК МАСТЕР СПОРТА СССР ПО ФЕХТОВАНИЮ АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ СКОРНЯКОВ, КОТОРЫЙ ВОШЁЛ В ОФИЦИАЛЬНУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ БОЛЕЛЬЩИКОВ СБОРНОЙ СТРАНЫ ПО ПРИГЛАШЕНИЮ ФЕДЕРАЦИИ ФЕХТОВАНИЯ РОССИИ. СЕГОДНЯ АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ НАШ ГОСТЬ.

Анатолий Михайлович Скорняков,
мастер спорта СССР по фехтованию

– Наша делегация, – рассказывает Анатолий Михайлович, – состояла из олимпийских чемпионов и чемпионов мира по фехтованию, а также специалистов по этому виду спорта. Причём у нас было самое мощное представительство – более ста человек. Главными нашими задачами стали поддержка российских спортсменов, создание у них положительного настроения. Кроме того, мы должны были дать им понять, что они на Олимпиаде не одни. Россия – с ними.

АЪ: – И это наверняка сказалось на результатах...

А.М.: – Вообще за всю историю Олимпийских игр российские спортсмены никогда не завоевывали подряд столько наград. На этот раз «урожай» медалей оказался более чем внушительным: четыре золотых, одна серебряная

и две бронзовые. Таким образом, выступление нашей сборной по фехтованию оказалось очень результативным, а в этом, конечно же, заслуга не только спортсменов, но и тренерского состава, да и всей Федерации в целом. Я бы даже назвал эту победу отчасти политической.

АЪ: – Почему?

А.М.: – Понимаете, в отличие от выступления других команд, наша по непонятным причинам оказалась в некоей информационной изоляции. Выступления российских спортсменов не транслировали по местному телевидению, их поединки не выводили на установленные в зале огромные мониторы. И мы, болельщики, не знали: кто на текущий момент какую строчку в турнирной таблице занимает. Зато нас активно информировали по состоянию дел в командах соперников – сборных Японии, США, Франции, Австрии... Создавалось впечатление, что сборной России в Рио просто нет.

АЪ: – Тем не менее дебют нашей сборной российских болельщиков огорчил. В чём, на ваш взгляд, причина первых неудач?

А.М.: – Первый день нас, конечно, ошеломил. Девчонки вышли на дорожку испуганные, растерянные... Я поинтересовался у олимпийского чемпиона Станислава Позднякова: «Что случилось?». А он: «Я сегодня не видел нашего фехтования». Может быть, сказались сложный четырнадцатичасовой перелёт с промежуточной посадкой в Дубаи и шестичасовая разница во времени с Москвой. Зато следующий день показал совершенно иные результаты. Сборная выровнялась и пошла по нарастающей.

АЪ: – Какие, на ваш взгляд, были самые запоминающиеся бои российских рапиристов и саблистов?

А.М.: – Самые зрелищные бои были, конечно же, за первые места у мужчин и женщин – когда наши ребята в командных зачётах победили американцев. И это на фоне, мягко говоря, недружелюбного настроения болельщиков команд-соперниц. Как только россияне выходили на помост, в зале раздавались свист, шум, топот. Согласитесь, что в такой атмосфере сложно собраться и добиться победы. Но нашим ребятам удалось показать скоростной

бой, прекрасную технику владения клинком. На этой олимпиаде побеждали характеры. На мой взгляд, не было ни одной простой встречи. Все поединки оказались, как говорят рапиристы, валидольные. Так что и нам, болельщикам, они подарили незабываемые минуты высочайшего эмоционального подъёма.

АЪ: – А как в таком случае было организовано судейство?

А.М.: – Вы знаете, как раз в судействе никакой предвзятости я не усмотрел. Работа судейского состава была организована на редкость чётко, честно, квалифицировано и слаженно. Никаких притеснений и придинок к нашим спортсменам судьями допущено не было, что ещё раз подтверждает высокий уровень подготовки российской команды и безоговорочность достигнутых результатов.

АЪ: – Наверняка вам удалось пообщаться с нашими олимпийскими чемпионами. Какое впечатление они о себе оставили?

А.М.: – Простые, доступные в общении ребята, которые не испытывали ни зазнайства, ни звёздности. После своего выступления они приходили на трибуны и вместе с нами болели за своих товарищей по команде. И в этот момент мы были единым целым. К сожалению, личное общение с членами сборной было кратковременным и происходило в основном после завершения поединков.

АЪ: – Как складывался ваш «рабочий день»?

А.М.: – После того, как мы поселились в гостинице, нам выдали билеты на все соревнования. День начинался с завтрака, затем нам предоставляли трансфер до скоростного автобуса, который доставлял нас к олимпийскому центру «Рио 2», где находится ещё и велотрек, залы для борьбы, фехтования и гимнастики. Там мы проходили многоуровневый контроль, у болельщиков изымали все лишние, по мнению службы безопасности, предметы, включая яблоки и бананы. В девять часов начинались предварительные бои на пяти дорожках. Наша задача заключалась в перемещении по секторам зрительских трибун, чтобы болеть за наших ребят и находиться к ним ближе относительно той дорожки, где они выступают. В эти моменты с нами были главный тренер сборной Ильгар Мамедов, четырёхкратный олимпийский чемпион

и десятикратный чемпион мира, первый вице-президент Федерации фехтования России С.А. Поздняков. В два часа заканчивались предварительные бои, и мы возвращались в гостиницу обедать. В свободное время либо гуляли по Копакабана – знаменитой набережной, либо отдыхали на берегу Атлантического океана, где расположено огромное количество продуктовых магазинов и развалов сувенирной продукции. Кстати, цены на продукты питания в Рио, по российским меркам, весьма высокие. К примеру, килограмм помидоров там стоит порядка 200 рублей, а буханка местного хлеба около 120. И это при том, что зарплата инженера там в пересчёте на российские рубли равна десяти тысячам. Люди в этом мегаполисе в целом живут достаточно скромно: в Рио не встретишь дорогих авто – всё местное население перемещается на автомобилях бюджетных комплектаций. При этом Рио-де-Жанейро показался очень спортивным городом. На улицах мы видели огромное количество людей самого разного возраста, которые занимались бегом, ездой на велосипедах и роликовых коньках.

АЪ: – В центральных СМИ проходила информация о том, что Рио – место достаточно криминогенное...

А.М.: – Когда нас везли из аэропорта, естественно, мы видели фавелы – кварталы бедняков. И это производило на нас удручающее впечатление. Но ближе к центру город становился всё более обустроенным. К проведению Олимпиады бразильцы вообще подошли очень ответственно: при суще-

ственном дефиците средств на социальные нужды они сумели построить прекрасные олимпийские объекты, проложить новые олимпийские трассы, по которым курсируют скоростные автобусы с трафиком, сопоставимым с экспрессами московского метро. Сами по себе жители Рио показались нам весьма доброжелательными, улыбчивыми и участливыми, хотя португальским языком мы не владеем. Наша делегация жила там, где обитателей фавел не встретишь. Следует учитывать и усиленные меры безопасности, которые предприняло в связи с проведением Олимпиады руководство страны: повсюду можно было наблюдать охрану, военных, полицейских, волонтеров... В небе то и дело кружили вертолёты.

АЪ: – Способно ли столь успешное выступление сборной России по фехтованию на Олимпиаде в Рио изменить отношение к этому виду спорта региональных спортивных чиновников, ведь, кроме Мичуринска, секций по фехтованию поблизости нет ни где – ни в Липецке, ни в Тамбове?

А.М.: – Очень этого хотелось бы. Скажу за себя: тем, что увидел и узнал, со своими воспитанниками я обязательно поделюсь. Семь олимпийских медалей высшей пробы и престиж страны, согласитесь, ко многому обязывают. Осмелюсь предположить, что после успеха российской сборной в Рио в стране может начаться фехтовальный бум. **А**

Беседовал
Михаил БЕЛЫХ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БОЕВ

Поэт. Родился в 1969 г. в Воронеже. Окончил Воронежский Политехнический институт в 1991 году и Высшие литературные курсы Литературного института имени А.М. Горького (2005 г.) Автор книги стихотворений «Снегопад» (2000 г.) Член Союза российских писателей.

***

Снова яблоко падает в тёплую женскую руку;
Снова время скользит, как алмаз, выводящий узоры –
Для того, чтобы ты постигал непростую науку
За любым поворотом увидеть открытое море.
Но кто сможет сказать, почему тебе так одиноко?
И, как шарф по петле, распускаются строчки по букве –
До первого слова, до самого первого вдоха,
До шороха листьев в расправившем лёгкие звуке.
Это осень горит, как мосты твоего Рубикона.
Это кружится лист, выводя только альфу с омегой.
И скамейка стоит – опустевшая лодка Харона.
Можно сесть на неё, как на хрупкий обломок ковчега.
Будто кончилась жизнь, что могла быть длиннее и лучше.
Словно жил лишь затем, чтобы возле кафе, на удачу,
У немой продавщицы с лотка закупить безделушек –
И уйти по аллее, оставив ненужную сдачу.

И.К.

Если клён на ветру, как гортань у заики,
 Что не может сказать от волнения «люблю»,
 Если жёлтого цвета случайные книги
 Даже тонкостью шрифта под стать октябрю –
 Что ты можешь сказать, кроме тихого вздоха,
 Стержень сломанной ручки в руках теребя.
 За оконным стеклом исчезает дорога
 Под стекающей каплей «слепого» дождя.
 Но в колодце вода с лёгким привкусом Леты,
 И таблетка от сердца, как горький обол –
 Чтобы ты забывала все страхи и беды,
 Черновые наброски, и письменный стол.
 Ты забудешь. И будто совсем без причины,
 По бескрайнему полю пойдёшь не спеша
 В те края, где летящая нить паутины –
 Это то, чем держалась за тело душа.
 И ты выйдешь к реке – там, где старая липа,
 И не виден тот берег в белёсом дыму...
 Ты вернёшься назад, и напишешь одно лишь:
 «Спасибо» –
 Обращаясь уже неизвестно к кому.

***

Голубь в небе, как узел пространства, –
 на память,
 Чтобы мог я когда-нибудь вспомнить
 Этот солнечный полдень над нами,
 Запах ягод на тёплой ладони,
 Белой бабочки хрупкие крылья,
 Эту нежную тонкость запястья... –
 И почувствовать приступ бессилья
 От невысказанной близости счастья.

***

Аллеи, цвета мёртвой канарейки.
 И воздух замер – как прощальный жест.
 Вот почему на сломанной скамейке
 В безлюдном парке нет свободных мест.

И только дворник – эхо листопада –
 Играет в осень с пламенем свечи.
 И хочется домой – не потому что надо,
 А потому, что потерял ключи.

***

В парке – осень. Спешащий прохожий.
 Станный свет сквозь сплетенье ветвей –
 Вот такой же бывает в прихожей,
 Когда ждёшь непришедших друзей.

Сяду здесь. Не пройдёт и минуты,
 Ты почувствуешь в воздухе то,
 Как в ларёк по приёму посуды
 Превращается цирк-шапито;

Как дрожат поредевшие тени,
 И пустая скрипит карусель,
 Заменяя пакет на коленях
 На потрёпанный школьный портфель.

Ты о чём это? Я? – о немногом,
 И, быть может, единственном – том,
 Что по осени входит со вдохом,
 Как хозяин в заброшенный дом.

Как назвать, если слово как рыба,
 Что скользит из хватающих рук,
 Если кроме «прощай» и «спасибо»
 Не уместен какой-либо звук?

Да и стоит ли? Знаешь, не стоит.
 Обойдись без подобных затей –
 Здесь любой перекрёсток накроет
 Пустотой городских площадей.

Просто молча смотри, как в фонтаны
 Ветер сносит листву октября...
 И сижу я, уставший и пьяный,
 Сам с собой не спеша говоря.

***

Почитай мне Тарковского на ночь.
 Что-то есть в его тихих стихах –
 Будто Осип, Марина и Анна
 Завели разговор при свечах.
 Боль и радость. Наивность и опыт.
 Так становится жизнью игра.
 Так в стихи превращается шёпот,
 Заклинающий пламя костра
 Не погаснуть в январскую стужу
 Страшной ночью в бескрайней степи...
 Не трави мне, бессонница, душу,
 Снова нервы мои не трепи –
 Ты читай. И покажется: мимо
 Проплывает в тумане окно –
 Там, по форме блаженного Крыма,

Разлилось дорогое вино.
Там чернила пропахли печалью,
А листы на столе – октябрём,
Чтобы слову отсвечивать стальною,
Проверяясь судьбой на излом.
Это там, среди хлама и сора,
Через годы, отыщут ключи
От закрытой двери, за которой...
Ради бога, прошу, замолчи.

ПАМЯТИ В. В. НАБОКОВА

1.

Озеро, облако, башня... Печаль.
Эта горечь утраты и чувство приютского крова.
Если вечно перо, почему же ломается сталь,
На немецком листе выводящая русское слово?
Вынь из бабочки мёртвой иглу, и поставь
в патефон;
Заведи что угодно – услышишь мотив
возвращенья.
Этот страшный мотив так похож
на навязчивый сон,
Чей единственный смысл заменяет момент
пробужденья.
Остается – писать, забывая хотя бы на час
Всю бессмысленность места, и цифру идущего
года.
Но отточенность фразы – как острая бритва
у глаз,
Как движенья солдат из расстрельного взвода.
И пусть прежняя жизнь превращается в пепел
и дым;
Пусть уходят друзья, разрываются кровные
узы –
Всё равно, всё останется с тем, кто храним
Беспощадной любовью единственной музыки.

2.

Ночь, и в доме из русского – лишь тишина,
Та, что ярче, чем память, и больше, чем слово.
И уже невозможно дойти до окна,
Не попав под метель где-то возле Ростова.
И мерещится стук, стук вагонных колёс,
От которого в строчках – как эхо – следы
многоочий.

Боже мой, сколько лет всё никак не уйдёт
под откос
Этот призрачный поезд, везущий бессонные
ночи!
Сколько будет стоять, проступая сквозь холод
и мрак,
Тихий зал ожиданий, в котором нет силы
не слушать
Чей-то пьяный фальцет: «Господа, а вы
помните, как...?» –
И в стотысячный раз... но к чему выворачивать
душу?
И окно – в трёх шагах. Потухающий свет
фонарей.
Подойти и смотреть, как, до блеска метя
мостовые,
Гонит ветер листву – будто пламя свечей,
Отгоревших в церквях за спасенье России.

3.

Ключ от почты на солнце сверкнёт воронёным
стволом.
Ты закроешь глаза, но его не упустишь из рук –
Он от сотен дверей, в той стране, где за левым
плечом
Караулит бессонная память потерь и разлук.
Но любви, как и смерти, нельзя ничего запретить.
И поэт, как Орфей, в темноте обернётся назад –
И увидит не то, что порвал путеводную нить,
И не то, что к нему подступает удушливый ад.
Он увидит себя в невозможно-далёком году;
Мама машет рукой и, наверно, зовёт его в дом.
Только он не идёт – кружит бабочка в тихом саду,
(Или это письмо подняло со стола сквозняком?)
Будет время стоять, как в хрустальном бокале
вода.
Но никто из людей не сильнее бесстрастной
судьбы.
И на запад пойдут, превращаясь в дома, поезда –
Потому, что устанут считать верстовые столбы...
Ты себя не вини – ведь пока что открыта
тетрадь,
И ты хочешь, стерпев эту боль и щемящую грусть,
Свои лучшие строки, на чистом листе, написать.
Написать. А потом, не спеша, зачеркнуть.

ЕЛЕНА ЧАСОВСКИХ

Елена Часовских родилась в городе Рассказово Тамбовской области в 1976 году. Закончила 11 классов, в 1993 году поступила на филологический факультет Тамбовского государственного педагогического института. С 1995 года участник поэтической студии АЗ (Академия Зауми) под руководством поэта, критика и исследователя литературы русского авангарда Сергея Бирюкова. Стихи и проза Е. Часовских опубликованы в местных и центральных газетах, журналах, поэтических сборниках, сети интернет.

После окончания Тамбовского государственного университета (бывший ТГПИ) в 1998 году поступила в аспирантуру при кафедре русской филологии Тамбовского технического университета, в 2003 году защитила диссертацию по русской литературе «Поэтико-философский контекст и околороманное пространство «Розы Мира» Даниила Андреева». Кандидат филологических наук.

Активно сотрудничает с Информационным порталом Рассказово в качестве внештатного журналиста. Является участником Рассказовского литературного клуба, пишет сказки, стихи. Увлекается реконструкцией костюмов раннего средневековья, член военно-исторического клуба «Средневековье» (г. Тамбов), участник фестивалей «Русборг», «Ладейное поле», «Атмановские кулачки».

* * *

Никому неизвестно, что будет потом,
 Но, когда мы уходим, мечтаем о том,
 Чтоб не рушился дом, не пустела земля,
 Серебрились изнанкой листвы тополя,
 Чтобы в комнате светлой смеялся малыш,
 Чтобы дождь барабанил по клавишам крыш,
 Наступала весна и блестела река,
 Чтобы солнце до ночи пасло облака,
 И, забывшись над книгой в полночный час,
 Чтобы кто-нибудь вспомнил случайно о нас,
 Обнаружив под прессом классических глав
 Лепестки незабудки и оттиски трав...

КОРАБЛИ НЕ ПРИДУТ...

Корабли не придут, а придут – не за нами,
 А за нами – так мы не оставим земли,
 А оставим – куда же мы под парусами,
 Если мы на земле всех дорог не прошли!..

Наши клады найдут ли под камнем и дёрном?
 Наши книги прочтут ли, поймут алфавит?
 Наши песни разбудят ли плачущим горном
 Души воинов ради блистательных битв?

Мы не ведали сна от рожденья доныне,
 Чтоб, ступая на борт, не заспать – не забыть,
 Как горька бледно-серая ветка полыни,
 Как тонка мирозданье держащая нить...

ПТИЦЫ

Вот ты умрёшь, а птицы будут жить.
Кружить, носиться под небесной твердью.
За горсть пшена купи себе бессмертье,
Которое за деньги не купить.

Ты замолчишь, а птицы будут петь,
Ни разу не возьмут фальшивой ноты.
Устав от боли, страха и заботы,
Так просто вслед за ними улететь.

Они вернуться, как всегда, весной,
И голос твой вернётся вместе с ними.
И лица станут светлыми, другими
У тех, кто тяготился тишиной.

Письмо моей любимой учительнице русского языка и литературы ЛЮБОВИ СЕРГЕЕВНЕ ИШИНОЙ

Здравствуйте, дорогая Любовь Сергеевна!
Пишет вам Лена. Я из 6 «бэ».
Старой тетрадью это письмо навеяно.
Вы диктовали: судьбою, судьбу, судьбе...

По электронной почте мои глаголы
Вам направляю в длинном своём письме.
Ветки за окнами снова бесстыдно голы
И об обещанном снеге кричат зиме.

Снега не будет, а будут дожди и слякоть,
К Новому году город покроет грязь.
Небо мудрее, оно научило плакать
Тех, кто хотел по жизни пройти смеясь.

В будущем времени зыбкий туман клубится.
В прошлом таится коварный сонорный «эл» –
Это Любовь и Ласка, Любимых Лица,
Тех, кто со мной остаться не захотел.

А в настоящем что ни строка – вопросы
И отрицанья, и многоточий след.
Знаете, я, как другие, не стригла косы,
Чтоб заплести в них память прошедших лет.

Волосы долги, а ум, как назло, не долог.
Все предложенья сложные для меня.
Он предложил: забудем, нам скоро сорок
И неприлично всё сгоряча менять.

Вы говорили: «Только покой и воля»,
Вы говорили: «Выдавите рабов»,
«Слава безумству храбрых». Не оттого ли
Я не склоняюсь, как большинство из слов?

Помню, глагол превращался у вас в причастье.
Я причастилась добром и хлебнула зла.
Вы задавали на дом писать о счастье.
Я до сих пор вам домашнюю не сдала.

В вашем планшете скоро, хвала вай-фаю,
Белый конвертик высветит интернет.
Я к вам пишу, верю и даже знаю:
Двойку поставить не захотите мне.

МОЕЙ ДОЧКЕ

Девочка! Я никогда не умру.
Самыми страшными клятвами – хочешь? –
Я поклянусь тебе. Знаешь игру:
Зимней холодной и ветреной ночью

Надо пройти босиком до окна
И подышать на застывшие стёкла.
Страшно. Луна ледяная поблёкла.
В комнате тиканье и тишина...

Страх и молчание – не навсегда!
Вдруг соскользнут истонченные льдинки.
В этом окошке – в его серединке –
Видишь – горит золотая звезда?

Это у ангела светит в ладонях
Сердце моё. И не надо грустить.
Я не умру. Только буду любить
С каждой минутой светлей и бездонней.

Я ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ

Я вернулась домой
Я вернулась из дальних земель.
Нужно вытравить моль.
Нужно с внуком сварить карамель.
Нужно выбить ковры,
Обзвонить своих старых подруг,
Жалюзи от жары
Заказать, сдать в починку уют.

Только ветер, играя,
Унёс занавеску в окно.
Неужели до края
Земли нам с тобой не дано?
Но за пару минут,
За которыми светится рай,
Вдруг успеем шагнуть
Ближе к краю и даже – за край?

ЛЮБЛЮ

Ты цеплялся к любому слову.
Спать не шёл. Говорил «не спится»...
Ты ревнуешь меня к Тамбову –
Его улицам, липам, птицам.

Да, люблю! Замолчи. Послушай,
Не веди себя как мальчишка.
Этот город вошёл мне в душу
Очень больно и сильно слишком.

Он был резок со мной и нежен,
Падал в ноги, трепал мне нервы.
Неотъемлем и неизбежен,
Как любовь и как смерть, наверно.

Не обучена я лукавить.
(Научиться б. Да больно поздно).
Этот город – мечта и память,
Имена, и мосты, и звёзды.

Шёпот кладбища, гул вокзала,
Трепет флагов над мокрой сценой.
Я люблю его. Всё сказала.
Отпусти меня, драгоценный.

МОНОЛОГ ЕВЫ

– Я здесь устала. Вернёмся в рай,
Адам, прошу тебя, я хочу
Вернуться к огненному мечу,
Путь преградившему в милый край.

Дороги пыльны, плоды горьки,
На обгоревшем плече моём
Всё крепче сжатье твоей руки
Мне больно, милый, домой идём!

Какой здесь холод и мрак, гляди –
Дождём заковано небо в сталь...
Там, на пороге, отец сидит
И, сгорбив плечи, всё смотрит вдаль.

* * *

Печали печатями вплавлены в лики.
День выпит. На дне не оставлено зла.
Бесшумны, легки, как шаги Эвридики,
О Время, твои золотые крыла.

И ты – не отстанешь; взовьёшься с уловом,
Ни криком тебя не спугнуть, ни мечом.
О Время, ты Бог; я служу Тебе словом,
А ты мне – полётом над правым плечом.

АКАТИНОЛА МЕМАНТИН¹

Я ребёнок, лежу в колыбели,
Вспоминаю грядущие дни.
Будут окон уютных огни,
Будут звонкие с крыши капли...
Мне заботливый ангел сказал,
Покрестив незаметно в дорогу:
«Будет горя и счастья помногу,
И друзей, и врагов – за глаза».

Я дремлю, бормоча про себя
Про свои золотые денёчки.
Рядом шепчутся внучкины дочки,
Одеяло моё теребя:

«Баба старая, всё забывала.
Тетя врач говорит – не жилец».
Что вы милые, разве конец?
Ну а мне показалось – начало...

***

Я хотела отречься, предать, отойти,
Сеять лён голубой, ткать холсты на пелёнки...
Только острый и быстрый, как взгляд оленёнка,
Меч Архангела снова вставал на пути.

Я хотела не действовать и убежать,
В кокон жизни забиться и выйти – обычной.
Я хотела быть суетной и безразличной,
Я желала забыться и не вспоминать.

Только разве желание – это не путь?
Не клеймо принадлежности мира иного?
Я сказала «хочу» – вот дорога и суть –
И душа – и судьба для служителей Слова.

И архангельский меч обратился листком,
Вязью слов, и понятной мне, и запредельной:
«Этот мир питаешь своим молоком,
Этот день укачаешь своей колыбельной».

¹ Акатинола мемантин – лекарство, которое выписывают старикам от потери памяти.

